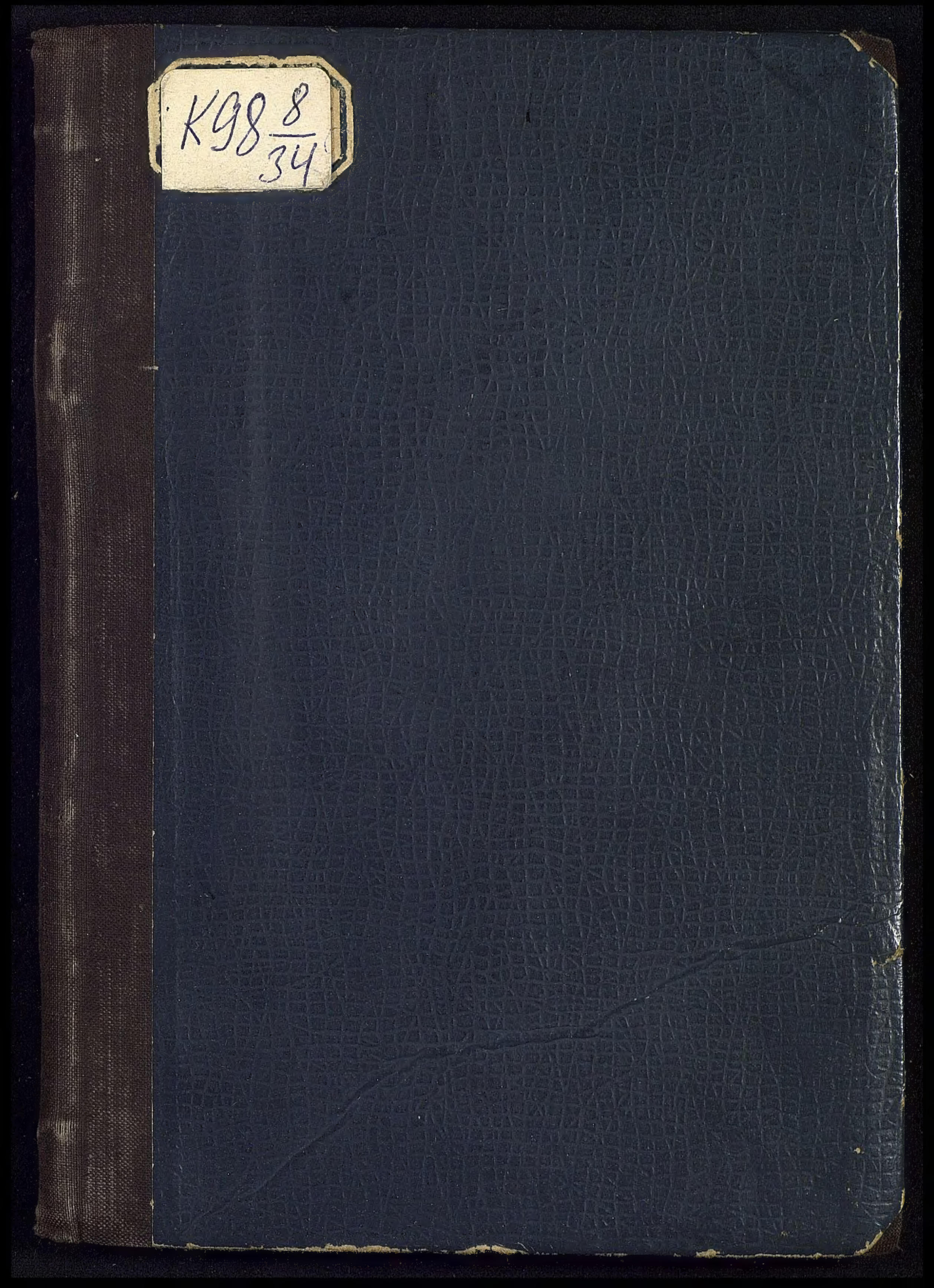
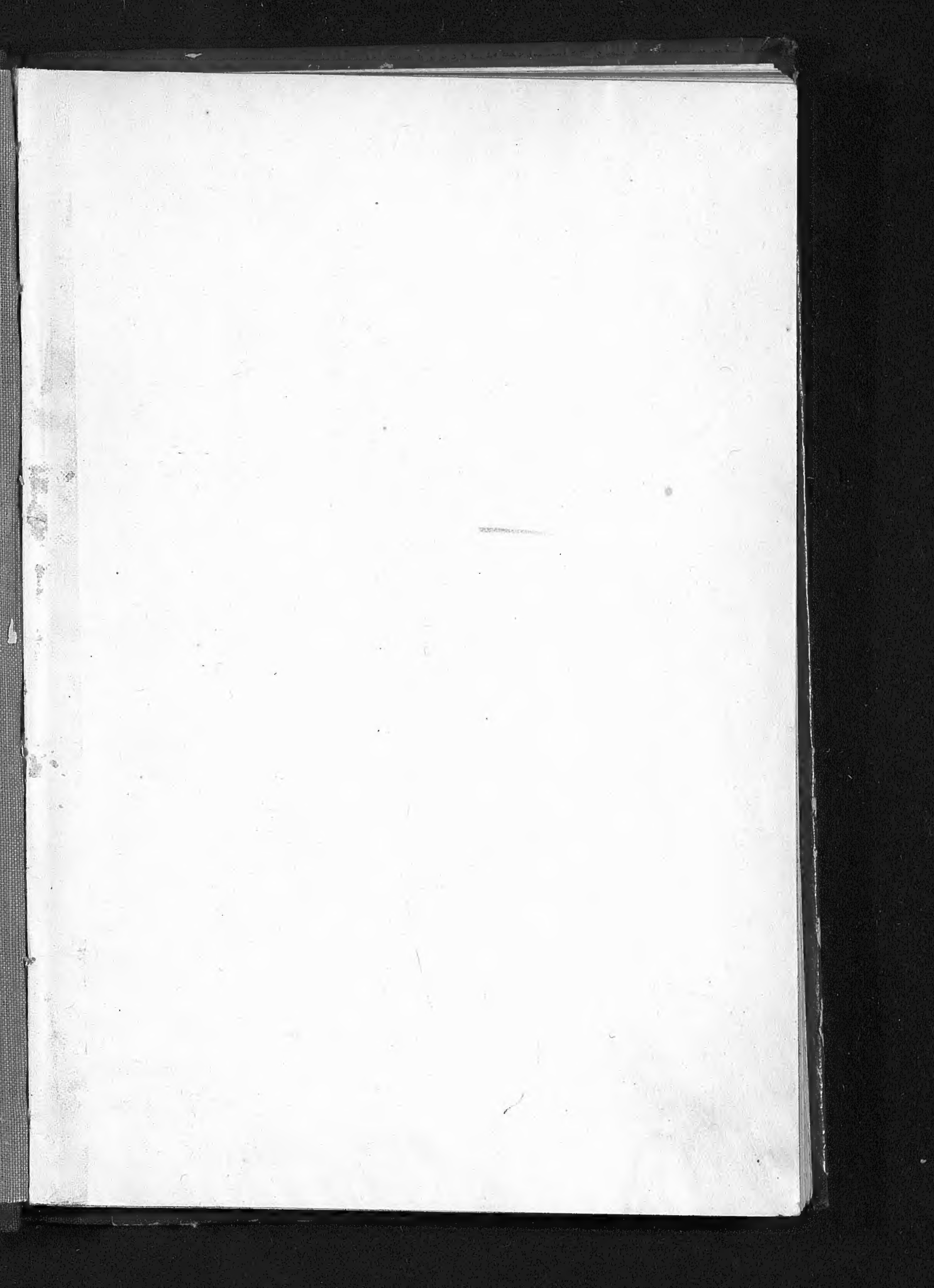

К 20-ЛЕТИЮ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

„НАДО ОБ'ЯСНИТЬ ЛЮДЯМ РЕАЛЬНУЮ ОБСТАНОВКУ ТОГО, КАК ВЕЛИКА ТАЙНА, В КОТОРОЙ ВОЙНА РОЖДАЕТСЯ"
ЛЕНИН

ЗАГОВОР ПРОТИВ МИРА

КАК БЫЛА РАЗВЯЗАНА ИМПЕРИАЛИСТАМИ ВОЙНА В 1914 Г.

факты и документы

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ „ПРАВДА"
МОСКВА 1934 ГОД

К 20-летию мировой империалистической войны

„Надо об'яснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается".

ЛЕНИН

Заговор против мира

КАК БЫЛА РАЗВЯЗАНА ИМПЕРИАЛИСТАМИ ВОЙНА В 1914 ГОДУ

ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

Издание редакции „ПРАВДА"
МОСКВА, 1934 ГОД

Сборник составлен под руководством И. Ерухимовича при участии тт. А. Ерусалимского, Л. Волынского, Ф. Нотовича.

Выпускающий К. Карапетов.

Сдано в набор 6/VIII Подписано к печати 11/VIII
Уполн. Главлита № В–93867 Заказ № 2499 Изд. № 787
6 бум. листов, 91.264 п. зн. в 1 бум. л., формат 62 × 94 Тираж 10.000

Типография газ. „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48.

„... Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала ***первую сотню миллионов людей*** *на земле* ***первая большевистская революция.*** *Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество".*

Ленин

„Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов,— вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков".

„Среди... бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира".

„Война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран".

Сталин

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ВОЙНА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ! 5
ОТ РЕДАКЦИИ 9
28 ИЮНЯ 1914 г. Сараевские выстрелы 15
29 ИЮНЯ 1914 г. На другой день после Сараева 18
30 ИЮНЯ 1914 г. В тиши дипломатических кабинетов... 22
1 ИЮЛЯ 1914 г. Вена с надеждой взирает на Берлин 25
2—3 ИЮЛЯ 1914 г. Августейшие поджигатели орудуют 29
4 ИЮЛЯ 1914 г. Накануне совещания в Потсдаме 33
5 ИЮЛЯ 1914 г. Потсдам — продолжение Сараева 37
6 ИЮЛЯ 1914 г. На утро после Потсдама 42
7 ИЮЛЯ 1914 г. Австрия готовит ультиматум 46
8 ИЮЛЯ 1914 г. Выступление против Сербии решено 50
9 ИЮЛЯ 1914 г. Сэр Эдуард Грей за работой 56
10 ИЮЛЯ 1914 г. Германия толкает к развязке 59
11 ИЮЛЯ 1914 г. Бряцание оружием все слышнее 62
12 ИЮЛЯ 1914 г. Кто кого... перехитрит? 64
13 ИЮЛЯ 1914 г. Ультиматум в основном готов 67
14 ИЮЛЯ 1914 г. Заговор разработан во всех деталях 70
15 ИЮЛЯ 1914 г. Черновые наброски передела Европы 74
16 ИЮЛЯ 1914 г. Противники маневрируют 75
17 ИЮЛЯ 1914 г. Ультиматум будет вручен 23 июля 81
18 ИЮЛЯ 1914 г. Между Веной и Берлином все согласовано . . 84
19 ИЮЛЯ 1914 г. Вена решает: выступать! 87
20 ИЮЛЯ 1914 г. Лагерь против лагеря 89
21 ИЮЛЯ 1914 г. Лавина ускоряет бег 93
22 ИЮЛЯ 1914 г. Осталось 24 часа! 97
23 ИЮЛЯ 1914 г. Ультиматум! 103
24 ИЮЛЯ 1914 г. Навстречу военному взрыву 107
25 ИЮЛЯ 1914 г. Бой-поход в европейских столицах 111
26 ИЮЛЯ 1914 г. Через три дня заговорят пушки 117
27 ИЮЛЯ 1914 г. Пути к отступлению отрезаны 121
28 ИЮЛЯ 1914 г. Война об'явлена! 125
29 ИЮЛЯ 1914 г. Первые снаряды—по Белграду 129
30 ИЮЛЯ 1914 г. Вся Европа под ружьем 134
31 ИЮЛЯ 1914 г. Европа подожжена со всех концов 138
1—2 АВГУСТА 1914 г. Восток пылает! 142
3 АВГУСТА 1914 г. Запад—в огне! 146
4 АВГУСТА 1914 г. Англия наносит удар 149
ПРИЛОЖЕНИЯ 151

ВОЙНА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ!

Четыре года, 3 месяца и 26 дней продолжалась империалистическая война, начавшаяся 20 лет назад — 1 августа 1914 года.

Она охватила весь мир. Свыше десяти миллионов рабочих и крестьян легли костьми на полях сражений. 20 миллионов остались изувеченными на всю жизнь. Десятки миллионов трудящихся погибли от голода и эпидемий.

Двадцать лет — целая эпоха отделяет нас от августовских дней 1914 года. Но никогда трудящееся человечество не забудет чудовищной бойни, устроенной империалистическими кликами во имя и во славу интересов королей бирж, магнатов трестированного капитала, феодальных династий. Еще сейчас не залечены все раны, нанесенные годами империалистической войны.

Какие только ханжеские и лицемерные доводы не были использованы господствующими классами, чтобы погнать на поля сражений рабочих и крестьян! Германский империализм провоцировал войну, прикрываясь «высокой» целью — борьбы с «русским варварством»; царский режим — во имя «защиты славян»; французский империализм — за «великие идеи демократии»; пушечные фабриканты Великобритании — во имя «прогресса» и «справедливости».

Война сорвала с ее инициаторов их маски. Это случилось, однако, позже. А в первые годы мировой бойни разветвленному аппарату буржуазии удалось при помощи вождей международной социал-демократии сбить с толку трудящиеся массы и заставить их уничтожать друг друга в интересах своих злейших классовых врагов.

Какими далекими кажутся сейчас события тех лет! Поколение, выросшее после войны, их не помнит. Сквозь дымку времени все труднее различать детали. Но страшное преступление международного империализма и гнусное предательство II интернацио-

нала — это не только история. Это животрепещущее сегодня! Ибо политика, которая привела к мировой империалистической войне, продолжается. Классы, которые организовали бойню народов 1914—18 гг., удержали еще власть во всем капиталистическом мире. И они подготавливают новую бойню, еще более страшную и отвратительную.

Вся Европа усеяна миллионами могил жертв империалистической политики господствующих классов. Во всех уголках земного шара высятся бесконечные ряды крестов. Под Верденом, в Шампани, на Сомме, у Марны, в Вогезах, в Галиции, на равнинах Польши, в Августовских лесах, в Карпатах, в песках Трансиордании, в африканских зарослях...

Мертвым сном покоятся здесь десять миллионов человек.

Их убили, потому что германские империалисты хотели ограбить своих соперников.

Их убили, потому что английские империалисты хотели удержать награбленное и, кроме того, ограбить других.

Их убили, потому что того требовали интересы небольшой кучки капиталистов и помещиков Франции, царской России, Австро-Венгрии, Японии, США.

Их убили, потому что буржуазия искала в этой войне спасения от революционного пролетариата.

Их убили, чтобы обескровить поднимающийся рабочий класс и сохранить власть группки «цивилизованных» эксплоататоров над сотнями миллионов трудящихся колоний.

Их убивали свыше четырех лет во имя «последней» войны.

Эту капиталистическую лживую легенду усердно проповедывали буржуазные пацифисты и социал-демократические обманщики.

С 1914 года не прекращаются войны, которые непрерывно организуют господствующие классы, «доделывая» то, что они не успели за четыре года войны. Истекшее двадцатилетие отмечено десятками «малых» войн, особенно в колониях. Крупнейшее место в длинном перечне военных набегов, карательных экспедиций, империалистических разбоев занимает война, которую ведет японский империализм против Китая.

Это — зарницы новой всемирной войны, и она вспыхнула бы неизбежно. Разве не об этом свидетельствует зарево пожара, за-

нявшегося в Восточной Азии? Разве не об этом напоминают провокационные выстрелы в Центральной Европе? Разве не угрожают фашистские авантюристы поджечь мир со всех сторон? Разве, наконец, не мечтают о новой бойне эксплоататоры во всех странах капиталистического мира, сотрясаемого могучими толчками классовой борьбы?

Но на-страже мира стоит великий Союз Советских Социалистических Республик. Большевизм дал трудящемуся человечеству могучее оружие против войны. Народы СССР создали несокрушимый оплот мира.

Великое значение борьбы СССР за мир признается сейчас виднейшими представителями самых разнообразных кругов капиталистического мира.

Если бы не существовало Советского Союза, империалисты уже давно ввергли бы весь мир в новую кровавую пучину. Но высоко над земным шаром реет в поднебесье наше знамя, знамя великой страны мира, надежды всего трудящегося человечества.

Затевая новую контрреволюционную войну, капиталистический мир готовит себе катастрофическое поражение. Ибо весь мир расколот на два лагеря. Ибо в лагере социализма уже сейчас собирается все лучшее, что есть в человечестве. Ибо никакой фашистский террор не спасет поджигателей войны от удара в тыл, от разложения их резервов, от их разгрома на фронте и в собственном тылу.

Тринадцать лет назад Ленин писал:

«Все ясней, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны и из порождающего ее неизбежно империалистского мира... нельзя вырваться из этого ада иначе как большевистской борьбой и большевистской революцией».

Большевистская революция обеспечила прочный мир 170 миллионам трудящихся. Большевистская революция создала грозный вал против новой войны. Слова Ленина сверкают сквозь грозы и бури наших дней. Они сверкают и будут сверкать над миром, потому что в них неугасаемым пламенем горит «грозная правда», которая обучает миллионы большевистской борьбе за мир.

Эта правда, правда большевизма, правда Ленина — Сталина доходит до сознания, закаляет волю и будит священную ненависть в сердцах тех, кого господствующие классы собираются бросить на новые фронты в Европе, в Азии, на морях и океанах.

Господствующие классы капиталистических стран еще могут навязать человечеству войну. Но они уже не в состоянии предотвратить свое поражение. «Если, несмотря на опыт первой империалистской войны, буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку, то это значит, что они окончательно запутались, попали в тупик и готовы лететь стремглав в пропасть» (Сталин).

Пусть не забывают об этом те, кто смеет мечтать о контрреволюционном походе против Советского Союза. Горе им, горе той капиталистической стране, которая обнажит меч против нашей родины! Горе авантюристам из фашистского лагеря, которые мечтают о советской территории!

Советский Союз не одинок в своей великой борьбе за мир. Если придет грозный час испытаний, всякий, кто посягнет на наши границы, почувствует на себе сокрушительные удары пролетарских армий. Это будет единственно справедливая война — война против зарвавшихся фашистских авантюристов, против эксплоататоров. Война, которая положит конец империалистическим войнам. Война, которая будет означать победу вечного мира.

„ПРАВДА", 1 АВГУСТА 1934 г.

От редакции

Предлагаемая вниманию читателей книга содержит материалы — отрывки из опубликованной секретной переписки правительств Антанты и тройственного союза,— печатавшиеся в «Правде» на протяжении пяти недель: с 28 июня 1934 г. по 4 августа 1934 г. Материалы эти представляют большую ценность для партийного актива (пропагандистов, агитаторов и т. д.). В книге даны не только отрывки дипломатических документов, но и выдержки из мемуаров крупнейших политических деятелей и газет той эпохи. Путем сопоставления удалось, в известной степени, осветить те методы, которые применяются империалистской дипломатией для развязывания войны.

Большинство публикуемых материалов извлечено в разное время из секретных архивов и, следовательно, 20 лет назад составляло «государственную тайну» соответствующих империалистских стран. Отчасти это и есть «тайна, в которой война рождается».

Начальная дата приводимых отрывков — 28 июня 1914 г. В этот день в Сараеве был убит австрийский престолонаследник Франц-Фердинанд, что создало предлог для австро-сербского конфликта, переросшего при деятельном участии обеих империалистских коалиций в мировую войну. Конечно, это ни в какой степени не означает, что именно 28 июня 1914 г. был завязан тот узел империалистских противоречий, который через пять недель пришлось разрубить мечом. Как неоднократно подчеркивал Ленин и как учит нас Сталин, мировая империалистская война подготовлялась систематически всеми буржуазными партиями и правительствами задолго до ее начала в течение многих и многих лет. Основные империалистские противоречия, которые привели к войне, начали действовать уже в конце XIX века. Задолго до войны сложились в основном те империалистские коалиции, которые столкнулись в 1914 г. в вооруженной схватке за передел мира. Всю эту богатую событиями историю подготовки войны приводимые материалы не могут, конечно, осветить: для этого нужны многочисленные тома. Но они дают яркое представление о механике развязывания империалистской войны. Они необычайно выпукло показывают работу

механизма империалистской политики, который начал действовать немедленно после того, как в результате сараевского убийства создался давно желанный повод для войны. Этого повода искала Антанта. Его не менее, если не более, решительно искал австро-германский империалистский блок. И они его нашли. Огонь войны, как известно, быстро охватил всю Европу, а затем и весь мир.

И Антанта и Тройственный союз не переставали уверять всех, у кого была охота слушать, что они «вынуждены» взяться за оружие. И Антанта и Тройственный союз уверяли, что они извлекают меч во имя «высоких целей человечества». Документы, которые приводятся ниже, и в особенности те из них, которые читатель найдет в приложениях в конце этой книги, не оставляют камня на камне от официальной болтовни господствующих классов обеих коалиций. Этой болтовней буржуазия обманывала при содействии социал-демократии широкие трудящиеся массы.

Военно-политический механизм развязывания войны начал действовать немедленно после сараевских выстрелов. В историю возникновения первой империалистской войны все события, развернувшиеся от момента сараевского покушения до вступления Англии в войну, вошли под названием «Июльского кризиса». Приводимые материалы довольно полно освещают содержание работы тайной империалистской дипломатии в эти дни. В конечном счете она сводилась к тому, чтобы создать наиболее благоприятные условия для с в о е й коалиции при ее вступлении в войну. В июльские дни 1914 г., еще до того, как загремели пушки, и Антанта и Тройственный союз изо всех сил старались обеспечить за собой наиболее выгодные исходные позиции и в наиболее полном виде осуществить с в о й в а р и а н т в о й н ы.

Германия и примыкавшие к ней империалистские державы стремились как можно дальше задержать вступление в войну Антанты в ц е л о м, чтобы Австрия успела разгромить Сербию, утвердиться на Балканах и потом повернуться всеми силами против царской России, связав максимальное количество ее сил. Это освобождало германский империализм от необходимости сосредоточить крупные силы в Восточной Пруссии и развязывало ему руки для концентрированного удара против французской армии. Вот почему господствующие круги Германии так торопили Вену с выступлением против Сербии. Этот план полностью осуществить Тройственному союзу не удалось.

В свою очередь Антанта преследовала свои цели — дать Германии как можно глубже залезть на Востоке, связать как можно больше ее сил на восточном фронте с тем, чтобы облегчить операции французской и английской армий. В особенности крупный интерес представляет тактика британского империализма, которую приводимые документы освещают довольно ясно.

Германские империалисты знали заранее, на что они идут, у них не могло быть никаких сомнений в том, что Англия вмешается в войну на стороне Франции и царской России. Никакой исторической ценности не имеют исследования германских буржуазных историков, цель которых—доказать, что Германия «попалась на английскую удочку». Верно, конечно, что германский империализм потерпел в дипломатической борьбе поражение еще до того, как началась война, ибо ему не удалось ни задержать вступления Англии в войну, ни разгромить Сербию до вступления в войну основных держав Антанты. Верно также и то, что если бы британский империализм с самого начала июльских дней недвусмысленно заявил, что мобилизация германской армии против Франции и царской России автоматически повлечет за собой выступление Англии против Германии, то события, возможно, пошли бы несколько иным путем. Но в том-то и дело, что расстановка сил была ясна в Берлине, где вначале были уверены, что германская армия разгромит Францию раньше, чем вмешательство Англии успеет дать о себе знать. Германский империализм широко использовывал все методы воздействия, вплоть до подкупа прессы, чтобы как можно дольше задерживать вступление в войну Англии. Но это ему не удалось.

Приводимые отрывки на первый взгляд более полно и более ярко обрисовывают агрессивную позицию германского империализма и его австрийской союзницы. Это об'ясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что германские документы были опубликованы после революции в Германии, когда вильгельмовское правительство было свергнуто восставшими массами германского народа. Документы эти были опубликованы Каутским в 1919 г. Каутский при этом преследовал определенную политическую цель: свалить на «покойника», т. е. вильгельмовское правительство и даже самого Вильгельма, ответственность за мировую войну, чтобы тем самым отвлечь внимание народных масс от ответственности правящих классов Германии в целом, господство которых социал-демократия так старательно оберегала от пролетарской революции. Независимо, однако, от цели публикации, предпринятой Каутским, сами документы опровергают его теорию «исключительной виновности» только вильгельмовского правительства: они достаточно ярко свидетельствуют о политике германского империализма в целом, ибо для нас совершенно ясно, что политика вильгельмовской клики и есть политика господствующих классов Германии.

Вместе с тем нужно отметить, что до сих пор еще не опубликованы французские дипломатические документы, касающиеся июльских дней 1914 г. В английских дипломатических докумен-

тах, опубликованных после войны, имеется масса пропусков. Однако это обстоятельство все же не играет решающей роли.

Решающее значение имеет второе обстоятельство: агрессивность германского империализма особенно ярко выступает в приводимых ниже отрывках именно потому, что в сложившихся к лету 1914 г. условиях инициатива развязывания империалистской войны с самого начала находилась в руках Германии и ее австрийской союзницы, которые считали тогда момент особенно благоприятным для военной развязки противоречий со своими основными соперниками.

«...Немецкая буржуазия, — писал Ленин, — предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией» [1]).

Все это конечно не значит, что Антанта при всех своих внутренних противоречиях меньше желала войны за передел мира или меньше эту войну подготавливала. Антанта так же желала этой войны и так же ее подготавливала, как ее желал и подготавливал Тройственный союз. Для всех правительств обеих империалистских группировок вопрос заключался только в том, чтобы, развязывая и разжигая войну, создать такие условия, при которых легче обманывать народные массы, т. е. представляя грабительскую войну войной «оборонительной», изображая реакционную войну войной «общенародной». Для этого империалистская дипломатия обоих лагерей потратила много усилий. И основное значение публикуемых ниже материалов заключается в том, что они показывают эти гнусные методы обмана масс. В частности, некоторое представление приводимые материалы дают о роли буржуазной прессы, систематически сбивавшей и сбивающей с толку народные массы, изо дня в день обманывая их и вводя в заблуждение от-

---

[1]) Ленин, т. XVIII, стр. 61—62.

носительно истинных целей и истинного содержания политики «своего» капиталистического правительства.

Буржуазия напряженно и настойчиво изучает эти испытанные методы, чтобы в новых условиях прибегнуть к ним для развязывания второй мировой империалистской войны. Приводимые материалы и документы о развязывании войны в 1914 г. обеими империалистскими коалициями дают представление и о том, как теперь, спустя 20 лет, фашистские клики пытаются вновь разжечь пожар войны.

В глубокой тайне от народных масс капиталистический мир подготовляет войну, которую определенные группировки буржуазии хотели бы направить против Советского Союза. Разоблачая тайные замыслы империалистов, наша родина, руководимая великим Сталиным, твердо и открыто проводит политику мира. Опираясь на свою мощь, Советский Союз уверенно смотрит в будущее, привлекая к себе сочувствие и поддержку многомиллионных масс трудящихся всего мира, всех тех, кто не желает войны и готов бороться против ее поджигателей. Велика тайна, в которой подготовляется новая империалистская война. Но велика правда нашего героического строительства, велика сила мирной политики Советского Союза.

Одним из острых и разящих орудий борьбы Советского Союза за мир является опубликование и популяризация секретных документов царского и временного правительств. Поскольку царизм являлся, по выражению товарища Сталина, узловым пунктом империалистских противоречий, документы царского правительства, извлеченные из архивов, разоблачают империалистскую политику в целом. Только после советских публикаций, под их влиянием и как бы обороняясь от их разящих ударов, пытаясь оправдаться перед массами и свалить с себя ответственность за 4-летнюю бойню, отдельные буржуазные правительства также вынуждены были приступить к опубликованию своих секретных документов. Правда, они это делают крайне неохотно и, даже публикуя кое-какие документы, преследуют определенную политическую цель: не раскрыть «тайну, в которой война рождается», а вновь ее создавать в целях идеологической подготовки масс к новой империалистской войне. Но все же начавшаяся, после опубликования Советским Союзом документов из царских архивов, «мировая война документами» приводит к столкновениям, к взаимным разоблачениям, и все это вместе при сопоставлении дает возможность кое-что увидеть из того, «что

делается» и «как делается» за кулисами тайной империалистской дипломатии.

Опубликование тайных документов царского и временного правительств Советским Союзом является громадным вкладом в борьбу за мир, громадным вкладом в подлинную историческую науку, вкладом в дело разоблачения методов империалистской политики.

Приводимые ниже документы взяты из следующих публикаций:

1. «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch». B. I—IV. Charlottenburg, 1919 («Германские документы о возникновении войны». ТТ. I—IV. Шарлоттенбург, 1919 г.). В тексте книги ссылка на эту публикацию обозначена «Г. Д.».

2. «British Documents on the Origins of the War. 1898—1914». Vol. XI. London («Британские документы о происхождении войны. 1898—1914». Т. XI. Лондон). В тексте ссылка на эту публикацию обозначена «Б. Д.».

3. «Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum österreichisch-ungarischen Rotbuch». Wien. 1919 («Дипломатические документы к предистории войны 1914 г. Дополнения к австро-венгерской Красной книге». Вена. 1919 г.). В тексте ссылка на эту публикацию обозначена «Д. А.-в. К.».

4. «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма». Серия III, тт. IV—V. В тексте ссылка на эту публикацию обозначена «М. О.».

САРАЕВСКИЕ ВЫСТРЕЛЫ

Повод к мировой войне

I

Царский посол в Вене — министру иностранных дел.

ВЕНА, 28 ИЮНЯ

«Сегодня утром в Сараеве наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и супруга его герцогиня Гогенберг оба были убиты выстрелившим в них из револьвера человеком, по слухам, сербом. Император завтра возвращается из Ишля в Вену. Шебеко».

(«М. О.»)

II

Царский посол в Вене — министру иностранных дел.

ВЕНА, 28 ИЮНЯ

«По поступившим из Сараева дальнейшим сведениям оказывается, что при следовании наследника престола с супругою в городскую ратушу, сегодня утром в автомобиле — кинута была бомба, взрывом которой ранены были следовавшие во втором автомобиле лица свиты и шесть человек из толпы. Совершивший покушение — некто Габрилович — тут же был схвачен.

При обратном следовании из ратуши эрцгерцог Франц-Фердинанд и супруга его герцогиня Гогенберг пали жертвой второго покушения, совершенного гимназистом восьмого класса... (Принципом.—Ред.) из Грахова. Наследник ранен был выстрелом из револьвера в шею, супруга его в нижнюю часть живота; оба тут же потеряли сознание и скончались до прибытия в конак.

Император глубоко потрясен ужасным происшествием; в городе царствует подавленное настроение и глубокое возмущение против организаторов столь гнусного преступления. Шебеко».

(«М. О.»)

В таких скупых выражениях двадцать лет назад русский посол в Вене Шебеко телеграфно передавал в Петербург сообщение о событии, которое оказалось поводом для австро-сербского столкновения, переросшего в мировую войну. Аналогичное сообщение получили и все другие правительства. Сараевское убийство и обстоятельства, при которых оно было совершено, стали огромной сенсацией для всей европейской буржуазной печати без различия направления. Различия появились лишь несколько позднее, когда стал обсуждаться вопрос о причинах этого убийства, о его организаторах, о его политических результатах.

Даже многие политики и дипломаты того времени, считавшие себя вершителями войны и мира, не знали о том адском механизме перекрещивающихся провокаций, который взорвался 28 июня 1914 года в Сараеве. Поэтому не удивительно то безразличие, с которым была встречена весть о сараевских событиях народными массами. Потребовалось энергичное вмешательство полиции и католической церкви, чтобы организовать «народное возмущение» в Сараеве, которое вылилось в антисербский погром. Потребовалась энергичная кампания австрийской прессы, связанной с клерикальными и военными кругами, чтобы лишь на третий день после убийства появилось первое и притом весьма анемичное выражение «патриотических» настроений ввиде антисербской демонстрации в Вене. Кампания закулисно вдохновлялась германским посольством, и это сразу определяло ее подлинный политический смысл. Одновременно германская буржуазная пресса повела яростную кампанию, обвиняя весь сербский народ в том, что он является соучастником покушения.

Само по себе убийство Франца-Фердинанда могло бы и не привести к войне: убийство французского президента Карно итальянским анархистом не вызвало даже трений между Францией и Италией. Но в Сараеве выстрел был результатом сложной сети перекрещивающихся провокаций—провокаций, призванных создать повод для военной развязки, к которой стремились обе коалиции.

Официальные германские историки и публицисты, стараясь доказать, что германский империализм является существом особого рода и обладает качествами почти совсем невинной девицы, чрезвычайно подробно информируют весь мир о всех тех вскрываемых нитях сараевской провокации, которые вели к Сербии и оттуда к царской России. Но они столь же старательно забывают роль австро-германского империализма в возникновении войны и в создании той обстановки провокаций, одной из жертв которой оказался один из ее вдохновителей—сам Франц-Фердинанд.

За две недели до сараевского выстрела Конопиштский замок, расположенный в идиллической Богемии, оказался местом встречи Франца-Фердинанда и Вильгельма, с которыми приехал туда и адмирал Тирпиц. Возможно, что они встретились, как гласила официальная версия, чтобы насладиться расцветкой редчайших роз. Но в свободное от этих эстетических наслаждений время там велись и некоторые переговоры на прозаические темы военно-политического характера, в частности о расстановке военно-морских сил австро-германской коалиции в предстоящей войне.

По сведениям столь авторитетного лица, как начальник оперативного отдела австрийского генштаба, германский император советовал своим союзникам воспользоваться создавшейся ситуацией и крепким ударом по Сербии окончательно утвердиться на Балканах.

Военные маневры, назначенные Францем-Фердинандом возле самой сербской границы, являлись не чем иным, как провокацией в отношении к Сербии, тем более, что в'езд Франца-Фердинанда в Сараево назначен был на 28 июня — день сербского национального траура. Однако провокация Австро-Венгрии, за спиной которой стояла Германия, натолкнулась на встречную провокацию, подготовленную в Сербии, за спиной которой стояла царская Россия.

Участники покушения — патриотически настроенная молодежь — являлись лишь орудием в руках тайной сербской организации, именуемой «Черная рука» и возглавлявшейся начальником осведомительного отдела сербского генерального штаба полковником Дмитриевичем. О существовании и деятельности «Черной руки» австрийское правительство давно и неплохо было информировано. И не менее хорошо знало об этой организации и царское правительство.

Если германский империализм подталкивал Австрию к выступлению против Сербии, то, с другой стороны, русский посланник в Белграде Гартвиг еще в самом начале 1914 г. носился с планами «натравить Сербию на Австрию» [1]. И в те самые дни, когда в Конопиште велись австро-германские переговоры о развязывании войны, аналогичные переговоры велись царской дипломатией с румынами в Констанце: обсуждался вопрос о возникновении общеевропейской войны в случае, если «под каким-либо... предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию» [2].

Механизм создания этого предлога таким образом уже действовал: в результате переплетения австро-германской и антантовской провокации предлог для конфликта был уже создан.

Антантовская публицистика уверяет, что сараевское убийство — дело рук самой австрийской полиции. Это, нужно думать, рецидив старой военной пропаганды прошлых лет. Но не случайно замечание Гитлера о том, что, впервые узнав о сараевском убийстве, он видел в этом акте дело рук немецких студентов, недовольных внутренней политикой Франца-Фердинанда [3]. Известно, что этой политикой недовольны были и австрийская аристократия и особенно в е н г е р с к и е м а г н а т ы. Во всяком случае почти полное отсутствие охраны в Сараеве вызывает серьезные подозрения...

В таких сложных условиях переплетающихся противоречий, в обстановке взаимных провокаций, в глубокой тайне от народных масс и был создан предлог для империалистской войны. За эту войну человечество заплатило десятью миллионами жизней, чтобы в результате ее в капиталистическом мире создались такие условия, когда, по образному выражению товарища С т а л и н а на XVII с'езде партии, империалисты «д о с и х п о р е щ е н е м о г у т, д а, п о ж а л у й, н е с к о р о е щ е с м о г у т р а с х л е б а т ь т у о т в р а т и т е л ь н у ю к а ш у, к о т о р у ю с а м и ж е з а в а р и л и». — Р е д.

---

[1] См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. V, приложения.

[2] Там же, т. III, № 339.

[3] См. Hitler «Mein Kampf», S. 174.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ САРАЕВА

1. Дипломаты и печать лицемерно «скорбят»

Лондон вздыхает о «потере»

ЛОНДОН, 29 июня. «Дейли телеграф». «Возмущение этим злодеянием, а также симпатии к скорбящему императору у нас тем более велики, что Англия лишь недавно имела честь принимать несчастного эрцгерцога и его супругу... Его смерть является, по нашему мнению, большой потерей как для Австро-Венгрии, так и для всей Европы».

«Дейли ньюс». «Симпатии английского народа принадлежат теперь императорской семье и народам Австро-Венгрии».

Грей «искренно и глубоко взволнован»

ЛОНДОН, 29 июня. «Норддейче альгемейне цейтунг». «Палата общин. Когда министр иностранных дел Грей взял во время заседания слово, то он прежде всего остановился на убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги. «Ни один министр иностранных дел в Европе не может без искреннего чувства глубокого волнения думать о потере, поразившей австрийского императора, и каждый министр иностранных дел знает, какой большой опорой для европейского мира является жизнь императора».

Через месяц они будут драться

КИЛЬ, 29 июня. «Норддейче альгемейне цейтунг». «Первое известие о несчастье было получено от германского консула в Сараеве на борту «Гогенцоллерна». Начальник морского кабинета адмирал фон-Мюллер немедленно отправился на судне «Гульда» в море и поставил в известность кайзера, находившегося на «Метеоре».

Кайзер тотчас же приказал, чтобы военные суда полуспустили флаги и чтобы на протмачте был поднят

также полуспущенный австро-венгерский военный флаг, ибо эрцгерцог Франц-Фердинанд был адмиралом германского флота.

Английские военные суда, а также яхты последовали примеру германских. Кайзер отправил императору Францу-Иосифу еще из открытого моря сочувственную телеграмму».

Николай II тоже «скорбит»

ПЕТЕРБУРГ, 29 июня. «По случаю убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда и герцогини фон-Гогенберг император Николай отправил императору Францу-Иосифу телеграмму с выражением соболезнования».

(«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО»)

Плохо скрываемая радость

ПЕТЕРБУРГ, 29 июня. «Новое время». «Хотя общественное мнение в России не причисляло эрцгерцога-наследника к друзьям России, тем не менее оно глубоко сожалеет по поводу сараевской трагедии».

«Речь». «Сербские патриоты считали эрцгерцога воплощением упорного стремления Габсбургской монархии к господству на Балканах. Эрцгерцог пал жертвой национально-политической атмосферы, угроза которой окружает Австрию внутри и извне».

«Великая печаль» в Париже

ПАРИЖ, 29 июня. «Фигаро» пишет: «Теперь, когда страшное несчастие поразило дом Габсбургов, сочувствие и симпатии всех принадлежат в первую очередь высокочтимому главе династии. Скорбь, которую испытывает император Франц-Иосиф, является вместе с тем скорбью его народа, и нет ни одного француза, который не принял бы участия в этой великой печали».

В Будапеште сожалеют, но... довольны

ЛЕЙПЦИГ, 29 июня. «Лейпцигер фолькcцейтунг». «Венгерская газета «Пести хирлап» пишет, что наследник был врагом венгерской конституции. Вместо дуализма (господство немцев и мадьяр в монархии) он хотел установить триализм Он хотел превратить славянство в господствующую силу в монархии. Он любил только южное славянство и получил теперь соответствующую благодарность. Хотя газета сожалеет, что так случилось, но видит в этом акт исторической справедливости...

Улицы имеют обычный вид, лишь кое-где видны траурные флаги. Кроме официальных учреждений, вывесили траурные флаги лишь крупные банки и фабриканты оружия».

«...Только слезы его детей искренни»

«Венское императорское и королевское телеграфное бюро сообщает из Белграда: «Прогрессивная «Правда» утверждает, что траур по эрцгерцогу Францу-Фердинанду в Австрии не был искренним. Только слезы его детей искренни».

2. А социал-демократия?

Рыдания над гробом эрцгерцога

ВЕНА, 29 июня. «Арбейтер цейтунг». «Все политические соображения отступают на задний план перед этой ужасной гибелью двух человек, находившихся в расцвете лет. И остается лишь одно чувство, вызываемое пролитием ни в чем неповинной крови, независимо от того, принадлежит ли эта кровь верхам или низам человечества.

Сколько трагического в этой страшной кончине Франца-Фердинанда, который стоял так близко к власти, долгие годы к ней готовился, и теперь, когда можно было считать, что близок день, когда он получит власть и будет ее осуществлять на свой манер, он погиб от пули юнца. Отличаясь необычайно сильной волей, стремившейся воплотиться в жизнь, и ярко выраженным, далеко идущим самосознанием, Франц-Фердинанд хотел предписать миру свои законы и стать авторитетом, указывающим дальнейший путь. И это сердце, стремившееся к власти и действиям, пронзено теперь пулей гимназиста! Этот слепой выстрел в один страшный момент положил конец всем ожиданиям и стремлениям, всем помыслам и намерениям, которые могли осуществиться и развернуться на основе императорской власти!..

Совершенно непонятно, как могло осуществиться такое гнусное преступление...

«Но одинокие главы князей блистают, залитые светом, и Аврора касается их своими вечными лучами, как горных вершин мира», — таковы слова поэта...»

3. Генштабы приступают к делу

Фельдмаршал и growининдел обсуждают вопрос о мобилизации

Ночью 27 июня, после окончания маневров в окрестностях Сараева, начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад фон-Гетцендорф выехал в Вену. Об убийстве Франца-Фердинанда в Сараеве фельдмаршал Конрад узнал в пути.

Хотя между убийством в Сараеве и прибытием фельдмаршала в Вену не прошло и целых суток, но вопрос о войне уже был там твердо решен.

Вот что пишет Конрад о своем разговоре с австро-венгерским министром иностранных дел Берхтольдом. — Ред.:

«Вечером 29 июня перед назначенным на 8 часов заседанием совета министров я разговаривал с графом Берхтольдом. Я приветствовал его словами:

«Мы встречаемся снова совсем в другой обстановке, чем тогда, когда мы расстались».

Граф Берхтольд заметил, что кайзер Вильгельм должен был бы приехать на погребение, и таким образом создалась бы возможность для обсуждения положения. Я возразил, что это, конечно, было бы желательно, но что в данном случае идет речь о покушении против монархии, на которое необходимо ответить немедленно. По моему мнению, этот ответ должен заключаться в мобилизации против Сербии.

Министр возразил, что для мобилизации нет внешнего повода и что необходимо сначала подготовить общественность.

Граф Берхтольд: — Вы не думаете, что начнется революция?

Я: — Где?

Граф Б.: — В Богемии.

Я: — Но не давайте же себя так запугивать!

Граф Б.: — Я наметил другую линию поведения. Мы пред'являем Сербии требования: роспуск известных союзов, увольнение министра полиции и т. п.

Я: — Сербы спокойно отставят министра полиции. Это не окажет никакого действия. Действие может оказать только сила. Мусульмане и хорваты — против сербов. Что касается России, то нужно выдвигать вперед антимонархический характер злодеяния, а король Карл румынский по отношению к этому злодеянию не может выступить враждебно против нас.

Граф Берхтольд также придерживался того мнения, что наступил момент для разрешения сербского вопроса, и собирался переговорить об этом с его величеством».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918).

30 ИЮНЯ 1914 Г.

В ТИШИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КАБИНЕТОВ...

1. На Белград! На Белград!

Вильгельм II подстегивает своего союзника

Телеграмма германского посла в Вене — рейхсканцлеру Бетман-Гельвегу.

(Фразы, заключенные в скобках, являются пометками Вильгельма II на полях телеграммы Чиршского. — Ред.).

ВЕНА, 30 ИЮНЯ

«... Здесь даже со стороны серьезных людей я неоднократно слышу пожелание, что нужно раз навсегда (ТЕПЕРЬ ИЛИ НИКОГДА! — В.) основательно свести счеты с сербами.

Надо прежде всего пред'явить Сербии ряд требований, и если она их не примет, действовать энергично.

Я пользуюсь всяким поводом, чтобы сдержанно, но весьма настоятельно и серьезно предостеречь от необдуманных шагов (Кто его уполномочил на это? Очень глупо! Это его совершенно не касается, это исключительно дело Австрии — думать о соответствующих шагах. После скажут, когда дело пойдет скверно: Германия не хотела!! Пусть Чиршский соблаговолит оставить этот вздор! С сербами надо покончить, и ИМЕННО СЕЙЧАС. — В.).

Прежде всего нужно себе уяснить, чего именно хотят, потому что я до сих пор слышал лишь весьма неясные намеки. Затем следовало бы тщательно взвесить шансы какого-нибудь выступления и иметь в виду, что Австро-Венгрия не стоит обособленно в мире. Необходимо наряду с вниманием, уделяемым собственным союзникам, обязательно принять еще в расчет и общеевропейское положение, специально имея в виду поведение Италии и Румынии во всех вопросах, касающихся Сербии (Все это само собой разумеется и является избитой истиной. — В.). Чиршский».

(«Г. Д.»)

Неудачно оправдываясь в своей полной непричастности к развязыванию мировой войны, Вильгельм II пишет в своих воспоминаниях:

«Получив известие об убийстве моего друга, эрцгерцога Франца-Фердинанда, я покинул «кильскую неделю» (ежегодные морские гонки в присутствии кайзера. — Ред.) и поехал домой, намереваясь отправиться на похороны в Вену» (Вильгельм II «Мемуары». Москва, 1923 г.).

Под видом похорон Франца-Фердинанда, как это видно из приведенного выше разговора между начальником австро-венгерского генерального штаба фельдмаршалом Конрадом и министром иностранных дел Берхтольдом, должны были быть обсуждены совместно с Вильгельмом II военные и дипломатические мероприятия, вытекающие из убийства в Сараеве. В Вене с нетерпением ждали Вильгельма II, потому что австро-венгерские поджигатели войны ни на что не могли решиться до получения гарантии о том, что они будут поддержаны могущественным союзником из Берлина. Поездка в Вену на похороны Франца-Фердинанда, однако, не состоялась из опасений, что там подготовляется покушение на Вильгельма II «посланных из Белграда поодиночке от 10 до 12 заговорщиков» («Германские документы», т. I, стр. 9).

Но, сидя в Берлине, Вильгельм II делал все возможное, чтобы раздуть сараевскую вспышку. Об этом достаточно красноречиво говорят пометки кайзера на телеграмме Чиршского.

Надо заметить, что Чиршский «сдерживал» венских поджигателей вовсе не из миролюбия. Как это видно из его телеграммы, он хотел внести «плановость» в их мероприятия и считал, что нужно все делать умело, представить дело так, чтобы взвалить вину за развязывание войны на противную сторону.

Вильгельм, однако, опасался, что «плановость» Чиршского приведет к излишней волоките. Он требует немедленных действий!

Получив «высочайший» нагоняй, Чиршский, и до того уже занимавшийся подстрекательством венских поджигателей, еще больше усилил свою деятельность в этом направлении, получая полную поддержку из Берлина. Уже с 30 июня вся деятельность австро-германской дипломатии и военщины была направлена к тому, чтобы: 1) «солидно» обосновать вооруженное выступление против Сербии, 2) воздействовать на монархические чувства Англии и России с тем, чтобы они позволили Австрии «искоренить гнездо цареубийц» в Белграде и 3) обеспечить помощь своих союзников—Италии и Румынии, имея в виду неминуемость мировой войны. — Ред.

2. На Константинополь, к проливам!

Сазонов требует дредноутов

Царский мининдел — морскому министру

ПЕТЕРБУРГ, 30 ИЮНЯ

Весьма секретно. Спешно.

«Имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать сообщить мне, в каком положении находится ныне вопрос об усилении нашего Черноморского флота второй бригадой наиболее мощных современных дредноутов. Сазонов».

(«М. О.»)

Каша заварена, можно ехать в отпуск

Царский посланник в Белграде—вице-директору департамента министерства иностранных дел.

БЕЛГРАД, 30 ИЮНЯ

«...Маленькая просьба: я пишу несколько слов Нератову, прося его о 28-дневном отпуске на лечение с (18) 5 июля. Но мне говорят, что он сам уезжает или уже уехал в деревню.

Если это так, то будьте добры исходатайствовать мне просимый отпуск и, если возможно, о результате телеграфируйте.

Здесь теперь спокойно, и сам Пашич скоро отправится в Мариенбад. Гартвиг».

(«М. О.»)

30 июня, через два дня после сараевского убийства, механизм развязывания империалистической войны уже действует.

Австрийская дипломатия, озираясь на свою германскую союзницу, уже готовится к тому, чтобы выбрать наиболее благоприятный момент и броситься на Белград. Германский империализм уже начинает ее к этому подталкивать. Поднимается кампания в прессе в целях обработки общественного мнения.

Но и в лагере Антанты уже началось закулисное движение. Каждое из государств Антанты притаилось в ожидании, чтобы инициатива в дальнейшем развитии событий последовала со стороны австро-германского империализма. Среди руководящих политических группировок царизма, а также французского и английского империализма идет борьба и выясняется вопрос о дальнейших методах развязывания войны.

Прошло всего лишь два дня,— империалистские правительства стран Антанты еще не успели согласовать политическую линию. Но характерно, что Пуанкаре, который готовится к давно предусмотренной поездке в Петербург, уже спешит выразить царскому послу в Париже Извольскому свои соображения относительно необходимости расширения политического влияния Антанты.

В глубокой тайне от народных масс события назревают. — Ред.

ВЕНА С НАДЕЖДОЙ ВЗИРАЕТ НА БЕРЛИН

1. Австро-венгерский штаб бряцает оружием

Мучительные колебания: не подведет ли союзник?

«1 июля я опять говорил с графом Берхтольдом, и он подтвердил, что его величество также считает, что нужно подождать результатов следствия. Граф Штюргк и граф Тисса, указал министр, настаивали на сохранении хладнокровия. Тисса против войны с Сербией, он опасается, что Россия выступит против нас, а Германия оставит нас ни с чем. Штюргк, со своей стороны, полагает, что следствие даст основание для выступления.

Я отстаивал ту точку зрения, что устранить грозящую со стороны Сербии опасность можно только путем энергичного выступления. Убийство, совершенное под покровительством Сербии, является причиной для войны. На разделяемые также графом Берхтольдом сомнения относительно того, что Германия и Румыния подведут нас, я возразил, что если дело обстояло бы таким образом с нашим союзом с Германией, то мы во всяком случае имели бы связанные руки.

Министр сказал мне, что он подготовил бы меморандум, в котором потребует от Германии обеспечить поддержку Тройственного союза со стороны Румынии. Я возразил, что Германию прежде всего следовало бы спросить, прикроет ли она наш тыл против России».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД. «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918).

Тисса против топорной работы Берхтольда

СНАЧАЛА ПОДГОТОВИТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, А ЗАТЕМ УДАРИТЬ

Из доклада венгерского министра-президента графа Тиссы императору Францу-Иосифу

1 ИЮЛЯ 1914 г.

«Всемилостивейший государь!

Только после аудиенции я имел возможность говорить с графом Берхтольдом и узнал о его намерении использовать сараев-

ское преступление как предлог для того, чтобы рассчитаться с Сербией. Я не скрыл от графа Берхтольда, что это, по моему мнению, было бы роковой ошибкой.

Во-первых, мы до сих пор не имеем никаких оснований, по которым мы могли бы считать Сербию ответственной и вызвать войну с государством, несмотря на удовлетворительные заявления его правительства. Мы оказались бы в самом невыгодном положении, предстали бы перед всем миром в роли нарушителей мира и начали бы большую войну в самых невыгодных условиях.

Во-вторых, я считаю настоящий момент вообще весьма неблагоприятным, когда мы, можно сказать, уже потеряли Румынию, не получив ничего взамен, а единственное государство, на которое мы можем рассчитывать, т. е. Болгария, находится в состоянии истощения...

Таковы основные моменты, которые, по моему мнению, вызывают настоятельную необходимость энергичных действий, и так как предстоящий визит императора Вильгельма может дать к этому повод, то я счел себя обязанным верноподданнически просить ваше величество всемилостивейше использовать пребывание в Вене императора Вильгельма для того, чтобы рассеять на основании последних возмутительных событий пристрастие императора к Сербии и побудить его активно поддержать нашу балканскую политику. Граф С. Тисса. Будапешт, 1 июля 1914 г.».

(«Д. А.-в. К.»)

Об'ясняя причины, которые побудили империалистов Австро-Венгрии использовать сараевское убийство для того, чтобы окончательно свести счеты с Сербией и заодно вытеснить царскую Россию с Балканского полуострова, а Германию—поддержать свою союзницу, неудачливый германский рейхсканцлер Бетман-Гольвег пишет в своих «Мыслях о войне»:

«Убийство явилось кровавым симптомом созревшего у адептов великосербской идеи убеждения, что час их настал. Но пробил час и дунайской монархии: если она снесет, не реагируя на него, этот разрушительный натиск на ее существование, то развал ее неминуем. Если бы она решилась образумить великосербских смутьянов и если бы ей никто при этом не помешал, ей удалось бы погасить огонь, грозящий охватить не только ее собственный дом, но все мирное население Европы».

Хитроумные австро-германские политики прекрасно понимали, что «образумить великосербских смутьянов» Австро-Венгрия сумеет только при том условии, что ей никто при этом «не помешает». Что царская Россия и ее союзники «помешают» расправиться с Сербией, так как это фактически означало бы развал Антанты и безраздельное господство Германии во всей Европе,—это прекрасно понимали в Вене и Берлине.

И все искусство австро-германской дипломатии с первого момента после убийства в Сараеве и до германского ультиматума царскому правительству было направлено на то, чтобы создать благоприятные условия для столкновения Австро-Венгрии с Сербией **один-на-один.**

Уже с первых чисел июля установилось полное единство между Германией и Австро-Венгрией по вопросу «искоренения гнезда цареубийц». Одновременно были распределены роли для предстоящей дипломатической подготовки войны. На долю Германии выпала роль убеждать царскую Россию и Англию в том, что австро-сербская война должна касаться «только этих двух стран» и что все другие страны должны почтительно стоять в стороне и наблюдать за их единоборством, исход которого был ясен для всех.

Другая задача, которая выпала на долю германской дипломатии, состояла в обеспечении австрийского тыла со стороны Румынии. Румыния и венгерские румыны составляли предмет особых забот и тревог председателя венгерского совета министров графа Тиссы. Неуверенность в лойяльности семиградских румын к мадьярскому «отечеству» и стремление обставить нападение на Сербию всеми дипломатическими приличиями заставляли долго колебаться Тиссу, и это было причиной его «миролюбия», выраженного в письме от 1 июля к императору Францу-Иосифу: «Найти при настоящем положении вещей на Балканах предлог для войны — дело пустяковое... Однако надо раньше создать дипломатические условия, которые сделают для нас более выгодным соотношение сил». В этом — главная причина месячной возни между сараевским покушением и об'явлением войны.

Печатаемая выше запись из дневника начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада фон-Гетцендорфа и письмо графа Тиссы вскрывают закулисную борьбу внутри австро-венгерских правительственных клик в тот момент, когда они еще не знали, какую позицию займет Германия по отношению к австро-сербскому конфликту и пойдет ли она «до конца» с ними. — Ред.

2. А в Петербурге, Париже, Лондоне, Белграде?

Пуанкаре спешит к царю

Царский посол в Париже — министру иностранных дел.

ПАРИЖ, 1 ИЮЛЯ

«2 июля президент отбывает с эскадрою из Шербурга; в тот же день я полагаю выехать с норд-экспрессом в Петербург. Извольский».

(«М. О.»)

Антанта уже предвкушает раздел Австро-Венгрии

ПЕТЕРБУРГ, 1 июля. «Русское слово». «Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда поставило на очередь дня вопрос о будущих судьбах Австро-Венгрии. В суждениях по этому вопросу преобладают большей частью пессимистические отзывы..., французской и английской прессы».

Сербия готовится...

Царский посланник в Белграде — министру иностранных дел.

БЕЛГРАД, 1 ИЮЛЯ.

«Задача... удалась правительству... — провести все спешные законопроекты и в том числе важный закон о сверхсметных ассигнованиях на надобности армии, без которых военное министерство было бы поставлено в крайне затруднительное положение. Гартвиг».

(«М. О.»)

АВГУСТЕЙШИЕ ПОДЖИГАТЕЛИ ОРУДУЮТ

1. Берлин торопит Вену...

«Уничтожить Сербию!»

Письмо австрийского императора Франца-Иосифа—германскому императору Вильгельму.

(Написано 2 июля, передано в Берлине 5 июля).

«... Усилия моего правительства в будущем должны быть направлены к тому, чтобы изолировать и уменьшить Сербию.

Первый этап на этом пути следовало бы искать в усилении положения теперешнего болгарского правительства, чтобы Болгария (эти интересы совпадают с нашими) была бы ограждена от возвращения к руссофильству...

Когда это будет достигнуто, может быть сделана следующая попытка сблизить Грецию с Болгарией и Турцией; этим самым под патронатом Тройственного союза будет создан новый балканский союз...

Сербия... как политический фактор на Балканах, должна быть уничтожена... Примирение противоречий, которые отделяют нас от Сербии, больше неприемлемо».

(«Д. А.-в. К.»)

«Германия поддержит — действуйте!»

Германский посол в Вене — рейхсканцлеру.

ВЕНА, 2 ИЮЛЯ

Секретно.

«... Его величество (австрийский император.—Ред.) в конце вновь заговорил о сербском соседе. Белградские интриги стали, по его мнению, невыносимыми...

Император упомянул о положении, которое занимает фон-Гартвиг (царский посланник.—Ред.) в Белграде, и опасениях, которые у него вызывают русские, их так называемая пробная мобилизация, назначенная на осень, когда здесь набираются рек-

руты и армия не вполне боеспособна. Он надеется, что мой император и императорское правительство сознают опасность, угрожающую монархии.

Я использовал это замечание императора, чтобы ему указать... что он может быть вполне уверен в том, что вся Германия поддержит монархию, если будет идти речь о защите жизненных интересов последней. Я могу лишь повторить, что мой император поддержит любое твердое решение Австро-Венгрии...

В то время как я это пишу (между 12 и 1 ночи), я слышу крики и свистки огромной массы людей, демонстрирующих перед русским посольством. Многочисленным полицейским удалось оттеснить демонстрантов от посольства. Чиршский».

(«Г. Д.»)

Военщина обеспечивает тыл

«2—3 июля. .. Чтобы держать в узде агитаторов и прессу, казались необходимыми исключительные меры. Необходимо было также подумать о роспуске ландтага, чтобы лишить депутатской неприкосновенности депутатов, среди которых находились опасные подстрекатели».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918).

2. ...А Петербург подбадривает Белград

«Братушек-сербов в обиду не дадим»

Царский посол в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 2 ИЮЛЯ

«...Коснувшись в беседе моей с помощником статс-секретаря враждебного по отношению к Сербии направления германской печати, я не мог не обратить его внимания на то обстоятельство, что взводимые ею против сказанной страны обвинения лишены всякого основания. В настоящую минуту,— сказал я Циммерману [1],—Сербия занята как устройством вновь приобретенных ею территорий, так и залечиванием нанесенных ей войною ран...

Возлагать же ответственность за преступления частных лиц, притом же незрелых анархистов, на целую нацию, вряд ли представляется возможным. Поэтому следует надеяться, что австро-венгерское правительство не только не предпримет никаких репрессалий против Сербии и сербской народности в Боснии и Герцеговине, но и сумеет положить предел происходящим ныне в монархии антисербским враждебным демонстрациям, которые могли бы повести к крайне нежелательным последствиям. Сверб еев».

(«М. О.»)

---

[1]) Помощник германского galмининдела Ягова.—Ред.

Николай II вооружает Сербию

На третий день после сараевского убийства Николай II разрешил отпуск оружия Сербии.

3 июля 1914 г. и. д. начальника генерального штаба ген. Беляев сообщил об этом «весьма секретно» министру иностранных дел Сазонову.—Р е д.:

«В ответ на письмо за № 424,—писал Беляев,—имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что в (30) 17 день сего июня месяца государю императору благоугодно было выразить свое принципиальное согласие на внесение в военный совет представления об уступке за плату для нужд сербской армии из запасов нашего военного ведомства 120 тыс. трехлинейных винтовок и 120 млн. патронов с тупоконечными пулями к ним».

(«М. О.»)

«Православных бьют!»—взывает черная сотня

ПЕТЕРБУРГ, 2 июля. «Новое время». «...На могиле трагически погибшего австрийского престолонаследника отпразднована кровавая тризна.

Чернь не стала дожидаться расследования дела и обнаружения истинных соучастников покушения. Словно по сигналу, она бросилась на сербские жилища, разрушая магазины, расхищая имущество и избивая православных сербов. Картина этого ужасного разгрома ни в чем неповинного населения не обеспокоила местных представителей государственной власти... К сожалению, истинные моральные виновники этого преступления — фанатики католицизма, окружавшие погибшего престолонаследника и создавшие в Боснии стихию ненависти, не появятся на скамье подсудимых. Их не привлекают также к ответственности и за новое преступление — подстрекательство к последнему насилию над Сербским королевством».

Все в порядке — война неизбежна

Английский посланник в Белграде — министру иностранных дел Грею.

БЕЛГРАД, 2 ИЮЛЯ

«...Что касается отношений между двуединой монархией (Австро-Венгрией) и Сербией, то нельзя считать невозможным, что вскоре наступит период сильного обострения».

(«Б. Д.»)

3. Аукцион «дружб»

Золотая приманка для Болгарии

Царский министр иностранных дел — посланнику в Софии.

ПЕТЕРБУРГ, 2 ИЮЛЯ

«Французский посол обещал телеграфировать своему правительству, что мы придаем весьма серьезное значение заключению болгарского займа в Париже, при номинальном лишь участии наших банков. Сазонов».

(«М. О.»)

Рим на перепутье

Царский посол в Париже — министру иностранных дел.

ПАРИЖ, 2 ИЮЛЯ

«... г. Титтони (итальянский посол в Париже. — Ред.) хотя и признает необходимость для Италии оставаться в системе Тройственного союза (Союз Германии, Австро-Венгрии и Италии.—Ред.), но считает вместе с тем, что это не препятствует самым близким отношениям между Россией и Италией, основанным на общности их балканских интересов. Извольский».

(«М. О.»)

С кем пойдут Италия и Румыния?

Из беседы австро-венгерского мининдела графа Берхтольда с германским послом.

ВЕНА, 3 ИЮЛЯ

«...На мое замечание, что меня в этом, правда, часто заверяли, но что на практике я не всегда встречал поддержку у берлинского кабинета, посол ответил, что Берлин может полностью за нас выступить только в том случае, если... план будет выработан...

Кроме того, нужно удостовериться в позиции Италии и Румынии. Весьма рискованно начинать войну с Сербией, не имея уверенности в том, что Италия и Румыния не нападут».

(«Д. А.-в. К.»)

НАКАНУНЕ СОВЕЩАНИЯ В ПОТСДАМЕ

1. Гонец от Франца-Иосифа к Вильгельму

Двойная игра помазанника божьего

СМИРЕННЫЙ МАНИФЕСТ И ПРОСЬБА О ВОЕННОЙ ПОДДЕРЖКЕ

4 июля. «Император Франц-Иосиф обращается к своим народам с манифестом, в котором об'ясняет покушение, совершенное 28 июня, «безумием небольшой кучки введенных в заблуждение людей».

4 июля вечером. «Граф Гойош, начальник кабинета графа Берхтольда, едет в Берлин с собственноручным письмом императора Франца-Иосифа».

(«История возникновения мировой войны», 1927 г., стр. 68)

«Посредничество не поможет»

Германский посол в Вене — рейхсканцлеру.

ВЕНА, 4 ИЮЛЯ.

«Дейчес фольксблат» пишет:

«Если сербская пресса считает нужным апеллировать ко всей европейской общественности как к судье между нами и сербами, то пусть в Белграде поймут, что результаты, которые даст расследование в Сараеве, мы рассматриваем, как дело, которое будет урегулировано исключительно между нами и Сербией.

Мы никому не даем права вмешиваться в это дело, и мы его так урегулируем, как этого от нас требуют честь и жизненные интересы монархии». Фон-Чиршский».

(«Г. Д.»)

Непрошенные советники

Германский посол в Вене — рейхсканцлеру.

ВЕНА, 4 ИЮЛЯ.

«...Я хотел бы обратить внимание на то, что статья, вроде той, которая была напечатана в «Франкфуртер цейтунг»

от 3 с. м. (№ 182) о покушении в Сараеве и вызванном им напряжении между монархией и Сербией, легко может быть неправильно понята.

Здешнее общественное мнение сейчас вряд ли поймет содержащиеся в статье советы сохранять спокойствие и благоразумие, хотя сами по себе эти советы весьма хороши.

Кроме того, это общественное мнение находится в сильнейшем возбуждении, что видно из ежевечерних демонстраций, направленных против Сербии и России. Я хотел бы заметить, что нашей прессе следовало бы по возможности сдерживаться и стараться в настоящий момент не раздражать здешние круги, непрошенными советами. Фон-Чиршский».

(«Г. Д.»)

2. Самодержавие рвется в бой

«Давно ждем войны с Австрией»

ПЕТЕРБУРГ, 4 июля. «Новое время». «...Нет ни малейшего сомнения, что, не будь России, свобода сербская была бы давно проглочена Австрией.

Малейшее ослабление России, результат несчастной колониальной войны, и австрийский удав делает судорожное движение горлом, подтягивая внутрь себя Боснию и Герцеговину. Несчастный эрцгерцог, убитый в Сараеве, является слишком ярким выразителем австрийской политики... Устранив в лице несчастного Франца-Фердинанда ближайшую угрозу славянству, сербские фанатики, может быть, устранили ближайший удар для самой Придунайской империи...

Предсказать исход войны между Тройственным союзом и Тройственным согласием не возьмется ни один оратор.

Часть иностранной печати (английская и немецкая) пробует сараевское преступление возложить на Россию, где будто бы оно задумано и оборудовано.

Россия, конечно, не оставалась безразличной к вызывающему тону австрийского престолонаследника... Россия серьезно взвешивала угрожающую ей и в настоящем и в будущем ненависть соседней империи. На эту ненависть Россия отвечала соответствующими мерами обороны, усилением армии, отстройкой крепостей и стратегических дорог. Что же скрывать факт, при крайней грустности его слишком очевидный.

Мы давно ждем войны с Австрией, ждали ее в 1909 и 1912 гг., и вполне естественно, если по мере сил мы готовились к ней».

3. Большевики на посту

Разоблачение воинствующих «патриотов»

«ТРУДОВАЯ ПРАВДА», 4 июля

«Националистическая пресса Австрии, обслуживающая интересы крупных помещиков и империалистического капитала, используя положение, созданное убийством наследника австрийского престола, наполнена воинственными призывами против Сербии. Местные австрийские власти в округах, населенных сербами, попустительствуют погромам и предоставляют местным «патриотам» повторить в сербских городах те картины, которые памятны России еще с Кишинева.

Ответным эхом на эти события в Австрии звучат воинственные речи националистических газет в России. Русский национализм «Земщины» и «Нового времени», обслуживающий русское дворянство и русский капитал в той же мере, в какой австрийский национализм служит австрийскому капиталу и австрийскому дворянству, торопится ковать железо, пока горячо. Впопыхах он даже забывает свести концы с концами и негодует против погромов в Австрии так, как будто он ничего никогда не слыхал о погромах в странах более близких.

Газеты передают, что на заседании Славянского общества в Петербурге члены его — все виднейшие представители националистического барства — отказались вставанием почтить память австрийского наследника, павшего от руки террориста. А «Новое время» ищет «истинных моральных виновников» террористического акта в тех, «кто создал в Боснии стихию ненависти» и «кто «систематически создавал в Австрии атмосферу злобы, ненависти и раздражения», указывая прямо на политических единомышленников убитого наследника.

Так гг. националисты, проповедующие угнетение для малороссов, поляков, финнов, евреев и прочих наций в России, пытаются лицемерно выступить будто бы в защиту угнетенных наций в Австрии. На самом деле не защита угнетенных, а лишь интересы собственного кармана руководят гг. черносотенцами из «Нового времени».

Русская демократия не даст себя в обман. Она знает, что единственными действительными защитниками угнетенных наций Австрии являются не русский национализм, а австрийские рабочие-интернационалисты. Отвратительное лицемерие националистов сербских, австрийских и русских, распоясавшееся в связи с сараевским событием, лишь поспособствует дальнейшему росту идеи интернационализма в рядах пролетариата.

Покуда сербские и австрийские националисты бряцают оружием, австрийские и сербские рабочие дружно готовятся к интернациональному конгрессу. Интернационализм рабочих организаций, об'единяющих рабочих всех наций, есть действительное оружие против всяческого национализма. Не только черносотенный национализм австрийских или русских помещиков, но и утонченный национализм буржуазии и утонченнейший «демократический» национализм радикалов должен найти себе отпор в рабочем движении...

Именно теперь, когда во всей Восточной Европе хлещут волны национализма, грозя заразить своим ядом молодое рабочее движение этих стран,— всякие уступки национализму, на которые так охотно идут мелкобуржуазные элементы рабочего движения, были бы изменой рабочему делу».

4. А социал-демократия?..

С.-д. лейб-орган разжигает страсти

БЕРЛИН, 4 июля. «Ф о р в е р т с». «...В редком покушении, направленном против одного из сильных мира сего, так ясны причины и цели, как в том покушении, жертвой которого пал габсбургский наследник.

Совершенно ясно, что покушение об'ясняется исключительно смертельной ненавистью Сербии к Габсбургам. Короче говоря, это дело сербской ирреденты, очаг которой находится в Белграде и которая преднамеренно и планомерно старается разжечь страсти сербов, живущих в Австрии, подняв их до точки кипения, и, без сомнения, прибегает в ряду других средств и к покушениям...

Причина покушения, таким образом, ясна».

ПОТСДАМ—ПРОДОЛЖЕНИЕ САРАЕВА

1. Австрия и Германия договариваются

Знаменательный диалог

Аудиенция в замке Шенбрунн 5 июля

«...Разговор тотчас же перешел на политическое положение. Его величество ясно отдавал себе отчет в его серьезности. Я высказал его величеству также свое мнение о неизбежности войны с Сербией.

Его величество: — Да, это совершенно правильно; но как хотите вы вести войну, если на нас нападут все, и особенно Россия?

Я: — Но ведь нам прикрывает тыл Германия.

Его величество вопросительно посмотрел на меня и сказал:

— А вы уверены в Германии?.. Вчера вечером Германии послана нота, в которой мы требуем ясного ответа.

Я: — Ну, и если ответ будет гласить, что Германия стоит на нашей стороне, тогда мы ведем войну против Сербии?

Е. В.:—Тогда да. (После короткого размышления его величество продолжал). Ну, а если Германия нам этого ответа не даст, тогда что?

Я: — Тогда мы останемся одни. Но нам нужно поскорее получить ответ, ибо от этого зависит великое решение.

Е. В.: — Германский кайзер уехал на Север. Во всяком случае, следует подождать ответа.

У меня создалось впечатление, что его величество не чувствовал уверенности в отношении Германии и поэтому задерживал решение».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918).

«Германия выполнит свой союзный долг»

Австро-венгерский посол в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 5 ИЮЛЯ

Строго секретно.

«Собственноручное письмо императора Франца-Иосифа и приложенный меморандум я передал его величеству. Император читал в моем присутствии с величайшим вниманием оба документа. Сначала он меня заверил в том, что ожидает с нашей стороны серьезного выступления против Сербии.

По мнению императора Вильгельма, нельзя мешкать с этим выступлением.

Позиция России будет во всяком случае враждебной, но он к этому готовился в течение ряда лет, и если даже дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, то можем не сомневаться в том, что Германия выполнит свой союзный долг и будет стоять на нашей стороне.

Что касается Румынии, то он обещал позаботиться о том, чтобы король и его советники держали себя лойяльно. Заключение договора с Болгарией ему «не нравится». Сегени».

(«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АВСТРО-ВЕНГРИИ», т. VIII)

Показания свидетелей

I

«... Я был вызван 5 июля 1914 г. в Вильдпарк для того, чтобы принять приказы императора.

Император сообщил мне для передачи моему начальству, что днем 5 июля австро-венгерский поверенный в делах запросил его, выполнит ли Германия свои союзные обязательства в случае австро-венгерского конфликта с Сербией и могущего возникнуть при этом напряжения в отношениях с Россией. Я должен был передать, что император это обещал, хотя и не верит в то, что Россия выступит в защиту Сербии, запятнавшей себя гнусным убийством. Франция тоже едва ли, по его мнению, решится воевать, так как она ощущает недостаток в тяжелой полевой артиллерии. Морской капитан Ценкер».

(«Г. Д.»)

II

«Во время моего короткого отсутствия (5 июля. — Ред.) он (генерал-лейтенант фон-Бертраб. — Ред.) был вызван начальни-

ком военного кабинета в Потсдам к императору. Император поручил ему передать начальнику генерального штаба (генерал фон-Мольтке находился тогда в Карлсбаде), что он, император, обещал императору Францу-Иосифу поддержать его германской армией, если проектируемое Австро-Венгрией выступление против Сербии приведет к осложнениям...

Император тем временем отправился в свою северную поездку. Граф Вальдерзее».

(«Г. Д.»)

2. Россия выступит...

Британская дипломатия определяет положение

Английский посол в Вене Бунзен—министру иностранных дел Грею.

ВЕНА, 5 ИЮЛЯ

Доверительно.

«Я имел беседу сегодня с русским послом... господином Шебеко. Он не верит, что страна (Австро-Венгрия.—Ред.) решится на войну, ибо изолированная борьба с Сербией невозможна, и Россия была бы вынуждена прибегнуть к оружию для защиты Сербии. В этом не может быть никакого сомнения. Сербская война означала бы всеобщую европейскую войну...

Господин Дюмен, мой французский коллега, чрезвычайно озабочен. Его страна, как известно, симпатизирует сербским стремлениям, и он действительно знает, что Сербия в Вене скажет и сделает. В течение последних недель он со мной неоднократно говорил относительно опасности ситуации. И он опасается, что, возможно, все это приведет скоро к таким осложнениям, из которых легко возникнет война... де Бунзен».

(«Б. Д.»)

В деле развязывания мировой войны переговоры, состоявшиеся 5 июля 1914 г. в Потсдаме, имели большое значение. Буржуазная публицистика и историография стран Антанты, в обоснование тезиса об односторонней ответственности Германии за мировую войну 1914—1918 гг., доказывали, что в Потсдаме состоялся специально созванный «коронный совет», принявший решение о войне. Германская буржуазная литература опровергает эту версию.

Что же в действительности происходило в Потсдаме 5 июля 1914 г.?

Австро-венгерский посол в Германии граф Сегени передал в этот день привезенное накануне из Вены начальником канцелярии Берхтольда графом Гойошем собственноручное письмо императора Франца-Иосифа Вильгельму II вместе с меморандумом, составленным в австро-венгерском министерстве иностранных дел еще до убийства в Сараеве.

В этом меморандуме австро-венгерское правительство выдвинуло широкую программу политики Тройственного союза, центральное место в которой занимали: 1) вовлечение Болгарии в Тройственный союз; 2) удержание Румынии в союзе и 3) заключение болгарско-турецкого союза под покровительством Тройственного союза.

Письмо Франца-Иосифа Вильгельму II дополняло меморандум и раскрывало ближайшие цели Австро-Венгрии. «Сербия,—говорилось в нем,—являющаяся центральным рычагом панславистской политики, будет исключена в качестве политического фактора на Балканах».

Еще 11—12 июня в присутствии адмирала Тирпица, на свидании в Конопиште, эрцгерцог Франц-Фердинанд добивался у Вильгельма II ответа на вопрос: может ли Австро-Венгрия в будущем безусловно рассчитывать на союзническую верность Германии в случае войны с Россией? Франц-Иосиф в своей беседе с фельдмаршалом Конрадом фон-Гетцендорфом заметил, что «германский император уклонился от вопроса и не ответил». Однако начальник оперативного бюро генерального штаба полковник Мецгер со слов Франца-Фердинанда утверждает противоположное: «Если мы не выступим сейчас, положение ухудшится» [1],—заявил германский кайзер. Таким образом, вопрос о мировой войне был принципиально решен в Вене и Берлине еще до покушения в Сараеве.

Прерванные в Конопиште переговоры по уже принципиально решенному вопросу продолжались в Потсдаме.

Параллельно с переговорами Сегени с Вильгельмом II в Новом потсдамском дворце происходили переговоры графа Гойоша, специального доверенного лица Берхтольда, с канцлером Бетман-Гольвегом и помощником статс-секретаря по иностранным делам Циммерманом на ту же тему. Графу Гойошу не нужно было употреблять особого дипломатического искусства, чтобы добиться успеха. Берлин дал полное согласие на проведение всей политической программы, изложенной в меморандуме, и обещал свою поддержку в Бухаресте и в Софии. Он дал также согласие на «уменьшение Сербии». Однако на этом дело не окончилось.

«В тот день, когда австро-венгерский посол в июле 1914 г. вручил его величеству императору переданное графом Гойошем письмо императора Франца-Иосифа, рейхсканцлер фон-Бетман-Гольвег вместе с помощником статс-секретаря Циммерманом были приняты в Потсдаме. В Потсдаме же у его величества состоялось совещание военных чинов. Принимали участие: его превосходительство Капелле вместо Тирпица, капитан Ценкер—от штаба адмиралтейства, представитель военного министерства и генерального штаба.

На всякий случай было решено предпринять подготовительные меры к войне. Затем были отданы соответствующие приказы» [2]).

Можно привести еще много свидетельств официальных лиц, подтверждающих, что 5 июля без «коронного совета», проведенного по всем правилам протокола, Германия обещала полную поддержку всем мероприятиям Австро-Венгрии против Сербии.

Венгерский председатель совета министров граф Тисса заявил 7 июля на заседании совета министров, что он «никогда не согласился

---

[1]) Конрад фон-Гетцендорф «Годы моей службы» 1906—1918 гг. Вена. 1923. Часть IV, стр. 36 и 39.

[2]) «Германские документы». 1919. Т. IV, стр. 171.

бы на внезапное нападение на Сербию без предварительных дипломатических шагов, как об этом, повидимому, помышляют и как, к сожалению, условились даже в Берлине через графа Гойоша».

Как об этом свидетельствовал в 1917 г. сам граф Гойош, 5 июля 1914 г. он заявил германскому правительству, что «по внутренним и внешнеполитическим причинам мы считаем момент подходящим для выступления против Сербии, даже с риском вызвать конфликт с Россией. Мы, с другой стороны, точно знали, что подобная политика может спровоцировать мировую войну. Поэтому мы хотим знать позицию германского правительства, считает ли оно с политической и военной точек зрения момент благоприятным и можем ли мы рассчитывать в случае неудачи на его поддержку». На это Циммерман и канцлер (Бетман-Гольвег) ответили: «Австро-Венгрия должна сама решить, исходя из ее жизненных интересов, какие меры следует принять против Сербии, и в этом деле мы можем следовать только решениям императорского и королевского правительства. Вы можете, во всяком случае, рассчитывать на нашу поддержку верных союзников, и мы считаем, что если война должна разразиться, было бы лучше, чтобы это было сейчас, чем через два года, когда Антанта сделается более сильной»[1]).

Можно с полной достоверностью установить, что: 1) 5 июля германское правительство присоединилось к выработанной в Вене программе расширения Тройственного союза, 2) что австро-венгерское и германское правительства заранее знали, что «уменьшение Сербии» вызовет мировую войну, и они на это сознательно шли, так как считали момент для себя более благоприятным, чем для их противников.

Для механики развязывания войны небезынтересно обратить внимание и на технику ее подготовки. После принятия всех решений и отдачи необходимых распоряжений Вильгельм II по совету канцлера отправился путешествовать в Северное море с исключительной целью усыпить бдительность противников и выиграть время. Германия могла себе позволить роскошь назначить всеобщую мобилизацию только 31 июля, так как она была готова уже заранее. Военная машина заработала полным ходом уже с 5 июля. — Ред.

---

[1]) «Журналь де деба», 12 ноября 1931 г.

НА УТРО ПОСЛЕ ПОТСДАМА

1. Узел завязан

Увеселительная поездка — для отвода глаз

«...В понедельник, 6 июля 1914 г., между 7 и 8 часами утра мне, как заместителю статс-секретаря (адмирал фон-Тирпиц был в отпуску) было предложено по телефону немедленно явиться к императору Вильгельму в Новый дворец.

Император находился в саду, уже вполне готовый отправиться в свою поездку в северные воды. Он заявил мне, что не верит в возможность крупных военных осложнений.

Во всяком случае царь не станет, по его мнению, на сторону убийц эрцгерцога, кроме того, ни Россия, ни Франция неготовы к войне. Об Англии император не говорил ни слова. Для того, чтобы не вызвать беспокойства, он решил последовать совету рейхсканцлера и уехать на Север. Адмирал фон-Капелле».

(«Г. Д.»)

Сигнал из Афин

Германский посол в Афинах — рейхсканцлеру.

АФИНЫ, 6 ИЮЛЯ

Строго секретно.

«Мой итальянский коллега сообщает мне в самом секретном порядке, что итальянский посол в Петербурге прислал в Рим чрезвычайно тревожный отчет о военных приготовлениях России. Отчет этот чрезвычайно подробный. В отчете говорится также об огромных кредитах, которых потребовало русское правительство и которые, якобы, уже одобрены на тайном совещании думы или комиссии по вопросам вооружений. Квадт».

(«Г. Д.»)

Исчерпывающая директива из Берлина

Германский рейхсканцлер — германскому послу в Вене.

БЕРЛИН, 6 ИЮЛЯ

«По поручению его величества я ответил сегодня графу Сегени (австрийский посол в Берлине. — Ред.), что его величество благодарит императора Франца-Иосифа за письмо и скоро лично на него ответит. При этом его величество хотел бы уже теперь подчеркнуть, что и он не закрывает глаза на опасность, которая угрожает Австро-Венгрии и тем самым Тройственному союзу от агитации, которую ведут русские и сербские панслависты...

Наконец, что касается Сербии, то его величество, конечно, не может ничего сказать о вопросах, которые должны быть урегулированы между Австро-Венгрией и этой страной, так как они, по его мнению, не относятся к его компетенции.

Император, однако, просит передать, что император Франц-Иосиф может не сомневаться в том, что его величество в соответствии со своими союзными обязательствами и старой дружбой будет стоять на стороне Австро-Венгрии. Бетман-Гольвег».

(«Г. Д.»)

Война решена. — Когда мобилизация?

ФЕЛЬДМАРШАЛ ДОГОВАРИВАЕТСЯ С МИНИНДЕЛОМ

«...6 июля я имел беседу с графом Берхтольдом (австро-венгерскийининдел. — Ред.).

Граф Берхтольд: — Вы были вчера у его величества. Император сказал, что вы очень спокойно оцениваете положение.

Я: — Да, я сказал также его величеству, что фундаментального разрешения вопроса можно ожидать только путем войны против Сербии.

Затем... я подчеркнул, что мы прежде всего должны знать наверняка, будет ли Германия на нашей стороне.

Граф Б.: — Завтра утром будет ответ. Германский кайзер ответил утвердительно, но он должен еще поговорить с Бетман-Гольвегом. Как примет это его величество?

Я: — Если Германия согласится, то его величество будет за войну против Сербии.

Граф Б. спросил мое мнение относительно момента, который следовало бы выбрать для начала войны. Он указал, что сейчас время жатвы и что страна должна прожить целый год этим урожаем. Граф Берхтолыд предложил сначала устроить пробную мобилизацию.

Я решительно возражал против этого и заметил, что если уж об'являть мобилизацию, то это должна быть полная мобилизация...

Граф Берхтольд: — Тисса (венгерский премьер.— Ред.) против войны. Он боится румынского наступления на Семиградье (Трансильвания). Что будет с Галицией, если мы начнем мобилизацию против Сербии?

Я: — Галиция пока не подлежит мобилизации. Если, однако, русские начнут угрожать, тогда в Галиции должны быть мобилизованы 3 корпуса.

Граф Форгач: — Я не сомневаюсь в том, что Германия должна выступить с нами, — во-первых, в силу своих союзнических обязанностей и, во-вторых, потому, что здесь идет речь о существовании самой Германии.

Я: — Когда могу я узнать ответ Германии?

Граф Б.: — Завтра. Но немцы спросят нас, что будет после войны.

Я: — Тогда вы скажете им, что мы сами этого не знаем».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918)

«Точная информация»

ВЕНА, 6 июля. (От специального корреспондента «Матен»). «Цейт» сообщает, что завтра состоится об'единенное совещание совета министров, которое займется обсуждением вопросов, вызванных в связи с сараевским убийством, главным образом о мерах, которые будут предприняты в отношении Боснии и Герцеговины.

«Цейт» считает, что правительство не будет налагать на весь сербский народ ответственность за убийство, совершенное несколькими сербами. Тот же орган добавляет, что о дипломатическом выступлении Австро-Венгрии против Сербии не может быть и речи».

2. В игру вступает Великобритания

Грей водит за нос германского посла

Германский посол в Лондоне — рейхсканцлеру.

ЛОНДОН, 6 ИЮЛЯ

Секретно.

«Я посетил сегодня сэра Эдуарда Грея и воспользовался случаем для того, чтобы поговорить с ним в дружеском тоне о положении в Европе... Сэр Эдуард вновь заявил мне, что

ему неизвестно о каких-либо признаках антигерманских настроений в Петербурге. Еще меньше он верит в какие-либо военные замыслы России, тем не менее он намерен вновь обратить свое внимание на этот вопрос и при случае поговорить со мной об этом, так как и он испытывает желание поддерживать с нами контакт по всем вопросам внешней политики. Лихновский».

(«Г. Д.»)

Очень осторожно, под покровом дипломатической тайны, Англия вступает в игру. Это вовсе не означает, что английская империалистская дипломатия ранее была пассивным наблюдателем событий.

Беседа тогдашнего английского министра иностранных дел Эдуарда Грея с германским послом в Лондоне Лихновским состоялась 6 июля. Запись об этой беседе является первым документом, освещающим позицию британского империализма,— очевидно: более ранние документы предусмотрительно не опубликованы английским министерством иностранных дел. Но и сопоставление имеющихся (английской и германской) записей об этой беседе раскрывает зачатки той провокационной игры, которую начал проводить английский империализм для развязывания войны.

Как видно из вышеприведенного отрывка, Грей всячески заверял германского посла в том, что воинственные намерения абсолютно чужды царскому правительству. Эти заверения, конечно, не имели под собой никаких оснований. Однако они нужны были Грею для проведения усвоенной им политической линии.

Прикрываясь «личными» и «политически дружественными» отношениями, Грей настойчиво приглашал германского посла совместно обсуждать вопросы международной политики «во имя сохранения мира». Эти беседы о мире Грей, как мы увидим, великолепно умел использовать в целях разжигания войны.

И в этой первой, после начала июльского кризиса, важной политической беседе Грей, предпочитая больше молчать, предоставлял возможность говорить германскому послу. Последний, оговариваясь, что его высказывания носят исключительно частный характер, дал достаточно ясно понять, что Австрия собирается воевать и что правящие клики Германии ее поддерживают, считая сложившуюся обстановку благоприятной. Грей все это внимательно слушал, вставлял отдельные, не обязывающие замечания и продолжал молчать. — Ред.

7 ИЮЛЯ 1914 Г.

АВСТРИЯ ГОТОВИТ УЛЬТИМАТУМ

1. Гойош привез из Берлина «благую весть»: воевать!

Генштаб делает выводы

«...7 июля утром я получил известие, что граф Гойош, который по поручению графа Берхтольда поехал в Германию, чтобы получить ее согласие... вернулся из Берлина с благоприятным ответом. Я отправился к графу Берхтольду, чтобы узнать об этом окончательно, и получил сообщение, что Германия непременно будет стоять на нашей стороне, даже и в том случае, если наше выступление против Сербии выльется в большую войну. Германия советовала нам выступить...

Потом я отправился в бюро (очевидно, в штаб. — Ред.) и обсудил с полковником Мецгером все мероприятия, которые нужно было уже сейчас предпринять перед возможной мобилизацией».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918)

Союзник поддерживает — можно начинать

Протокол заседания австро-венгерского совета министров по вопросам об общих делах

ВЕНА, 7 ИЮЛЯ

«Слушали: Боснийские дела. Дипломатическое выступление против Сербии.

Председатель (Берхтольд. — Ред.) открывает заседание и замечает, что совет министров созван для обсуждения мероприятий, которые должны быть приняты для оздоровления выявившихся в связи с катастрофой в Сараеве внутриполитических бедствий в Боснии и Герцеговине... Переговоры в Берлине привели к чрезвычайно благоприятным результатам, и как кайзер Вильгельм, так и господин фон-Бетман-Гольвег со всей твердостью

заверили нас, что в случае военного осложнения с Сербией мы будем иметь безусловную поддержку Германии...

Поэтому ясно, что вооруженный конфликт с Сербией может иметь следствием войну с Россией...

Логическим следствием, вытекающим из сказанного, было бы определить наших противников и своевременной расправой с Сербией задержать уже находящийся на полном ходу процесс развития. Позже это сделать не представилось бы возможным.

Королевский венгерский председатель совета министров (Тисса. — Ред.) с этим соглашается... Но он... никогда не дал бы своего согласия на внезапное нападение на Сербию без предварительной дипломатической подготовки, как это, повидимому, намереваются сделать и о чем, к сожалению, через графа Гойоша велись разговоры в Берлине. Он не дал бы согласия, потому что мы в этом случае, по его мнению, показали бы себя в очень плохом свете перед Европой, а также, что весьма вероятно, встретили бы враждебность со стороны Балкан, за исключением Болгарии, причем последняя, будучи в настоящее время крайне ослабленной, не могла бы оказать нам соответствующей поддержки...

Императорский и королевский председатель совета министров замечает... Как должен начаться конфликт — это вопрос подробностей, и если венгерское правительство считает, что внезапное нападение без «предостерегающего окрика», как выразился граф Тисса, неприемлемо, то нужно найти другой путь. Однако крайне желательно, чтобы перед лицом неизбежного действовали быстро и чтобы наше народное хозяйство было ограждено перед наступлением длительного периода треволнений. Все это детали рядом с принципиальным вопросом...

Поэтому сегодня нужно принципиально решить, что следует перейти к действиям и что мы перейдем к действиям. Он также разделяет мнение председателя (Берхтольда. — Ред.), что дипломатический успех никоим образом не может улучшить положения. И если из международных соображений будет предпринята дипломатическая акция против Сербии, то это должно быть сделано с твердым намерением, что эта акция может закончиться только войной...

Затем развертывается дискуссия о цели военных действий против Сербии, причем принимается точка зрения королевского венгерского председателя совета министров о том, чтобы Сербия была уменьшена, но, учитывая Россию, не совсем уничтожена. Императорский и королевский председатель совета министров подчеркивает, что рекомендовалось бы также отстранить династию Карагеоргиевичей и пере-

дать корону одному из европейских князей и одновременно установить зависимые отношения уменьшенного в своем об'еме королевства[1]) к монархии в области военной...

В продолжительных прениях вопрос о войне обсуждается во всех подробностях. В заключение этих высказываний можно констатировать:

1) что все собравшиеся желают по возможности быстрого разрешения спора с Сербией в мирном или военном духе;

2) что совет министров готов присоединиться к мнению королевского венгерского председателя совета министров о том, что сначала следует провести мобилизацию, потом пред'явить к Сербии конкретные требования и поставить их перед ней, как ультиматум.

Все присутствующие, однако, за исключением королевского венгерского председателя совета министров, придерживаются мнения, что чисто дипломатический успех, даже в том случае, если бы он закончился блестящим унижением Сербии, не имел бы ценности, и что поэтому нужно пред'явить к Сербии настолько далеко идущие требования, чтобы можно было предвидеть их отклонения и тем самым радикальное разрешение вопроса путем военного вмешательства...»

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918)

2. Антанта выжидает момент для прыжка

Осторожно! Внимание! Ждать сигнала!

Царский067 ининдел — посланнику в Белграде.

ПЕТЕРБУРГ, 7 ИЮЛЯ

«Доверительно. Последние события в Австрии, вызвавшие столь резкое обострение антисербского настроения, побуждают нас советовать сербскому правительству с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его и создать опасное положение.

Ввиду этого полагаем, что было бы желательно повременить с переговорами о сербско-черногорском сближении, которое уже обратило на себя внимание австро-венгерского и даже германского правительств.

Прошу вас доверительно сообщить наше мнение Пашичу. Сазонов».

(«М. О.»)

[1]) Т. е. Сербии. — Ред.

Нас не должны удивлять эти «предостережения» Сазонова и его советы об осторожности. Они об'ясняются тем, что царское правительство, готовясь к войне, считало для себя более выгодным предоставить «честь» развязывания войны Австро-Венгрии и Германии. К тому же царское правительство еще не знало о секретных решениях Вены и Берлина, а главное—еще не имело сведения о позиции французского и английского империализма. В Петербурге ждали приезда Пуанкаре. Еще только начинались переговоры в Лондоне.

В таких условиях царское правительство не могло не опасаться, что Сербия каким-нибудь неосторожным выступлением может ускорить события, и война может вспыхнуть в неблагоприятный момент.

Дружеский совет Сербии—это не что иное, как напоминание маленькому государству о том, что вопрос о его жизни и смерти решается в кругу империалистических великих держав. — Ред.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ СЕРБИИ РЕШЕНО

1. Сначала ультиматум, затем война

План раздела Сербии

Из доклада графа Тиссы императору Францу-Иосифу

«... Известия из Берлина, являющиеся во всяком случае чрезвычайно отрадными и связанные с вполне справедливым возмущением событиями в Сербии, способствовали тому, что все прочие участники вчерашнего об'единенного совещания министров пришли к выводу о необходимости спровоцировать войну с Сербией для того, чтобы окончательно расправиться с этим наследственным врагом монархии.

Я не нашел возможным полностью поддержать этот план...

... Спровоцированную нами войну пришлось бы, вероятно, вести в чрезвычайно неблагоприятных условиях, в то время как отсрочка расправы улучшила бы соотношение сил, если бы мы эту отсрочку дипломатически хорошо использовали...

Поэтому следовало бы обратиться к Сербии с нотой, выдержанной в спокойном, но не угрожающем тоне, в которой мы бы перечислили наши конкретные жалобы, связав с ними определенные требования.

Если бы Сербия дала неудовлетворительный ответ или захотела бы затянуть дело, мы должны были бы пред'явить **ультиматум** и по истечении его начать **военные действия**... Мы бы взвалили ответственность за войну на Сербию...

Чтобы избежать осложнений с Италией, заручиться симпатиями Англии и дать возможность России остаться в роли зрителя, мы должны были бы в надлежащий момент сделать в соответствующей форме заявление, что мы не намереваемся уничтожить или тем более аннектировать Сербию. В случае удачной войны Сербию следовало бы, по моему мнению, уменьшить путем передачи завоеванных ею областей Болгарии, Греции и Албании, что касается нас, то мы могли бы в лучшем случае настаивать на определенном урегулировании границы, важном с стратеги-

ческой точки зрения. Разумеется, мы имели бы право требовать возмещения военных расходов, и это дало бы нам возможность долгое время крепко держать в своих руках Сербию».

(«Д. А.-в. К.»)

Решительная поддержка Германией австро-венгерских агрессивных планов против Сербии положила конец колебаниям и разногласиям в правительственной верхушке в Вене и Будапеште. Результаты совещания 5 июля в Потсдаме и Берлине настолько подействовали даже на осторожного графа Тиссу, что он, по существу, отказался от всех своих прежних возражений и вместе с Берхтольдом и Конрадом благословляет выступление против Сербии. Вопрос о выступлении против Сербии уже окончательно и бесповоротно решен и считается уже пройденным этапом.

Отныне заботы австро-венгерского правительства, как видно из доклада Тиссы Францу-Иосифу, направлены целиком на конкретное определение целей «карательной» экспедиции, с одной стороны, и на обеспечение тыла — с другой. «Отказываясь» от значительного территориального увеличения из боязни усилить сербский элемент в монархии, австро-венгерский империализм намечает фактический раздел Сербии между Болгарией, Грецией и Румынией и полное подчинение того, что останется от Сербии, Австро-Венгрии. Не довольствуясь и этим, австро-венгерские политики намечают еще наложение контрибуции на Сербию.

Как показали события, германское правительство не только одобрило и эти планы Вены, оно взяло на себя заботу по обработке английского, итальянского и румынского правительств, дало инструкции своим послам воздействовать через печать на общественное мнение за границей и приняло заботы по привлечению к Тройственному союзу Болгарии и Турции.

Берлин и Вена установили полное разделение труда по развязыванию мировой войны. — Ред.

Стратегия внезапного удара

«... Так как граф Берхтольд отложил свою поездку, то я зашел к нему 8 июля после 6 часов вечера... Мне сообщили о требованиях, которые будут пред'явлены в ультимативной форме Сербии с предоставлением 24- или 48-часового срока на ответ. Можно было предполагать, что Сербия отвергнет эти требования, так что по истечении срока начнутся мобилизация и война.

Граф Берхтольд: — Что случится, если Сербия будет тянуть до мобилизации, а затем уступит по всей линии?

Я: — Тогда туда будут введены войска.

Граф Берхтольд: — Ну, хорошо, а если Сербия ничего не выполнит?

Я: — Тогда Сербия будет оккупирована до тех пор, пока не уплатит все военные расходы.

Граф Берхтольд: — Мы пред'явим ультиматум лишь после снятия урожая.

Я: — Лучше сегодня, чем завтра. Как только наши противники начнут что-либо подозревать, они со своей стороны будут готовиться.

Граф Берхтольд: — Будут приняты меры для того, чтобы все осталось в строжайшем секрете и никто ничего не узнал.

Я: — Когда будет отправлен ультиматум?

Граф Б.: — Через две недели, 22 июля. Было бы хорошо, если бы вы и военный министр уехали на некоторое время в отпуск, чтобы создать впечатление, будто ничего серьезного не происходит.

После этого мы перешли к позиции Румынии и возможности вмешательства России.

Я: — Нужно уже сейчас выяснить, должны ли мы воевать с Россией. Если Россия об'явит всеобщую мобилизацию, то мы должны будем тогда заявить, что мы против нее.

Граф Б.: — Что будет, когда мы вступим в Сербию и оккупируем достаточно крупную территорию?

Я: — Оккупацией территории мы еще ничего не добьемся. Мы должны действовать до тех пор, пока не разобьем сербскую армию.

Граф Б.: — А если она будет уклоняться от сражения?

Я: — Тогда мы потребуем демобилизации и разоружения. Когда до этого дойдет, то все остальное уже придет само собой.

Граф Б.: — Ради бога не принимайте сейчас никаких мер, которые могли бы нас выдать. Не следует ничего делать, что могло бы броситься в глаза».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918)

Вильгельму не терпится

Из письма австро-венгерского мининдела — венгерскому премьеру.

ВЕНА, 8 ИЮЛЯ

«...Только что от меня ушел Чиршский (германский посол в Вене. — Ред.), который мне сообщил о получении телеграммы из Берлина, в которой его император ему поручает категорически заявить, что в Берлине ожидают выступления монархии против Сербии и что в Германии не поймут, если мы пропустим теперешний случай, не нанеся удара...

Из дальнейших заявлений посла я видел, что в Германии рассматривали бы наши старания договориться с Сербией, как признание своей слабости, что не могло бы не отразиться на нашей позиции в Тройственном союзе, равно как и на будущей политике Германии. Берхтольд».

(«Д. А.-в. К.»)

«Момент для войны блестящий»

«8 июля меня посетил австро-венгерский посланник в Белграде барон Гизль. По его мнению, в министерстве иностранных дел повеяло другим духом. Он беседовал с графом Берхтольдом и бароном Макио. Сербия, по его мнению, не примет пред'явленных ей требований, и дело таким образом дойдет до войны. Момент для войны теперь самый «блестящий».

Я: — Ну, не совсем уже блестящий. Но только не пред'являть требований, а затем уступить!

Барон Гизль: — Германский император ручается за Румынию.

Я: — Если придется считаться с вмешательством России, то мы не должны оставить русским время для подготовки. Нам не нужно особенно долго готовиться к мобилизации».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД. «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918)

«Точная» информация «Форвертса»

БЕРЛИН, 8 июля. «Форвертс». «Газеты узнают о том, что вчера состоялось об'единенное заседание министров [1]), подробно обсудившее ряд мероприятий внутреннего управления Боснией и Герцеговиной, которые оказались необходимыми ввиду последних страшных событий... Далее сообщают, что не предполагается предпринять против Сербии шаги, которые можно было бы рассматривать в техническом отношении, как дипломатическую акцию (!)».

2. Петербург угрожает вмешательством

Сазонов угрожает Австро-Венгрии

Итальянский посол в Петербурге — итальянскому министру иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 8 ИЮЛЯ

Доверительно.

«... Я узнал из достоверного источника, что в ответ на указание австро-венгерского поверенного в делах на «возможность»

---

[1]) Австро-Венгрии.—Ред.

пред'явления Австро-Венгрией сербскому правительству требования о содействии при тщательном расследовании, имеющем быть произведенным в Сербии по делу о последнем покушении, г. Сазонов сказал, что такой демарш произвел бы в России очень плохое впечатление, и горячо настаивал, чтобы Австро-Венгрия отказалась от подобного намерения и «не вступала на столь опасный путь». Карлотти».

(«М. О.»)

Царский посол в блаженном неведении

Царский посол в Вене — министру иностранных дел.

ВЕНА, 8 ИЮЛЯ

«Из разговоров моих с графом Берхтольдом я вынес впечатление, что австро-венгерское правительство не намерено пред'являть сербскому правительству никаких требований, несовместимых с достоинством соседнего государства. Шебеко».

(«М. О.»)

Как обманывали общественное мнение

ПЕТЕРБУРГ, 8 июля. «Новое время». «... Погромы, преследования мирных жителей, разговоры о карательной экспедиции в Сербию...

— Будет еще хуже, будет война, — говорят смущенные и напуганные люди.

Нет! Войны не будет и хуже не будет. Буйство разнузданной черни—бессилие власти. Отдельные и даже многочисленные случаи насилия, терпимые и даже поощряемые государством,— что это, как не признание государственной слабости и невозможности для государства справиться с намеченными задачами собственными средствами и энергией?

Вот почему в брожении, охватившем Габсбургскую империю, нужно усматривать лишь успокоительный признак отдельных разрядов той грозы, которая уже не разразится».

Купить Болгарию пока не поздно!

Царский посланник в Софии — министру иностранных дел.

СОФИЯ, 8 ИЮЛЯ

«... Я считал, что в настоящем положении вопроса мне следовало попытаться сделать последние усилия, чтобы не дать займу совершиться в Берлине...

Вполне сознавая, что не мне судить о возможности для нашего министерства финансов и наших банков привнести свое

участие в займе в той или другой форме, а для французских банков отказаться от тех или других обеспечений и привилегий (все единодушно признают, что единственная привилегия, стоящая вне сомнений, — это военные заказы, которые в случае заключения займа во Франции будут отданы французской фирме Крезо вместо немецкой — Круппа, как это будет при заключении займа в Берлине), я считаю только своим долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что в случае, если бы переговоры в Берлине прервались и болгарское правительство обратилось к нам и Франции, то малейшее колебание с нашей стороны произвело бы здесь, и совершенно справедливо, самое тягостное впечатление, что мы, мол, хотели лишь расстроить заем в Берлине, а сами уклоняемся от него... А. Савинский».

(«М. О.»)

9 ИЮЛЯ 1914 Г.

СЭР ЭДУАРД ГРЕЙ ЗА РАБОТОЙ

1. Натравить царскую Россию на Германию...

«Дружеская» беседа № 1

Царский посол в Лондоне — мининделу.

ЛОНДОН, 9 ИЮЛЯ

«Я имел вчера с Греем беседу, которой он, очевидно, придает значение.

Для начала Грей сказал мне, что известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся...

Я ответил, — если Австрия попытается извлекать пользу из содеянного убийства, общественное мнение в России не останется равнодушным.

«Вот почему, — сказал Грей, — положение мне представляется очень серьезным».

Я сказал ему, что тем не менее Германии еще предстоит сказать свое слово и что я не могу поверить, чтобы император Вильгельм желал войны.

Он ответил мне, что он думал так же, как и я, но что его впечатления относительно намерений Берлина, — впечатления, почерпнутые из многих источников, — являются в общем не особенно благоприятными. За последние годы там продолжают говорить... с целью увеличения вооружений, о русской или английской политике «окружения», не веря в нее в действительности... Там вбили себе в голову, что Россия имеет агрессивные намерения, вооружается, ведет переговоры то с Румынией, то с Англией для заключения военной конвенции и, по меньшей мере, думает о войне, а потому рассчитывать на Германию в такой же степени, как в прошлом году, было бы неблагоразумно...

Я ответил, что все германские опасения насчет окружения кажутся мне попрежнему весьма мало искренними. Но ... независимо от этой удобной и легко поддающейся использованию теории, изменившееся военное положение само по себе заставляет Германию задумываться. Оно может внушить ей благо-

разумие, точно так же, как может побудить ее ускорить события.

Я кратко резюмировал военное положение: Россия значительно более сильна людским составом и железными дорогами, Франция — в том же точно положении, что прежде, Румыния — стала подозрительной (с точки зрения Германии.—Ред.), Англия — тем более.

Грей мне ответил:

— Да. Таковы мои впечатления по этому поводу, и я хотел бы, чтобы Сазонов знал. Наш разговор, конечно, является строго конфиденциальным, но я считаю, что мы должны об этом подумать...

... Грей сказал мне еще, что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести военных операций перемещается довольно быстро с Запада на Восток... Мало-помалу главным противником становится Россия...

Может быть, Грей немного пессимист, тем не менее его аргументация слишком сильна, чтобы отказывать ей в значении; он говорил не только с большой серьезностью, но и с волнением, которое он проявляет в момент, чреватый последствиями... Бенкендорф». («М. О.»)

Пафос черной сотни

ПЕТЕРБУРГ, 9 июля. «Новое время». «...В Европе раскинулись два огромных вооруженных лагеря — Тройственный союз и Тройственное согласие.

На знамени одного — «Готовьтесь к войне для войны!» На знамени Тройственного согласия — «Готовьтесь к войне для мира!»

2. ... и Германию на царскую Россию

«Дружеская» беседа № 2

Германский посол в Лондоне — рейхсканцлеру.

ЛОНДОН, 9 ИЮЛЯ

Секретно.

«Сэр Эдуард Грей вызвал меня сегодня к себе и сначала ознакомил меня с записью, которую он сделал о нашем разговоре, имевшем место незадолго до моего от'езда в Берлин и Киль.

Он заявил, что он не имеет ничего добавить к тому, что говорил тогда, и может лишь повторить, что между Великобри-

танией, с одной стороны, и Францией и Россией, с другой, не заключено никаких секретных соглашений, которые связывали бы Великобританию в случае европейской войны.

Англия хочет, по его словам, сохранить полную свободу действий для того, чтобы иметь возможность действовать по собственному усмотрению в случае осложнений на континенте. Правительство обязалось до известной степени перед парламентом не принимать на себя какие-либо тайные обязательства. В случае осложнений на континенте британское правительство ни в каком случае не окажется на стороне нападающего государства...

...Если, таким образом, нет никаких соглашений, возлагающих какие-либо обязательства, то он (Грей) все же не отрицает, что от времени до времени происходили совещания между морскими или военными инстанциями обеих стран. Первое совещание произошло в 1906 году, второе — во время марокканского кризиса, когда здесь полагали, как он, смеясь, заметил, что мы хотим напасть на французов...

Со времени нашего последнего разговора, — добавил сэр Эдуард, — он тщательно ознакомился с настроением, царящим в России против нас, и не нашел никаких оснований для беспокойства. Он также готов, если мы пожелаем, повлиять в той или иной форме на позицию России... Многое будет зависеть от характера проектируемых мероприятий и от того, не затронут ли они славянские чувства в такой мере, что господин Сазонов не сможет остаться пассивным. Лихновский».

(«Г. Д.»)

«Нибелунги» с берлинской биржи

БЕРЛИН, 9 июля. «Локаль анцейгер». «...В Германии, которая в Сараеве потеряла друга и союзника, предоставят свою моральную поддержку каждому шагу, который будет исходить из Вены против виновника.

Официальная Германия в данном случае также не будет отставать. Здесь должна будет подтвердиться наша нибелунгова [1]) верность...»

---

[1]) Нибелунги — древнегерманские герои. — Ред.

ГЕРМАНИЯ ТОЛКАЕТ К РАЗВЯЗКЕ

1. Вильгельм недоволен медлительностью Австрии

«Ультиматум должен быть неприемлемым»

Германский посол в Вене — германскому рейхсканцлеру.

(В скобках помещены пометки Вильгельма. — Ред.).

ВЕНА, 10 ИЮЛЯ

Совершенно секретно.

«Граф Берхтольд сообщает мне о своем вчерашнем докладе в Ишле его величеству императору Францу-Иосифу следующее:

«Его величество император с большим спокойствием обсуждал настоящее положение. Прежде всего он выразил свою живейшую благодарность за позицию нашего всемилостивейшего монарха и императорского правительства и сказал, что он вполне разделяет наш взгляд о необходимости теперь же (подчеркнуто Вильгельмом. — Ред.) придти к какому-нибудь решению (так как со времени замечания его величества прошло приблизительно 14 дней, то это тянется очень долго! Это ведь, собственно, составлено для обоснования самого решения. — В.) и покончить с невыносимым положением, создавшимся в связи с вопросом о Сербии. В важности такого решения, — добавляет граф Берхтольд, — его величество отдает себе полный отчет...

В общем и целом его величество склоняется скорее к мнению, что следовало бы поставить Сербии конкретные требования. (И еще какие! И недвусмысленные! — В.)... Главной заботой здесь в настоящее время является формулировка соответствующих требований Сербии. (Для этого у них было достаточно времени! — В.)... Он ломает себе голову еще над тем, какие можно было бы поставить Сербии требования, приемлемость которых была бы совершенно исключена. (Очистить санджак! Тогда свалка немедленно налицо! Санджак Австрия должна во

что бы то ни стало немедленно вернуть себе, чтобы помешать об'единению Сербии и Черногории и доступу Сербии к морю. — В)...

Министр охотно будет руководствоваться переданным по телеграфу через графа Сегени предложением императорского правительства уже теперь настраивать через прессу общественное мнение страны против Сербии... Военный министр с завтрашнего дня уйдет в отпуск, и барон Конрад фон-Гетцендорф временно оставит Вену. Это делается, как сказал мне граф Берхтольд, умышленно (Ребячество! — В.), во избежание всякой тревоги. Чиршский».

(«Г. Д.»)

В своем выступлении по вопросам внешней политики 21 марта 1933 года Гитлер поставил знак равенства между германским народом и бывшим кайзером Вильгельмом II. По утверждению Гитлера, война была Германии навязана.

«Оправдание» Гитлером Вильгельма II наполнило радостью сердца всех верных слуг кайзера, вроде полковника фон-Вегерера и его «школы». Эти апологеты германского империализма заполняют книжный рынок пропагандистской макулатурой, вроде книг самого Вегерера «Решающий шаг к мировой войне», «Опровержение тезиса об ответственности Германии за войну» и др.

Чтобы «доказать», что черное является белым, фон-Вегерер даже составил на основании напечатанных советским правительством документов из царских архивов «Оранжевую книгу». Много лет исследователи пользовались этой «Оранжевой книгой», как доброкачественным научным материалом. Однако, сверяя эти документы с напечатанными в V томе советской публикации «Международные отношения в эпоху империализма», всякий может убедиться, что в некоторых случаях даты переставлены так, как это нужно господину Вегереру для доказательства его «тезиса».

Печатаемые нами официальные документы с сочными и выразительными подписями кайзера Вильгельма на полях доклада Чиршского говорят сами за себя. Никаким Вегерерам не удастся оправдать германский империализм в его доле ответственности за мировую войну.

Натравливая Австрию на занятие Новобазарского санджака [1]), кайзер указывал ей как раз такую цель, из-за которой австро-венгерский империализм готов был драться. Занятие Новобазарского санджака, как указывал сам Вильгельм, не только должно было помешать об'единению Сербии с Черногорией, оно открывало кратчайший путь и создавало связь Австро-Венгрии с Салониками, что было заветной мечтой австро-венгерских и германских империалистов. — Ред.

«Из-за Германии нельзя отступать»

«... 10 июля я посетил вернувшегося из Ишля графа Берхтольда. Он сообщил мне, что император полон решимости и вполне спокоен. Его величество, повидимому, за выступление против

[1]) Новобазарский санджак был оккупирован Австро-Венгрией с 1878 г. по 1908 г. вместе с Боснией и Герцеговиной и был очищен после аннексии последних двух областей.

Сербии и опасается лишь беспорядков в Венгрии. По его мнению, теперь уже из-за Германии нельзя отступать.

Тисса призывает к осторожности и не желает войны; однако барон Буриан, по его словам, выехал в Будапешт для переговоров с Тиссой».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918)

Гимн войне

БЕРЛИН, 10 июля. «Юнгдейче пост». «...Поэтому война является высшим и священнейшим проявлением человеческих действий... Высмеем, таким образом, старых баб, одетых в мужское платье, боящихся войны и жалующихся поэтому на то, что она жестока и отвратительна. Нет, война прекрасна!»

2. Драка между «дорогими союзниками»

Громилы отчитывают своих коллег

ПЕТЕРБУРГ, 10 июля. «Земщина». «...Весьма близкий к английскому радикальному правительству орган печати «Дейли хроникл» позволил себе заподозрить в сараевском убийстве не более и не менее, как... Россию! На такое чудовищное подозрение способны только люди, привыкшие пользоваться убийством, как дозволенным средством для достижения своих политических целей. И если дело пошло на подозрения, то скорее мы могли бы спросить английское правительство... кто руководит в Персии убийствами наших консулов и резней солдат?

Россия действует всегда открыто и действует так потому, что достаточно сильна, чтобы вступать с кем угодно в открытый бой. Убийство же исподтишка свойственно народам, захватывающим жар чужими руками и ведущим свою политику при помощи подкупов...

Но это между прочим. Никто, конечно, не допустит и мысли, чтобы великая Россия могла прибегать к таким средствам. Редакция «Дейли хроникл» несомненно и сама это понимает. Если же она решилась пустить в ход такую клевету, то одна такая подлость доказывает, насколько английский радикализм близок к жидовству и как всем им желательно пристегивать сюда Россию, очернить все славянство».

БРЯЦАНИЕ ОРУЖИЕМ ВСЕ СЛЫШНЕЕ

1. «Вмешательство России приведет к мировой войне»

Германия предупреждает

ПЕТЕРБУРГ, 11 июля. «Речь». «Из официальных источников сообщают, что Германия решила поддержать при всех условиях требования, которые пред'явит Австрия к Сербии, и самым категорическим образом настаивать на том, чтобы все требования без остатка были самым точным образом выполнены.

Если бы Россия и Франция попытались побудить Сербию к сопротивлению, или если бы Сербия попыталась какими-нибудь отговорками уклониться от выполнения требований Австрии или обмануть австро-венгерское правительство, или если бы Россия поддержала Сербию морально или даже бряцанием оружия, то Германия даже под угрозой войны с Россией самым решительным образом будет отстаивать требования Австрии.

Германия ни в коем случае не допустит каких бы то ни было сомнений относительно точного выполнения ею своих союзных обязанностей, так как Германия считает, что в случае конфликта между Австрией и Сербией единственное средство избежать мировой войны — это воспрепятствовать русско-французскому вмешательству».

Зондируют почву в Италии

Германский мининдел — германскому послу в Риме.

БЕРЛИН, 11 ИЮЛЯ

«...Мы предоставили австро-венгерскому правительству предпринять шаги, которые оно найдет нужным, и обещали в случае необходимости свою поддержку в качестве союзников...

Сейчас я бы не рекомендовал информировать маркиза Сан-Джулиано (итальянский мининдел.— Ред.) ввиду его склонности

к Сербии, но я прошу обратить его внимание на необузданный язык сербской прессы и заметить, что вряд ли Австро-Венгрия сможет спокойно отнестись к подобным провокациям. Ягов».

(«Г. Д.»)

Эшелоны направляются к границам

Царский поверенный в делах в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 11 ИЮЛЯ

«...По словам сербского поверенного в делах, им получены из заслуживающего доверия источника сведения, будто австрийские гарнизоны вдоль сербской и русской границы, по возможности незаметно, получают усиления. Броневский».

(«М. О.»)

2. Петербург страшится революции...

...Но «заступится» за Сербию

Германский поверенный в делах в Бухаресте — рейхсканцлеру.

БУХАРЕСТ, 11 ИЮЛЯ

Совершенно секретно.

«...Его величество (румынский король.— Ред.) далее заявил, что хотя положение серьезное, но все же не безнадежное.

В Вене, по всей видимости, потеряли голову. Было бы хорошо повлиять из Берлина на Бальплатц (австро-венгерское министерство иностранных дел.—Ред.), чтобы рассеять царящее там малодушие...

По словам короля, Сазонов ему сказал, что Россия и не думает о войне, так как она слишком опасается внутренних беспорядков, тем не менее она не сможет допустить нападения Австрии на Сербию. В случае подобного нападения — продолжал король,— Румыния ничем не будет связана. Вальдбург».

(«Г. Д.»)

12 ИЮЛЯ 1914 Г.

КТО КОГО... ПЕРЕХИТРИТ?

1. Двойная игра в Берлине

Инструкции в Вену: момент благоприятен—действуйте!

Австро-венгерский посол в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 12 ИЮЛЯ

«Как император Вильгельм, так и все прочие здешние компетентные факторы не только полны решимости поддержать монархию в качестве ее верных союзников, но даже решительно подстрекают нас не упустить теперешний момент выступить самым энергичным образом против Сербии и раз навсегда ликвидировать находящееся там гнездо революционных заговорщиков, предоставляя нам полную свободу в выборе средств...

С другой стороны, я считаю, что если руководящие германские круги и не в малой мере сам император Вильгельм нас буквально толкают к тому, чтобы предпринять даже военные действия против Сербии, то это нуждается в известном об'яснении...

По мнению Германии,— и это мнение я вполне разделяю,— необходимо выбрать теперешний момент, исходя из общих политических соображений и специально из моментов, вытекающих из сараевского убийства. В последнее время Германия еще больше укрепилась в мнении, что Россия готовится к войне против своих западных соседей и рассматривает эту войну уже не как известную возможность, а определенно считается с ней в своих политических расчетах на будущее. Но именно на будущее. И в настоящий момент она (Россия.—Ред.) не собирается воевать, или, вернее, она еще не подготовлена...

Далее германское правительство считает, что имеются верные признаки того, что Англия не приняла бы сейчас участия в войне, возникшей ради какой-либо балканской страны, даже если

бы дошло до войны с Россией и даже, может быть, с Францией...

Таким образом, в общем политическая кон'юнктура является для нас в настоящее время максимально благоприятной. Сегени».

(«Д. А.-в. К.»)

Инструкции в Лондон: удержать Англию!

Германский мининдел — германскому послу в Лондоне.

БЕРЛИН, 12 ИЮЛЯ

«Возможно, что Австрия... решится принять более серьезные меры против Сербии, которые вызовут общие осложнения. Мы желаем во всяком случае локализировать конфликт. Для этого необходимо, чтобы общественное мнение Европы дало возможность соответствующим правительствам следить за урегулированием разногласий между Австрией и Сербией, не принимая в нем участия... Прошу в этом смысле всемерно воздействовать на английскую прессу, тщательно избегая при этом всего того, что может создать впечатление, будто мы подстрекаем австрийцев к войне. Ягов».

(«Г. Д.»)

2. Вена в маске «миролюбия»

Берхтольд выжидает от'езда Пуанкаре

«12 июля я беседовал с графом Берхтольдом. Он заявил, что... французский президент Пуанкаре находится с визитом у царя и он (граф Берхтольд) хотел бы подождать от'езда Пуанкаре и отложить на 23 июля пред'явление ультиматума Сербии. Срок ультиматума истечет 25 июля, а 28 июля был бы уже первым днем мобилизации.

Я ответил, что если военная канцелярия разрешит, то я бы уехал (в «отпуск».— Ред.) 14 июля до 22-го; точно так же поступил бы и военный министр. Если сербы двинут войска на север, то ультиматум пришлось бы, по моему мнению, сейчас же пред'явить, так как для нас было бы большим преимуществом, если бы мы успели перейти через реки прежде, чем сербы успеют принять контрмеры.

Граф Берхтольд ответил, что ему необходимо выждать это время для того, чтобы закончилось расследование покушения, был убран урожай и проведены дипломатические переговоры».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918)

Дипломаты в генеральских погонах

Письмо начальника австро-венгерского генерального штаба—министру иностранных дел.

12 ИЮЛЯ

«Ссылаясь на мнение, высказанное мною на недавнем совещании, происходившем под председательством вашего превосходительства, я позволяю себе передать следующее в письменной форме.

Для меня, как начальника генерального штаба, имеет значение лишь точная формулировка решения о том, следует ли непосредственно работать в целях развязывания войны с Сербией, или же речь идет лишь о возможности войны...

В этом смысле следовало бы избегать всего того, что могло бы преждевременно встревожить противника и побудить его принять контрмеры; нужно, напротив, во всех отношениях показывать для виду, что мы миролюбиво настроены.

Но если имеется твердое решение выступить, то это выступление должно, по военным соображениям, выразиться в едином акте пред'явления краткосрочного ультиматума, за которым, в случае его отклонения, должен немедленно последовать приказ о мобилизации. Конрад».

(ФЕЛЬДМАРШАЛ КОНРАД «ГОДЫ МОЕЙ СЛУЖБЫ». 1906—1918)

12 июля 1914 г. Неожиданно наступает затишье. Печать в Вене, Лондоне, Берлине, Петербурге проявляет сдержанность. Из Берлина в Лондон даются инструкции — воздействовать на печать и общественное мнение Англии миролюбивыми заявлениями и уверениями в том, что в Вене отнюдь не думают о войне. Одновременно другие инструкции даются, через австро-венгерского посла в Берлине Сегени, австро-венгерскому правительству — действовать! В Берлине полагали, что царская Россия еще не готова, а Англию, быть может, удастся временно удержать до тех пор, пока Тройственный союз не успеет нанести сокрушающие удары союзникам Англии по Антанте.

Берхтольд, тогдашний австро-венгерский министр иностранных дел, не зря выжидает от'езда Пуанкаре из Петербурга: пред'явление ультиматума в момент пребывания Пуанкаре в Петербурге следует избежать, так как в противном случае французский президент и русский царь сумеют на месте договориться о контрмерах. Надо выждать до 23 июля, отослать военного министра и начальника генштаба в отпуск и создать мирную идиллию, которая позволила бы скрыть подготовляемый удар. Кто кого... перехитрит?

А Антанта? Она тоже не сидит сложа руки. В Лондоне охотно выслушивают миролюбивые заверения германского посла. Грей преждевременно не хочет раскрывать карты. В нужный момент он это сделает, а пока — пусть Тройственный союз влезает в драку: тем легче будет впоследствии перебросить на него ответственность за войну.

Один день,—но как ярко раскрывается сущность империалистической дипломатии! — Ред.

УЛЬТИМАТУМ В ОСНОВНОМ ГОТОВ

1. «Сможет привести к мировой войне»

Три пункта — одна цель

«...13 июля канцлер получил сведения о важнейших пунктах предложенного ультиматума... Относящееся сюда место адресованного мне сообщения гласит следующее:

«Наш посол в Вене фон-Чиршский узнал частным образом, а также и от самого графа Берхтольда, что нота, отправляемая Австрией Сербии, поставит следующие требования:

1. Обращение короля Петра к своему народу, в котором народ призывается воздержаться от великосербской пропаганды.

2. Участие одного из высших австрийских чиновников в расследовании покушения.

3. Отставка и наказание всех офицеров и чиновников, коих участие в покушении будет доказано...»

Когда я получил вышеупомянутое сообщение в Тараспе, первое мое впечатление было таково, что подобный ультиматум для Сербии окажется неприемлемым и легко сможет привести к мировой войне. Я не верил, — имея в виду Россию, — в возможность «локализовать» вооруженное выступление Австрии против Сербии, равно как и в нейтралитет Англии в случае континентальной войны».

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АДМИРАЛА ТИРПИЦА)

«Действовать скорее...»

Германский посол в Вене — рейхсканцлеру.

ВЕНА, 13 ИЮЛЯ

«...Министр теперь сам убежден в том, что рекомендуется ДЕЙСТВОВАТЬ СКОРЕЕ (дважды подчеркнуто Вильгельмом.— Ред.).

Он надеется завтра окончательно сговориться с Тиссой о формулировании предназначенной для Сербии ноты, а затем представить ее императору в Ишль с тем, чтобы еще до от'езда Пуанкаре в Петербург она могла бы быть немедленно передана в Белград. Чиршский».

(«Г. Д.»)

Печать на службе генштаба

Германский посол в Вене—министерству иностранных дел.

ВЕНА, 13 ИЮЛЯ

«...Местная пресса, повидимому, проводит инспирированную министерством иностранных дел тенденцию—не беспокоить преждевременно общественное мнение.

Одновременно подробно воспроизводят статьи сербских газет и стараются их широко распространить, указывая на то, что благодаря своим интригам, дошедшим до апогея в покушении на наследника, Сербия потеряла всякое доверие в Европе.

Так например венская «Зон унд монтагсцейтунг» пишет сегодня, что Европа, к счастью, знает, как отнестись к сознательно искаженным сообщениям, которые стараются сейчас распространять из Белграда по всему миру. В особенности в Англии не поверят, будто сербские подданные, живущие в южных областях монархии, подвергаются угнетению. По мнению газеты, сами сербы не считают себя правыми. Фон-Чиршский».

(«Г. Д.»)

2. Пуанкаре едет — охранка принимает меры

Массовые аресты в Петербурге

ВЕНА, 13 июля. «Нейе фрейе прессе». «...В Петербурге были произведены 10 сего месяца массовые аресты.

Политическая полиция обосновывает эти аресты полученным ею сообщением, что рабочие организации хотят провести в день приезда Пуанкаре в Петербург демонстрацию протеста против президента Французской республики».

Панихида — праздник

Германский посол в Петербурге — рейхсканцлеру.

ПЕТЕРБУРГ, 13 ИЮЛЯ

«В панихиде (по убитому Францу-Фердинанду.—Ред.), устроенной местным австро-венгерским посольством, приняли участие многочисленные представители официальных кругов.

Из великих князей явился великий князь Николай Николаевич, представлявший царя, и великий князь Борис Владимирович. Были почти все министры и множество представителей военных кругов, близких к царю.

Помимо этого внешнего участия, нельзя сказать, чтобы было

заметно искреннее отношение к трауру австрийского императорского дома. Не только в печати, но и в обществе можно слышать почти исключительно недружелюбные отзывы об убитом эрцгерцоге с заявлениями, что Россия потеряла в нем от'явленного врага...

Даже господин Сазонов, когда я с ним в первый раз говорил о покушении, осудил в кратких словах преступление, но зато не мог достаточно наговориться, критикуя поведение австро-венгерских властей, которые якобы допустили антисербские эксцессы... По его убеждению, власти сознательно дали полную возможность народу излить свой гнев... Господин Сазонов остался при том, что дело идет о поступке отдельных незрелых, молодых людей, связь которых с широким политическим заговором отнюдь не доказана (пометка Вильгельма: «Он говорит то же самое, что и Пашич»). Ф. Пурталес».

(«Г. Д.»)

ЗАГОВОР РАЗРАБОТАН ВО ВСЕХ ДЕТАЛЯХ

1. Ждут от'езда Пуанкаре из Петербурга

«Вину свалить на Сербию»

Германский посол в Вене — рейхсканцлеру.

(В скобках помещены пометки Вильгельма. — Ред.).

ВЕНА, 14 ИЮЛЯ

«Граф Тисса (венгерский председатель совета министров.— Ред.) посетил меня сегодня... Граф сказал мне, что он до последнего времени был неизменно одним из тех, кто постоянно напоминал об осторожности; но каждый день укреплял его все более в сознании необходимости для монархии придти к энергичному решению вопроса (БЕЗУСЛОВНО!—В.). Этим Австрия докажет свою жизнеспособность и окончательно устранит невозможное положение на Юго-Востоке. «Я с большим трудом решился,— сказал министр,—рекомендовать войну, но сейчас твердо убежден в необходимости последней и всеми силами буду отстаивать величие монархии!»

К счастью, сейчас среди влиятельных лиц здесь царит полное согласие и решительность... Его величество император Франц-Иосиф очень спокойно судит о положении и, несомненно, будет твердо держаться до последнего конца. Граф Тисса прибавил, что непоколебимая позиция Германии по отношению к монархии, несомненно, имела большое влияние на твердое поведение императора...

Относительно времени передачи ноты Сербии сегодня решили лучше подождать до от'езда Пуанкаре из Петербурга, т. е. до 25 (Какая досада!—В.)... НОТА БУДЕТ ТАК СРЕДАКТИРОВАНА, ЧТО СЕРБИЯ ПОЧТИ НАВЕРНЯКА НЕ МОЖЕТ ЕЕ ПРИНЯТЬ (дважды подчеркнуто Вильгельмом.—Ред.). Важно потребовать дел, а не заверений и обещаний. При составлении ноты, по его мнению, надо будет обратить внимание на то, чтобы она была понятна для широкой публики, особенно в Англии, и чтобы вина была ясно и определенно взвалена на Сер-

бию... В заключение Тисса горячо пожал мне руку и сказал: «Теперь мы будем сообща и спокойно и твердо смотреть в глаза будущему». (Наконец-то имеешь дело с мужчиной.—В.). Чиршский».

(«Г. Д.»)

Слежка налажена

Австро-венгерский мининдел — поверенному в делах в Петербурге.

ВЕНА, 14 ИЮЛЯ

«Прошу ваше превосходительство срочно сообщить мне день приезда и от'езда г. Пуанкаре, а также главнейшие устраиваемые в его честь празднества за время пребывания его в С.-Петербурге. Берхтольд».

(«М. О.»)

Если бы сербы были индейцами...

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

Секретно.

ЛОНДОН, 14 ИЮЛЯ

«... Трудно будет заклеймить весь сербский народ, как нацию злодеев и убийц, и таким образом лишить его, как этого хотел бы «Локаль анцейгер», симпатий цивилизованной Европы; еще труднее поставить сербов, как это сделало официальное лицо в беседе с венским представителем «Дейли телеграф», на один уровень с арабами в Египте и Марокко или индейцами в Мексике.

Скорее надо думать, что здесь сейчас же отнесутся с живейшей симпатией к сербам, если Австрия прибегнет к силе, и будут рассматривать убийство наследника, которого здесь недолюбливали за его клерикальные наклонности, как предлог, использованный для того, чтобы повредить неудобному соседу. Лихновский».

(«Г. Д.»)

2. В поисках сообщников

Италия меняет фронт

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

РИМ, 14 ИЮЛЯ

«...Маркиз Сан-Джулиано (министр иностранных дел Италии.— Ред.) мне заявил, ...что Италия не сможет поддержать австрий-

ский протест, не вступив в противоречие с глубоким убеждением итальянского народа и либеральными принципами...

Повидимому, министр хочет нас подготовить к тому, что, в случае дальнейших осложнений, Италия не сможет оставаться на стороне Австрии. Австрийское правительство должно будет учесть этот момент.

Согласно инструкциям, я еще не сообщил маркизу Сан-Джулиано о переговорах между Веной и Берлином. Флотов».

(«Г. Д.»)

Болгарский царь в панике

Царь болгарский Фердинанд,— посланнику в Петербурге.

СОФИЯ, 14 ИЮЛЯ

«Русский посланник здесь продолжает свои подлые операции против моей личности... с явной целью создать в скором времени повторение сараевского дела».

(«М. О.»)

Кабальный заем

Царский посланник в Софии — министру иностранных дел.

СОФИЯ, 14 ИЮЛЯ

«...Проект займа роздан вчера членам Собрания; завтра начнутся прения. Условия более тяжелые, чем ожидали; они свидетельствуют о твердом решении немцев прочно наложить на Болгарию железную руку.

Между прочим: постройка линии Хасково—Лагос, оборудование порта Лагоса, крайняя разорительная для Болгарии эксплоатация в течение 50 лет угольных мин, обязательство делать заказы для построек в Германии и Австрии, с каковой целью 150 миллионов иммобилизуются и никогда в страну не поступят. Обязательство не обращаться на другие рынки до 1917 г. Говорят, что в числе секретных условий — угольная станция для Германии в порте Лагоса. Савинский».

(«М. О.»)

«Повлиять на печать»

Германский мининдел — германскому послу в Риме и поверенному в делах в Бухаресте.

Секретно.

БЕРЛИН, 14 ИЮЛЯ

«..Если результаты расследования сараевского убийства заставят Австро-Венгрию принять более серьезные меры против Сер-

бии, то мы, как и вся остальная Европа, были бы живейшим образом заинтересованы в том, чтобы локализовать могущий возникнуть при этом конфликт. Это зависит от того, даст ли общественное мнение во всей Европе возможность соответствующим правительствам пассивно следить за разрешением разногласий между Австрией и Сербией.

Для этого нужно, чтобы и в вашей печати царило мнение, что в этом конфликте дело идет о вопросе, затрагивающем лишь обе заинтересованные стороны... Прошу в этом смысле всемерно повлиять на местную печать, тщательно избегая при этом всего того, что могло бы создать впечатление, будто мы подстрекаем Австрию к войне. Ягов».

(«Г. Д.»)

15 ИЮЛЯ 1914 г.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ ПЕРЕДЕЛА ЕВРОПЫ

1. Торгуют чужими землями и народами

Жирная приманка для Италии

Германский мининдел—германскому послу в Вене.

БЕРЛИН, 15 ИЮЛЯ

«...Если Италия выступит в защиту Сербии, то это без сомнения значительно усилит желание русских действовать... Развал монархии позволил бы также Италии надеяться на завоевание некоторых земель, о которых она давно мечтает.

Я считаю поэтому чрезвычайно важным, чтобы Вена начала переговоры с римским кабинетом.

Сообщаю строго секретным образом, что Италия будет рассматривать как полноценную компенсацию для себя лишь завоевание Тренто. Этот кусок настолько жирен, что он заткнул бы глотку даже самым австрофобским элементам.

Во всяком случае позиция Италии будет иметь значение для той позиции, которую займет Россия в сербском конфликте. Если этот конфликт вызовет общий взрыв, то это будет и для нас иметь огромнейшее военное значение. Фон-Ягов».

(«Г. Д.»)

Сколько — на подкуп газет?

Германский мининдел — германскому послу в Риме.

Секретно.

БЕРЛИН, 15 ИЮЛЯ

«Прошу сообщить по телеграфу, нужны ли вашему превосходительству деньги и какая именно сумма для оказания воздействия на итальянскую печать. Ягов».

(«Г. Д.»)

Румыния прицениватся

ПЕТЕРБУРГ, 15 июля. «...Вы находите более всего вероятным, — говорил мне румынский политик, — что Румыния предпочтет, в случае европейской войны, сохранить нейтралитет в расчете, смотря по ее результатам, получить либо Семиградье с Южной Буковиной, либо Бессарабию.

Допускаю, что в настоящее время вы найдете у нас много сторонников нейтралитета или выжидательной политики под ружьем, с расчетом особенно на Семиградье и Буковину.

Вопрос в том, будет ли действительно выгодна такая политика.

Если победит Тройственный союз, он едва ли вознаградит нас Бессарабией за наш нейтралитет, который будет сочтен за измену. Если притом Болгария будет воевать на стороне Тройственного союза, то весьма вероятно, что последний накажет нас в пользу Болгарии в Добрудже.

В случае же победы другой европейской группы мы получим Семиградье лишь в том случае, когда победители не будут знать, что с ним иначе делать, т. е. лишь в том случае, если, разделяя Австро-Венгрию, они найдут необходимым обессилить Венгрию, отняв у нее кроме славянских, еще и румынские земли».

(КОРР. «НОВОГО ВРЕМЕНИ»).

2. Вмешается ли Англия?

Ягов запрашивает Лондон

Германский миниидел — германскому послу в Лондоне.

Секретно.

БЕРЛИН, 15 ИЮЛЯ

«...Дело идет сейчас о высокополитическом вопросе, может быть, о последней возможности нанести великосербскому движению смертельный удар при сравнительно благоприятных условиях. Если Австрия упустит этот случай, она потеряет всякий престиж и станет в нашей группе еще более слабым фактором...

Мы жизненно заинтересованы в том, чтобы австрийский союзник сохранил свою мировую позицию. Вашей светлости известно, какое значение будет иметь для нас при возможных дальнейших результатах конфликта позиция Англии. Ягов».

(«Г. Д.»)

Грей увиливает от ответа

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

Секретно.

ЛОНДОН, 15 ИЮЛЯ

«Сэр Эдуард Грей заявил, что все зависит от того, какого характера будет вмешательство, и что ни в коем случае не должна идти речь об уменьшении сербской территории. Как я уже сообщал, он старался в Петербурге поддержать австрийские требования. Если, однако, в России в результате военных мероприятий Австрии начнется мощное движение недовольства, то он, по его словам, не сможет сохранить контроль над русской политикой и должен будет, учитывая недовольство, которое, как сообщает граф Пурталес (германский посол в Петербурге.—Ред.), царит в России против Англии, считаться с русскими чувствами. Лихновский».

(«Г. Д.»)

Что Россия будет воевать ради «спасения» православных сербов, — об этом в точности знали в Берлине и Вене. Там также знали, что Россия будет воевать только в том случае, если ее поддержит Англия.

Германские дипломаты также знали, что Италия допустит свою «союзницу» Австрию совершить разбойный набег на Сербию только в том случае, если ей будет предложено приличное вознаграждение.

Прямым кощунством должно было показаться австро-венгерским мелкотравчатым империалистам предложение союзной Германии «заткнуть рот» Италии жирным куском австрийской территории.

Германские империалисты, втравливая в войну Австро-Венгрию, знали, на что они идут и чего добиваются. Они знали лучше венских дипломатов, что речь идет не о Сербии, а о переделе мира, об установлении господства германского империализма. Ради этого, а не ради Сербии, собрался в поход германский хищник. Этим об'ясняется та странная изворотливость, которую проявляет германская дипломатия в то время, когда австрийские дипломаты были совершенно удовлетворены тем, что добились поддержки Германии против Сербии и России, и не подозревали, что там, где для них кончается сербский инцидент, для Германии лишь начинается борьба за мировую гегемонию.

Именно поэтому германская дипломатия работает на всех парах как раз тогда, когда в Вене считали, что все сделано, и министрам можно уехать в отпуск для успокоения общественного мнения.

Италии Германия надеялась заткнуть рот австрийским Трентино. Итальянскую печать Берлин предложил просто «купить». Хуже обстояло дело с Англией. Ей нельзя было «заткнуть рот», как Италии, куском соседней территории. Лондонские аппетиты побольше.

В англо-германской игре одураченными оказались германские дипломаты. Английские министры отмалчивались или говорили очень невнятно и неопределенно тогда, когда Берлину хотелось слышать определенные заверения. Английский империализм заговорил твердо и определенно тогда, когда Германия уже зашла слишком далеко и для нее не было возврата. — Ред.

ПРОТИВНИКИ МАНЕВРИРУЮТ

1. «Удержать Россию от вмешательства»

Призрачные надежды

Германский рейхсканцлер — министру по делам Эльзас-Лотарингии.

ГОГЕНФИНОВ, 16 ИЮЛЯ

«...Дорогой граф Редерн!

Вы наверно из газет уже видели, что положение в Европе сейчас не свободно от опасностей. В случае австро-сербского конфликта необходимо его в первую очередь изолировать. Мы имеем все основания предполагать, и должны желать этого, что Франция, обремененная сейчас рядом забот, сделает все возможное для того, чтобы удержать Россию от вмешательства. Эта задача будет значительно облегчена для правящих кругов в Париже, если французские националисты не получат в ближайшие недели никаких поводов для своей агитации. Я поэтому распорядился в Берлине, чтобы в ближайшие недели была по возможности приостановлена полемика в печати против Франции, и просил бы вас сделать то же самое в Страсбурге... Если нам удастся не только удержать Францию, но и заставить ее хлопотать в Петербурге о сохранении мира, то это окажет выгодное для нас воздействие на франко-русский союз. Ф о н - Б е т м а н - Г о л ь в е г». («Г. Д.»)

Ягову и хочется и колется...

Австро-венгерский посол в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 16 ИЮЛЯ

«Статс-секретарь (Ягов. — Р е д.) вполне понимает, что с предполагаемым в Белграде австрийским демаршем (т. е. вручением ультиматума. — Р е д.) необходимо ждать до от'езда президента Французской республики из Петербурга, но при этом вы-

сказывает свое крайнее сожаление по поводу этой отсрочки. Господин фон-Ягов боится, что в результате этой отсрочки ослабеет сочувственное отношение и интерес, проявляемый к этому демаршу и в Германии. Сегени».

(«Д. А.-в. К.»)

Тисса скрывает решение воевать, но...

Царский посол в Вене — министру иностранных дел.

ВЕНА, 16 ИЮЛЯ

«Отношения наши к Сербии, — сказал граф Тисса (в венгерском парламенте. — Ред.)... по поводу убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда, — подлежат во всяком случае выяснению, но каким образом, в каком направлении и в каком об'еме... об этом я не могу высказаться по причине самого существа дела, зависящего от еще неразрешенного вопроса. Шебеко».

(«М. О.»)

...печать призывает: «в поход!»

«ВЕНА, 15 июля. Венские и будапештские газеты, рисуя отношения Австро-Венгрии и Сербии в крайне мрачных красках, говорят о предстоящем выступлении Сербии.

«Милитерише рундшау» нападает на Россию за то, что она защищает Сербию в стремлении уничтожить все факторы, которые могли бы стоять на пути русско-балканской политики, — в особенности в вопросе о Дарданеллах. Газета заявляет, что война с сербским «народом убийц» является железной необходимостью, и обращается с призывом к правительству в статье под заголовком «В поход!»

Венгерские газеты «Пести напло», «Виллаг» требуют полного выяснения положения и считают войну с Сербией неизбежной.

«Будапешт» утверждает, что натянутые отношения ведут к ухудшению экономического положения, которое по своей разорительности почти равняется войне» («Русское слово» от 16 июля).

Приказ выполнен — печать подкуплена

Германский посол в Риме — министерству иностранных дел.

ФУИДЖИ, 16 ИЮЛЯ

«...Я уже установил контакт с печатью, поскольку это возможно в рамках, установленных для посольства. Оставляю за собой право потребовать позже денег, если они понадобятся.

Сейчас, ввиду летнего раз'езда всех доверенных лиц и посредников, труднее пустить в ход деньги. Флотов».

(«Г. Д.»)

2. «Твердый тон» в Петербурге

Италия разведывает—царская Россия угрожает

Поденная запись царского министерства иностранных дел

ПЕТЕРБУРГ, 16 ИЮЛЯ

«На вечере у графини Клейнмихель итальянский посол спросил барона Шиллинга (начальник канцелярии министерства иностранных дел. — Ред.), как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии. Шиллинг, не колеблясь, ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целость и независимость Сербии. Маркиз Карлотти (итальянский посол. — Ред.) заметил, что если действительно таково твердое решение России, было бы полезно об этом недвусмысленно заявить в Вене, так как, по его впечатлению, Австрия способна сделать в отношении Сербии непоправимый шаг в расчете на то, что Россия, хотя и будет возражать на словах, все же не решится силою оградить Сербию от посягательств Австро-Венгрии. Между тем, если бы в Вене отдали себе отчет в неизбежности столкновения с Россией, там, по всем вероятиям, призадумались бы над последствиями слишком решительной противосербской политики.

Барон Шиллинг сказал послу, что может самым решительным образом подтвердить ему только что им сказанное о твердом намерении России не допустить ослабления или унижения Сербии, а потому, если настроение в Вене действительно таково, каким посол его только что описал, то барону Шиллингу кажется, что было бы долгом прежде всего союзниц Австро-Венгрии предупредить ее об опасности, к которой ведет ее политика, ввиду несомненной решимости России встать на защиту Сербии.

Посол обещал телеграфировать в этом смысле в Рим и попросить итальянское правительство обратить на вышесказанное внимание венского кабинета, но заметил, что, по его мнению, в Вене произвело бы большее впечатление подобное заявление со стороны самой России, нежели со стороны союзной Италии».

(«М. О.»)

«Таймс» хочет казаться «беспристрастным»

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

ЛОНДОН, 16 ИЮЛЯ

«...«Таймс» напечатал сегодня передовую об Австрии и Сербии, резко осуждая вызывающий тон сербской прессы, оттолк-

нувшей симпатии, с которыми вся просвещенная Европа относилась к делу Сербии. Газета ожидает всемерного содействия сербского правительства в деле выяснения преступления и гарантий против дальнейшей поддержки революционного движения.

Одновременно газета предостерегает австрийцев против проведения политики, на которой настаивают военные... и в результате которой можно все потерять, но ничего нельзя выиграть...

Я повторяю свои заявления, что в случае военных мероприятий против Сербии все общественное мнение (Англии. — Ред.) выступит против Австро-Венгрии. Лихновский».

(«Г. Д.»)

УЛЬТИМАТУМ БУДЕТ ВРУЧЕН 23 ИЮЛЯ

1. Вена приступает к действиям

...Как только Пуанкаре покинет Петербург

Германское посольство в Вене — рейхсканцлеру.

ВЕНА, 17 ИЮЛЯ

Секретно.

«...Как мне сообщил граф Берхтольд (австрийскийининдел. — Ред.), нота, содержащая требования к Сербии, будет передана в Белграде во вторник 23 сего месяца.

Желая по возможности ускорить это дело, перенесли, по его словам, дату на несколько дней раньше, так, чтобы она совпала с от'ездом г-на Пуанкаре из Петербурга. Полагают, что президент уже будет находиться в пути, когда в Петербурге узнают о белградском демарше...

Граф Берхтольд выразил надежду, что Сербия не примет требований Австро-Венгрии... Штольберт».

(«Г. Д.»)

6 корпусов против Сербии—остальные против России

Квартирмейстер германского генерального штаба — министру иностранных дел.

ИВЕНАК, 17 ИЮЛЯ

Совершенно секретно.

«Дорогой Ягов!

...Так как генерал Конрад был в от'езде, то Кагенек передал мои вопросы его заместителю генералу Геферу, которого я знаю, как умного человека. По его мнению, имеется намерение бросить против Сербии 6 армейских корпусов, а в Галиции пока ничего не предпринимать. Если Россия вмешается, то Сербию оставят, и все будет брошено на главного противника. Это разумно...

Генерал Мольтке собирается 25 сего месяца вернуться в Берлин. Я нахожусь здесь в состоянии полной готовности. У нас в генеральном штабе все готово, и с нашей стороны пока ничего не нужно предпринимать. Вальдерзее».

(«Г. Д.»)

Англия предупреждена

Английский посол в Вене Бунзен — помощнику статс-секретаря по иностранным делам Артуру Никольсону.

ВЕНА, 17 ИЮЛЯ

«Речь графа Тиссы (премьер Венгрии. — Ред.) звучит, как мне кажется, не особенно успокоительно. Он заявил: «Необходимо выяснить наши отношения с Сербией, и, может быть, нам этого удастся добиться без войны».

Мне не верится, что Австрия прибегнет к крайним средствам, но, во всяком случае, нас ожидает, по моему мнению, время, полное забот. Я убежден в том, что Чиршский (германский посол в Вене. — Ред.) ничего не делает для того, чтобы удержать Австрию. Он мне недавно признался, что не верит в возможность лучших отношений между Австрией и Сербией, и германский военный атташе не скрывает свое мнение, что настал час для наказания, заслуженного Сербией. Это мне сообщил Шебеко (царский посол в Вене. — Ред.), который одновременно заметил, что Россия в этом случае окажется неизбежно втянутой... Морис де-Бунзен».

(«Б. Д.»)

Болгария куплена

Царский посланник в Софии — министру иностранных дел

СОФИЯ, 17 ИЮЛЯ

«Все поведение короля (болгарского. — Ред.) и правительства в вопросе займа, с одной стороны, и необычная настойчивость как австрийского и германского правительств, так и соответственных банкиров — с другой, заставляют предполагать, что за займом скрывается политическое соглашение. Вчерашние слова Добровича, что Болгария не отдается Австрии со связанными руками и ногами, твердо указывают на это. При таких условиях, казалось бы, нам не приходится облегчать положение и — возвращаюсь к высказанной уже ранее мысли — вынуть часть наших ценностей из берлинских банков и тем затруднить получение Болгарией аванса и займа. Савинский».

(«М. О.»)

2. А социал-демократия?

Всеобщая стачка... условно!

«ПАРИЖ, 17 июля. На конгрессе об'единенных социалистов обсуждался принципиальный вопрос, как должен реагировать пролетариат в случае об'явления войны. Предложены были две резолюции. Первая была внесена Вальяном и Кейр-Гарди и вторая — Жоресом. Первая резолюция, как средство борьбы, предлагает всеобщую забастовку, особенно в отраслях промышленности, «обслуживающих войну», в производстве оружия, передвижения войск и т. д. Эта резолюция вызвала страстные и бурные прения. Допустимо ли, — говорили противники резолюции, — чтобы та страна, в которой пролетариат наиболее организован, отказалась от права самообороны и от своей культуры? Жорес предложил примирительную формулу: всеобщая забастовка должна быть об'явлена одновременно в обоих государствах, об'явивших войну. Если же, например, германский пролетариат отказался бы от об'явления забастовки, то забастовка была бы необязательна и для французских рабочих. Резолюция Жореса принята огромным большинством голосов» («Русское слово»).

МЕЖДУ ВЕНОЙ И БЕРЛИНОМ ВСЕ СОГЛАСОВАНО

1. 48 часов на ответ — затем мобилизация

Держать связь с «Гогенцоллерном»

Министр иностранных дел — представителю министерства при императоре Вильгельме.

БЕРЛИН, 18 ИЮЛЯ

Частным образом, секретно.

«Прошу точно указать маршрут корабля «Гогенцоллерн» 23 июля. Как известно, в этот день должен состояться в Белграде австрийский демарш, — дело, по всей видимости, идет о сорокавосьмичасовом ультиматуме, — и от развития событий зависит, понадобится ли присутствие его величества, и если да, то когда именно...

Так как мы хотели бы локализовать возможный конфликт между Австрией и Сербией, то мы не должны пугать мир преждевременным возвращением (из «увеселительной прогулки». — Ред.) его величества; с другой стороны, нужно будет иметь возможность сноситься с его величеством, если нам самим не придется, в результате непредвиденных событий, принять важные решения (мобилизация). Ягов».

(«Г. Д.»)

«Сделать разрыв неизбежным»...

Советник германского посольства в Вене— министру иностранных дел.

ВЕНА, 18 ИЮЛЯ

Частное письмо

«Берхтольд (австрийский министр иностранных дел.—Ред.) надеется, что Сербия не примет австрийских требований, о которых он не говорил подробно, однако, он не совсем уверен, и из его слов... можно сделать вывод, что не исключена возможность

принятия требований Сербией... Почему не выдвинуть такие требования, которые должны неизбежно привести к разрыву?..

Я также спросил Берхтольда, намеревается ли он перед выступлением против Сербии установить контакт с Италией, на что он ответил, что... намеревается поставить итальянское правительство перед совершившимся фактом, так как он не особенно доверяет способности этого правительства молчать, и при своем сербофильстве оно легко может кое-что выболтать в Белграде...

После этого я категорически указал министру в соответствии с тайным указом от 15 сего месяца, за № 911, что нужно стараться удержать Италию на нашей стороне. Берхтольд проявил большой оптимизм и высказал мнение, что Италия не проявит в качестве союзницы такой гнусности, чтобы выступить против австро-венгерской монархии... Сам он, однако, не говорил о каких-либо компенсациях. Он не ответил также на заявление Гойоша, что итальянцам, во всяком случае, придется что-нибудь дать. В. Штольберг».

(«Г. Д.»)

...Но «не создавать преждевременной паники!»

Германский министр иностранных дел — послу в Вене.

БЕРЛИН, 18 ИЮЛЯ

«Норддейче» опубликует завтра некоторые замечания об австро-сербском споре, тон которых будет отличаться мягкостью, так как нужно учитывать европейскую дипломатию.

Высоко-официозный орган не должен преждевременно создавать тревогу. Прошу озаботиться о том, чтобы это ошибочно не рассматривали как дезавуирование Германией царящего у вас решительного настроения. Ягов».

(«Г. Д.»)

Шовинисты распоясались

«БЕРЛИН, 18 июля. Петербургское сообщение спец. корр. «Матен» о решении русской дипломатии заговорить более энергичным языком с Германией вызвало здесь крайнее раздражение.

Россия против нас вооружается, — кричит «Берлинер тагеблат»,—но мы достаточно сильны, чтобы отнестись равнодушно к русскому хвастовству своими колоссальными вооружениями, а также игнорировать вызывающий тон Петербурга.

Если Франция верит в страшную силу России, то пусть она верит: нам незачем ее разубеждать. 1870 г. дает нам право верить в непобедимость Германии» («Русское слово»).

2. Германия пытается прощупать позицию Англии

Апелляция к «честности» и «логике» Грея

Германский мининдел — германскому послу в Лондоне.

БЕРЛИН, 18 ИЮЛЯ

Частное письмо

«Дорогой Лихновский! Австрия не желает больше терпеть сербскую подрывную деятельность и провокационную позицию, занятую ее (Австрии. — Ред.) небольшим соседом в Белграде. Она видит, что упустила много удобных случаев, что она сейчас еще может действовать, а через несколько лет уже, возможно, не сумеет. Австрия хочет теперь рассчитаться с Сербией и сообщила нам об этом...

Мы должны постараться локализовать конфликт между Австрией и Сербией. Удастся ли это, будет зависеть в первую очередь от России и во вторую очередь от сдерживающего влияния ее собратьев по Антанте. Чем решительнее проявит себя Австрия, чем энергичней мы ее будем поддерживать, тем спокойнее будет себя держать Россия. Некоторый шум, конечно, поднимется в Петербурге, но, в сущности, Россия сейчас не готова к борьбе. Франция и Англия также не желают сейчас войны.

Если не удастся локализовать конфликт и Россия нападет на Австрию, то мы не можем пожертвовать Австрией...

Большое значение будет при этом иметь позиция Англии. Сэр Грей говорит постоянно о равновесии, установленном обеими группами держав. Если он, поэтому, честен и логичен, то он должен нам помочь локализовать конфликт. Ягов».

(«Г. Д.»)

19 ИЮЛЯ 1914 Г.

ВЕНА РЕШАЕТ: ВЫСТУПАТЬ!

1. Ультиматум будет вручен 23 июля, в 5 час. дня

Протокол заседания совета министров по поводу общих вопросов, состоявшегося 19 июля 1914 г. в Вене под председательством министра императорского двора и иностранных дел графа Берхтольда.

«Предмет обсуждения: ПРЕДСТОЯЩАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКЦИЯ ПРОТИВ СЕРБИИ.

Председатель открывает заседание совета министров и предлагает вручить ноту сербскому правительству в четверг, 23 июля, в 5 час. дня, так, чтобы 48-часовой срок истек 25 июля, в 5 часов, и приказ о мобилизации мог бы быть издан в ночь с 25 на 26-е.

По дипломатическим соображениям, он был бы решительно против дальнейшей отсрочки, так как в Берлине уже сейчас нервничают, и сведения о наших намерениях уже проникли в Рим, и, таким образом, он не может ручаться за то, что не произойдут нежелательные инциденты, если дело будут еще дальше откладывать...

Начальник генерального штаба подчеркивает, что он также высказался бы по военным соображениям за возможно немедленное выступление.

После всего этого венгерский министр-президент просит всех присутствующих вынести решение, от которого будет зависеть согласие венгерского правительства на всю акцию. Совет министров должен еще, по его мнению, единогласно заявить, что акция против Сербии не будет связана с какими-либо завоевательными планами монархии и что последняя не намерена аннектировать ни одного куска сербской земли, если не считать исправления границы, которое будет вызвано военной необходимостью. Он настаивал на необходимости вынесения соответствующего единогласного решения.

Председатель ответил, что он может присоединиться к точке зрения венгерского министра-президента лишь с известной оговоркой. Он также того мнения, что в соответствии с теперешним политическим положением мы в случае победы над сер-

бами не должны ничего аннектировать, но заботиться о том, чтобы Болгария, Греция и Албания и, может быть, и Румыния получили побольше сербской земли для того, чтобы Сербия так уменьшилась, чтобы уже не быть больше опасной.

Венгерский министр-президент ответил, что, учитывая лежащую на нем в качестве венгерского премьера ответственность, он должен настаивать на том, чтобы его точка зрения была единогласно одобрена министрами...

По предложению венгерского министра-президента, об'единенный совет министров выносит постановление, согласно которому немедленно после начала войны будет об'явлено иностранным державам, что монархия не ведет завоевательной войны и не собирается аннектировать Сербию. Это решение, конечно, не исключает возможности необходимого стратегического исправления границ, равно как и уменьшения Сербии в интересах других стран и возможного временного занятия сербских областей, которое окажется необходимым.

Председатель после этого констатирует, что достигнута полная договоренность во всех вопросах, после чего он об'являет совещание закрытым».

«Я ПРИНЯЛ К СВЕДЕНИЮ СОДЕРЖАНИЕ ЭТОГО ПРОТОКОЛА. ФРАНЦ-ИОСИФ».

(«Д. А.-в. К.»)

Германия подготовляет демарши в других странах

Германский мининдел — послу в Вене.

БЕРЛИН, 19 ИЮЛЯ

«Немедленно узнайте у графа Берхтольда содержание ноты, которую предполагается послать в Белград, и прочих извещений, как только они будут готовы для доклада императору Францу-Иосифу, для того, чтобы мы смогли своевременно подготовить наши демарши в других странах. Ягов».

(«Г. Д.»)

Печальная весть из Рима: Италия не поддержит

Германский посол в Риме — министерству иностранных дел.

РИМ, 19 ИЮЛЯ

«В министерстве (иностранных дел Италии. — Ред.) высказываются в том тоне, что, пред'явив слишком далеко идущие требования, Австрия окажется неправой и не сможет рассчитывать на поддержку. Флотов».

(«Г. Д.»)

ЛАГЕРЬ ПРОТИВ ЛАГЕРЯ

1. В Вене пишут ультиматум...

Сербия должна капитулировать!

Царский поверенный в делах в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 20 ИЮЛЯ

«Вчера вечером официозная «Норддейче альгемейне цейтунг» поместила следующую заметку: «В статьях европейской прессы касательно существующей натянутости австро-сербских отношений всего более преобладает мнение, что стремление Австрии внести в них известную ясность является справедливым. Мы так же, как многие, надеемся, что своевременной уступчивостью сербского правительства будет устранен серьезный кризис. Во всяком случае, в интересах Европы, солидарность которой сказалась во время балканского кризиса в смысле сохранения мира державами, чтобы всякие пререкания, которые могут возникнуть по настоящему поводу между Австрией и Сербией, остались локализованными». Броневский».

(«М. О.»)

Берлин ждет

Германский посол в Вене — министерству иностранных дел.

ВЕНА, 20 ИЮЛЯ

«...Граф Берхтольд, который хотел поехать в Ишль лишь завтра вечером, выедет туда уже сегодня и передаст на рассмотрение императора ноту, которую сегодня пишут.

Для того, чтобы дать возможность срочно информировать Берлин, он немедленно после аудиенции сообщит по телеграфу в свое министерство, чтобы мне передали ноту для отправки ее завтра вечером в Берлин. Чиршский».

(«Г. Д.»)

Ягов торопит

Германский министр иностранных дел — послу в Вене.

БЕРЛИН, 20 ИЮЛЯ

Секретно.

«Я полагаю, что одновременно с демаршем (т. е. пред'явлением ультиматума. — Ред.) в Белграде, в Вене будет опубликовано официальное сообщение о содержании ноты, результатах следствия и проч. Для обработки нашей общественности имело бы огромное значение, если бы мы были заблаговременно точно информированы не только о содержании, но и дне и часе опубликования этого сообщения. Прошу вас, в случае необходимости, прислать телеграфный отчет. Ягов».

(«Г. Д.»)

Последняя попытка сохранить «верность» Италии

Германский посол в Вене — рейхсканцлеру.

ВЕНА, 20 ИЮЛЯ

Секретно.

«Весь представленный мне материал об отношении Италии к австро-сербскому конфликту я использовал сегодня в подробной дружеской беседе с графом Берхтольдом и особенно подчеркивал необходимость выяснения вопроса о возможных претензиях Италии на компенсацию... Граф Берхтольд полностью согласился и заявил, что, по его мнению, вопрос о компенсациях не является сейчас актуальным. На мое замечание, что Италия будет рассматривать разгром Сербии и связанное с этим расширение влияния монархии на Балканах, как подрыв ее позиций, и, может быть, даже выступит по этому поводу с протестами, министр ответил, что эта точка зрения находится в противоречии с повторными заявлениями маркиза ди Сан-Джулиано, что Италия нуждается в сильной Австрии, которая была бы оплотом против славянского потока. Чиршский».

(«Г. Д.»)

Германские империалисты все время уговаривали своих австрийских союзников поступиться кое-чем из своих земель в пользу Италии, чтобы «заткнуть ей глотку» и удержать от перехода на сторону Антанты. Но в Вене несклонны были идти на «жертвы». Уговоры из Берлина, как показывает приводимая телеграмма Чиршского, не помогли. Сохранить Италию в блоке не удалось. — Ред.

2. ... А в Петербурге поднимают тосты

Николай II приветствует Пуанкаре

«Господин президент! Позвольте мне вам сказать, как я рад обратиться к вам здесь со словами «добро пожаловать».

... Издавна об'единенные взаимной симпатией их народов и общностью интересов, Франция и Россия уже скоро четверть века поддерживают тесную связь для успешнейшего достижения одной и той же цели, заключающейся в том, чтобы охранять свои интересы, содействуя вместе с тем сохранению равновесия и мира в Европе.

... С этим искренним пожеланием я поднимаю мой бокал за ваше здоровье, г. президент, равно как и за благоденствие и славу Франции».

(«М. О.»)

Ответный тост французского президента

«... Около 25 лет прошло с тех пор, как оба наши государства в ясном предвидении своих судеб об'единили деятельность своей дипломатии. Счастливые результаты этого постоянного сотрудничества каждый день дают себя чувствовать в мировом равновесии.

Основанный на общности интересов, освященный мирными стремлениями обоих правительств, опирающийся на армии и флоты, которые знают и уважают друг друга и привыкли брататься, укрепленный продолжительным опытом и дополненный ценными дружбами союз наш, инициатива которого принадлежит славному императору Александру III и президенту Карно, постоянно с тех пор давал доказательства своего благотворного влияния и непоколебимой крепости».

(«Г. Д.»)

3. Британская дипломатия настороже

Деланный «оптимизм» Грея

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

ЛОНДОН, 20 ИЮЛЯ

«Посетив сегодня сэра Эдуарда Грея, я понял из его слов, что он пока еще оптимистически расценивает австро-сербский спор и верит в возможность миролюбивого разрешения вопроса.

Я вторично выразил свое убеждение в том, что граф Берхтольд

будет вынужден на основании точного расследования всех событий, а также на основании убедительных материалов потребовать от Сербии удовлетворения и ручательства на будущее. Кроме того, я выразил надежду, что России и Англии удастся повлиять на Сербию для того, чтобы она выполнила эти справедливые требования. Он ответил, что все зависит от того, какую форму удовлетворения будут требовать. Лихновский».

(«Г. Д.»)

Предостережение центральным державам

Английский министр иностранных дел Эдуард Грей — послу в Берлине Рембольдту.

ЛОНДОН, 20 ИЮЛЯ

«Я сегодня запрашивал германского посла, имеет ли он сведения о том, что в Вене предполагается по отношению к Сербии.

Он ответил отрицательно, но выразил мнение, что Австрия несомненно предпримет известные шаги. Он считает положение очень напряженным...

...Германский посол заметил, что было бы весьма желательным, если бы Россия смогла сыграть роль посредницы по отношению к Сербии.

Я высказал предположение, что австрийское правительство ничего не предпримет, прежде чем не предаст гласности свои претензии к Сербии, которые, вероятно, будут опираться на данные судебного следствия. Грей».

(«Б. Д.»)

ЛАВИНА УСКОРЯЕТ БЕГ

1. Франц-Иосиф одобрил ультиматум

Клика вносит поправки

Австро-венгерский мининдел—своему заместителю барону Макио.

ИШЛЬ, 21 ИЮЛЯ

Секретно.

«Его величество одобрил текст ноты Сербии и державам, не внеся никаких изменений.

Прошу ваше превосходительство сообщить германскому послу, что нота будет ему сообщена лишь завтра утром, так как нужно еще внести несколько поправок. Берхтольд».

(«Д. А.-в. К.»)

На визу в Берлин

Германский посол в Вене — министерству иностранных дел.

ВЕНА, 21 ИЮЛЯ

«Сегодня вечером будет отправлена в Берлин нота, которая должна быть передана Сербии, вместе с краткой сводкой результатов расследования в Сараеве.

Нота будет передана в Белграде в четверг и в пятницу опубликована в здешних утренних газетах. Чиршский».

(«Г. Д.»)

Когда же уезжает Пуанкаре?!

Германский министр иностранных дел—послу в Петербурге.

БЕРЛИН, 21 ИЮЛЯ

Секретно.

«В котором часу назначен в четверг от'езд президента из Кронштадта? Прошу ответить по телеграфу. Ягов».

(«Г. Д.»)

2. Самодержавие становится на дыбы

Германия «нажимает»

Германский рейхсканцлер—послу в Петербурге.

БЕРЛИН, 21 ИЮЛЯ

«Так как австро-венгерское правительство не может отказаться от своей позиции правительства великой державы, то ему ничего другого не остается, как настоять на принятии своих требований сербским правительством путем оказания сильного давления и, в случае необходимости, — путем принятия военных мер, причем выбор средств должен быть ему предоставлен.

Прошу Вас в этом смысле поговорить с г. Сазоновым и подчеркнуть, что в данном случае идет речь о вопросе, который должен быть разрешен исключительно между Австро-Венгрией и Сербией, и что державы должны приложить все старания к тому, чтобы этот вопрос касался лишь обеих, непосредственно затронутых, сторон. Мы всемерно хотим локализации конфликта, ибо всякое вмешательство другой державы вызвало бы, ввиду различных союзных обязательств, последствия, значения которых нельзя предвидеть. Фон-Бетман-Гольвег».

(«Г. Д.»)

Бурная беседа Сазонова с Пурталесом

Германский посол в Петербурге — рейхсканцлеру.

ПЕТЕРБУРГ, 21 ИЮЛЯ

«... Министр (Сазонов.— Ред.) воспользовался случаем, чтобы по своему обычаю излить свой гнев по поводу австро-венгерской политики... По его словам, приходится с опасением спросить себя, смогут ли престарелый монарх и его слабый министр иностранных дел долгое время оказывать необходимое сопротивление этим влияниям (пометка Вильгельма: «Это скорей подходит для Петербурга»).

Подлинным руководителем этой политики являются, по его мнению, два человека, растущее влияние которых должно вызвать сильнейшее беспокойство, а именно: «интриган худшего сорта» — граф Форгач и «полудурак» граф Тисса (пометка Вильгельма: «Сами вы дурак, г-н Сазонов!»)...

Сазонов... заметил, что люди, высказывающиеся в Австрии за выступление против Сербии, наверно не желают ограничиться

одними протестами в Белграде и задались целью уничтожить Сербию (пометка Вильгельма: «Это было бы самое лучшее»)...

Министр продолжал, волнуясь, что Австро-Венгрия, если уже непременно хочет нарушить мир, не должна во всяком случае забывать, что ей придется в этом случае считаться с Европой. Россия не могла бы отнестись безразлично к демаршу в Белграде, который рассчитан на унижение Сербии. Пурталес».

(«Г. Д.»)

Пуанкаре предостерегает Австро-Венгрию

Австро-венгерский посол в Петербурге— министру иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 21 ИЮЛЯ

Секретно.

«Пуанкаре принял сегодня дипломатический корпус. Он принимал каждого посла в отдельности, в присутствии министра иностранных дел, Вивиани и французского посла (в Петербурге.— Ред.) Палеолога.

Президент выразил мне в теплых словах свое соболезнование по поводу сараевского покушения...

После этого он осведомился об отношениях между Австро-Венгрией и Сербией...

Он закончил беседу, выразив желание, чтобы расследование не привело к результатам, которые могли бы вызвать беспокойство...

Это бестактное поведение главы иностранного государства, находящегося здесь в качестве гостя, — выступление, носившее характер угрозы и сильно непохожее на сдержанное, осторожное поведение Сазонова, подтверждает мнение, что Пуанкаре подействует здесь, уже во всяком случае, не в успокоительном духе. Сапари».

(«Д. А.-в. К.»)

3. В поисках сообщников

Берлин приказывает: снова «прощупать» Италию

Австро-венгерский посол в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 21 ИЮЛЯ

«Так как, начиная с императора Вильгельма, все компетентные местные круги с самого первого момента обещали без всяких

колебаний поддержать лойяльнейшим образом наше выступление против Сербии, то я считаю, что мы не должны вызвать здесь недовольство...

Г-н фон-Ягов заявил... что для обеспечения Италии было бы желательно, чтобы мы, в случае военного осложнения с Сербией, вступили в тайные переговоры с Италией относительно наших намерений... Сегени».

(«Д. А.-в. К.»)

Резкий ответ Италии

Австро-венгерский посол в Риме—министру иностранных дел.

РИМ, 21 ИЮЛЯ

Секретно.

«Сегодня состоялась беседа с маркизом Сан-Джулиано (итальянский мининдел. — Ред.). Министр казался очень озабоченным нашим предстоящим демаршем (т. е. вручением ультиматума. — Ред.) в Белграде...

— Италия, — продолжал министр, — хочет, чтобы Австро-Венгрия была сильна, но чтобы она была такова, как она есть теперь, без территориальных увеличений. Всякое увеличение австро-венгерской территории — и это он должен заявить со всей откровенностью — рассматривалось бы Италией... как направленное против ее интересов. Мерей».

(«Д. А.-в. К.»)

Турция обещает содействие центральным державам

Германский посол в Константинополе — министерству иностранных дел.

ТЕРАПИЯ, 21 ИЮЛЯ

«Великий визирь Талат бей и Энвер единодушно заявили вчера моему австрийскому коллеге, что для Австрии теперь наступил последний момент, когда она могла бы вновь возместить ущерб, понесенный ею в результате Балканской войны, и восстановить свой престиж великой державы у балканских народов и в Турции.

Не только Болгария, но и Румыния, и Турция стали бы безоговорочно на сторону Тройственного союза (пометка Вильгельма: «Мы напомним этим господам об их словах в соответствующий момент»), когда Австрия даст Сербии надлежащий урок (пометка Вильгельма: «Дай бог!»). Вангенгейм».

(«Г. Д.»)

ОСТАЛОСЬ 24 ЧАСА!

1. Еще раз: кто кого перехитрит?

«Точная» информация № 1

Царский поверенный в делах в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 22 ИЮЛЯ

«Г. Ягов (германский министр иностр. дел. — Ред.)... не знает, в чем будут заключаться австрийские требования, хотя не видит, с своей стороны, основания ожидать, что таковые окажутся преувеличенными...

Ни г. Камбон (французский посол в Берлине. — Ред.), ни я не слишком верим, будто г. Ягов не осведомлен о содержании предстоящих требований Австрии... Французский посол скорее настроен пессимистически; как на тревожный симптом он смотрит на одновременность призыва 60.000 резервистов в Италии, еще большего (около 100.000) числа в Австрии и, наконец, на увеличение и в Германии мирного состава на 450.000 человек, ввиду больших маневров, к средине нашего августа... Броневский».

(«М. О.»)

«Точная» информация № 2

БУДАПЕШТ, 22 июля. «Премьер (Венгрии.—Ред.) граф Тисса заявил в венгерском парламенте, что внешнее положение сейчас не таково, чтобы можно было ожидать, хотя бы даже с некоторой долей вероятности, серьезного поворота».

(«НОРДДЕЙЧЕ АЛЬГЕМЕЙНЕ ЦЕЙТУНГ»)

«Точная» информация № 3

ЛОНДОН, 22 июля. «Австро-венгерская нота еще не передана Сербии, но мы уже теперь знаем, что она отнюдь не будет носить характер ультиматума».

(«ВЕСТМИНСТЕР ГАЗЕТ»)

«Точная» информация № 4

ЛОНДОН, 22 июля. Заявление Ллойд-Джорджа: «Ободряющий симптом, который я замечаю, заключается в том, что... в мире замечаются явные признаки реакции. Посмотрите на одного из наших соседей (имеется, очевидно, в виду Германия. — Ред.), с которым у нас было много забот 5 лет назад. Отношения теперь значительно улучшились. Уже не видать проявлений недовольства, обычного для прессы великих держав. Настроение значительно улучшилось...»

(«АГЕНТСТВО РЕЙТЕРА»)

Действительно точная информация!

Петербург — Берлин — Вена

Германский посол в Петербурге — министерству иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 22 ИЮЛЯ

«От'езд господина Пуанкаре из Кронштадта назначен на четверг (23 июля. — Ред.) 11 часов вечера. Пурталес».

(«Г. Д.»)

Ровно в шесть и ни одной минуты раньше!

Германский министр иностранных дел — послу в Вене.

БЕРЛИН, 22 ИЮЛЯ

«Пурталес (германский посол в Петербурге. — Ред.) сообщает, что президент (Пуанкаре. — Ред.) уедет из Кронштадта в четверг, в 11 часов вечера. По среднеевропейскому времени это было бы 9 час. 30 минут. Если демарш (вручение ультиматума. — Ред.) будет произведен в Белграде завтра, в 5 часов, то о нем узнают в Петербурге еще во время пребывания Пуанкаре. Ягов».

(«Г. Д.»)

Тезисы для печати: главное не говорить правду!

Германский министр иностранных дел — поверенному в делах в Гамбурге.

БЕРЛИН, 22 ИЮЛЯ

«Следующей целью германской политики была бы, как указала «Норддейче альгемейне цейтунг» в воскресном номере, локализация конфликта... Не следует создавать впечатления, что мы

подстрекаем к войне, и поэтому следует, по возможности, не писать статей, направленных против государств двойственного союза, вместе с тем не следут писать, что в случае осложнений мы оставим Австро-Венгрию на произвол судьбы... Лучшим средством избежать войны будет, если мы с самого начала спокойно и решительно займем свое место на стороне Австро-Венгрии... Прошу вас в следующую пятницу обсудить в дружеском, но категорическом тоне положение в указанном смысле с главными редакторами газет «Гамбургер Нахрихтен», «Корреспонденц» и «Фремденблат». Фон-Ягов».

(«Г. Д.»)

Приводимые здесь документы о подкупе и инспирировании буржуазной печати дают весьма яркое представление о ее роли в развязывании войны и сокрытии от трудящихся истинных целей войны, затеянной империалистами. — Ред.

«Обработка» общественного мнения

Германский посол в Вене — рейхсканцлеру.

ВЕНА, 22 ИЮЛЯ

«Подробно говорил сегодня с графом Форгачем о необходимости воздействовать на иностранную печать. Что касается Италии, то господин фон-Мерей имеет полномочия истратить любую сумму, какая окажется необходимой... Граф Чернин в Бухаресте также имеет в своем распоряжении неограниченные суммы. Он должен главным образом постараться купить газету «Адеверуль».

Такие же полномочия имеет и граф Сапари (австро-венгерский посол в Петербурге. — Ред.). Он, однако, слабо связан с тамошней печатью. И здесь были бы чрезвычайно благодарны, если бы граф Пурталес ему помог найти посредников.

В Англии ничего не сделаешь с деньгами, и там нужно стараться действовать при помощи деловых обсуждений... В ближайшее время появятся в английских газетах статьи профессора Ламаша, профессора Редлиха и графа фон-Люцова.

Здесь считают также безнадежным попытки воздействовать при помощи денег на французскую печать. Я горячо рекомендовал графу Форгачу повлиять на здешнюю печать для того, чтобы она после демарша щадила национальные чувства своих сербов. Фон-Чиршский».

(«Г. Д.»)

2. Вопль из Белграда

Сербия просит помощи

Сербский посланник в Петербурге — царскому министру иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 22 ИЮЛЯ

«...Продолжительная агитация, которую известные круги и печать Австро-Венгрии так искусно и старательно провоцируют и поддерживают, заставляет опасаться, что целью их является доставить австро-венгерскому правительству предлог для выступления, которое будет рассматриваться Сербией, как уничтожение.

В этом и заключается опасность, и сербское правительство имеет честь просить императорское правительство принять под свое высокое покровительство правое дело Сербии. Спалайкович».

(«М. О.»)

Сазонов вежливо, но угрожающе рычит

Царский министр иностранных дел—послу в Вене Шебеко.

ПЕТЕРБУРГ, 22 ИЮЛЯ

«... Австрия, повидимому, готовится выступить в Белграде с разными требованиями в связи с сараевскими событиями. Благоволите дружески, но настойчиво указать министру иностранных дел на опасные последствия, к которым может повести подобное выступление, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер. Из моих об'яснений с французским министром иностранных дел явствует, что и Франция... несклонна допустить неоправдываемого обстоятельствами унижения Сербии...

В Лондоне также очень осуждают приписываемое Австрии намерение создать международные затруднения на упомянутой почве. Сазонов».

(«М. О.»)

Грей играет в «миролюбие»

Царский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 22 ИЮЛЯ

«Грей сказал мне, что все еще не имеется никаких сведений об австрийском плане в отношении Сербии, но он продолжает очень беспокоиться. Он опасается положения, которое создалось бы в результате австрийского демарша, содержание коего обяза-

ло бы российского представителя в Белграде точно определить свою позицию; это создало бы весьма трудно поправимый совершившийся факт, который было бы очень желательно предотвратить.

По его словам, наиболее верной мерой, пришедшей ему в голову, было бы, пожалуй, чтобы вы об'яснились в возможно более дружеской форме с австрийским послом по поводу напряженности положения, наблюдающегося в Австрии и Сербии, и насчет возбуждения, которое овладело бы русским обществом в случае пред'явления Австрией плохо обоснованных фактами и неприемлемых требований.

На мой вопрос, говорил ли он (Грей. — Ред.) с австрийским послом, он ответил, что нет, но что рассчитывает сделать это и что телеграфировал Бьюкенену по этому поводу.

В качестве продолжения нашей... личной беседы Грей прислал мне текст телеграммы, отправленной им Бьюкенену: «Возможно, что в результате расследования в Сараеве обнаружится, что заговор об убийстве был задуман на сербской территории вследствие небрежности, проявленной со стороны сербского правительства. Если Австрия будет в состоянии обосновать требования, которые она может пред'явить Сербии, и если подобные требования не выйдут за разумные пределы, я надеюсь, что будет сделано все возможное, чтобы помешать обращению к силе. Если положение станет затруднительным, было бы желательно обсуждение этого дела Россией и Австрией. Вы уполномочены высказаться в указанном выше смысле, если, по вашему мнению, положение этого потребует». Бенкендорф».

(«М. О.»)

3. А социал-демократия?

«Форвертс» тоже вопит о «сербской опасности»

«...Положение вещей таково, что великосербская идея создает сейчас опасность войны для Европы. Сильнейшая опасность для мира в цивилизованной Европе грозит сейчас из Белграда. Но тогда следовало бы побудить германское правительство организовать в Белграде совместное выступление всей Европы, т. е. всех великих держав, для того, чтобы призвать сербских зачинщиков к порядку и благоразумию...»

(«ФОРВЕРТС»)

К 22 июля позиции обоих лагерей окончательно определились. Австрийская ультимативная нота составлена и проредактирована. Она уже согласована во всех деталях с германским правительством, которое после этого со спокойной совестью начало настойчиво убеждать всех желающих слушать, что оно ни о чем не информировано.

Нужно было, однако, иметь много воображения или глупости, чтобы представить, что в Берлине не знают условий ультиматума, когда содержание последнего в основном было известно даже правительствам стран Антанты.

Политические деятели обеих империалистических группировок великолепно понимали подлинное значение надвигающегося взрыва. Именно поэтому многие из них, более чем причастные к событиям, занимались как раз в этот день такими делами, которые как будто не входили в круг их непосредственных политических обязанностей: сам составитель ультиматума, австрийский мининдел граф Берхтольд, любезно показывал своим гостям в замке Бухлау... великолепных жеребцов! Он мог спокойно предаваться этому занятию: уже к концу подходила игра, «в которой,—как не без наглости писало «Новое время»,—банкомет выигрывает всегда, куда бы ни упала карта: налево или направо».

По сравнению с «легкомысленной» Веной больше озабоченности проявлял тяжелодумный Берлин, где особенно интересовались часом и даже минутами от'езда французского президента Пуанкаре из России, — а узнав о времени от'езда, тотчас же прикинули к среднеевропейскому времени и результаты своих математических вычислений поспешили сообщить своей австрийской союзнице. Спешность и чисто немецкая пунктуальность в данном случае имели особое политическое значение: вручение ультиматума было точно приурочено к моменту отплытия Пуанкаре из Кронштадта.

Но надежды предотвратить таким образом сговор в Петербурге не имели под собою никаких оснований. 22 июля, еще во время пребывания Пуанкаре в Петербурге, Сазонов предостерегал Вену, что Франция, как и Россия, «несклонна допустить неоправдываемого обстоятельствами унижения Сербии». Николай II успел договориться с Пуанкаре, и, как сообщал английский посол в Петербурге Бьюкенен, союзники решили поднять брошенную им перчатку.

Ультиматум еще не был вручен, а английская дипломатия, которая все знала и потому могла утверждать обратное, весьма предусмотрительно оставаясь в тени, выступает с предложением передать австро-сербский конфликт на обсуждение России и Австрии. Англия усиленно подчеркивала свое «миролюбие», чтобы иметь «свободные руки». Умная лиса британского империализма Ллойд-Джордж имел основания предаваться оптимизму и заявлять, что «настроение великих держав теперь гораздо лучше, чем 5 лет назад». Печать «точно» знала, что «ультиматума не будет». Империалисты обоих лагерей дурачили общественное мнение в ожидании ультиматума и войны.

И то и другое не заставило себя долго ждать: до вручения ультиматума осталось всего 24 часа.—Ред.

23 ИЮЛЯ 1914 Г.

УЛЬТИМАТУМ!

1. Потсдамская директива осуществлена

Последние указания из Вены

Австро-венгерский мининдел — посланнику в Белграде.

ВЕНА, 23 ИЮЛЯ

Секретно.

«Демарш (вручение ультиматума. — Ред.), назначенный на сегодня, вы должны будете предпринять отнюдь не в 4 часа, а самое раннее — за несколько минут до 5-ти. Если возможно, отложите демарш до 6 часов...

Для вашего сведения добавляю, что мы хотели бы, если это возможно, чтобы сообщение о последовавшем демарше не было получено сегодня в Петербурге, так как президент Пуанкаре будет там до 11 час. вечера. Берхтольд».

(«Д. А.-в. К.»)

Поручение выполнено в точности

Австро-венгерский посланник в Белграде— министру иностранных дел.

БЕЛГРАД, 23 ИЮЛЯ

«Я передал ноту (в 6 час. веч. — Ред.) и добавил, что ответ на нее должен быть передан в субботу (25 июля.—Ред.), в 6 час. вечера, и что если к этому времени не будет получен ответ или этот ответ окажется неудовлетворительным, то я выеду из Белграда вместе с персоналом посольства... Гизлъ».

(«Д. А.-в. К.»)

Двусмысленные заявления Грея...

Австро-венгерский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 23 ИЮЛЯ

«Я только что беседовал с сэром Эдуардом Греем и сказал ему, что завтра передам циркулярную ноту (т. е. ультиматум, вру-

ченный Сербии.—Ред.), но что уже теперь хочу ему строго секретным образом передать кое-что об ее содержании...

Он ответил, что все будет зависеть от того, в какой мере наши обвинения против Сербии обоснованы, а также, какого удовлетворения мы будем требовать. Если наши жалобы хорошо обоснованы и то, чего мы требуем от Сербии, может быть выполнено этим государством, то, по его мнению, можно надеяться, что Россия будет воздействовать сдерживающим образом на белградское правительство...

Он высказал сожаление по поводу данного срока, так как это устраняет возможность успокоить первое возбуждение и воздействовать на Белград для того, чтобы он дал нам удовлетворительный ответ... Он признал трудность нашего положения и подчеркнул серьезность обстановки. Если 4 крупных государства — Австро-Венгрия, Германия, Россия и Франция—будут втянуты в войну, то это, по его мнению, вызовет состояние, равносильное экономическому банкротству Европы...

Я заявил, что рассчитываю на него и на его об'ективное и лойяльное суждение. Он ответил, что на этот раз ничего в Петербурге не сделаешь обыкновенными представлениями. Нужно ведь доказать России, что наши жалобы обоснованы и что Сербия могла бы выполнить наши требования. Менсдорф».

(«Д. А.-в. К.»)

...и выразительные комментарии Вильгельма II

Германский министр иностранных дел — императору Вильгельму II.

БЕРЛИН, 23 ИЮЛЯ

«Посол в Лондоне телеграфирует:

«Я секретным образом узнал, что сэр Эдуард Грей заявит... графу Менсдорфу, что британское правительство использует свое влияние для того, чтобы сербское правительство приняло австро-венгерские требования, если они умеренные и совместимы с самостоятельностью сербского государства.

(Пометка Вильгельма: «Не его дело решать этот вопрос, это — дело императора Франца-Иосифа!»)...

Между прочим, Грей сегодня вновь просил меня передать, что он старается в Петербурге влиять в интересах австрийской точки зрения (пометка Вильгельма: «Это невероятное британское бесстыдство...)».

Посол в Лондоне получает инструкции говорить в том духе, что мы не знали австрийских требований, но рассматривали их как внутренний вопрос Австро-Венгрии, на ко-

торый мы не компетентны воздействовать. Ягов».

(Пометка Вильгельма: «Правильно! Это нужно ясно и отчетливо заявить Грею! Для того, чтобы он понял, что я не признаю никаких шуток. Грей совершает ошибку, ставя Сербию на один уровень с Австрией и другими великими державами! Это неслыханно! Сербия — это банда грабителей, которых нужно прибрать к рукам за их преступления. Я не стану вмешиваться в вопросы, которые вправе решать лишь сам (австрийский.— Ред.) император! Я ожидал эту телеграмму, и она меня не удивила! Чисто британская манера мышления, манера приказывать свысока, которой нужно дать должный отпор! Вильгельм»).

(«Г. Д.»)

В развязывании мировой войны события 23 июля 1914 г. явились прямым осуществлением директив, выработанных 5 июля в Потсдаме, где вопрос о войне был окончательно решен.

23 июля сербскому правительству был вручен австрийский ультиматум, старательно сочиненный еще 20 июля. Трехдневная «передышка» в такое «горячее» время необходима была для того, чтобы дать Пуанкаре уехать из Петербурга раньше, чем из Белграда донесется вопль о спасении. «Передышка» еще вызывалась тем, что австрийская и германская пресса должна была усвоить данные из Берлина указания и подготовить общественное мнение в желательном направлении. Необходимо также было для этой же цели успеть подкупить по требованию Берлина иностранную прессу.

Пред'явленный Сербии ультиматум показал, что австро-венгерские империалисты вполне оправдали то доверие, которое им оказал Берлин 5 июля. Ультиматум был составлен таким образом, что Сербия его никак не могла принять полностью. Война, следовательно, была заранее обеспечена. Главные требования ультиматума состояли в следующем:

1) Сербское правительство должно было обязаться прекратить на протяжении всей территории королевства какую бы то ни было пропаганду против Австро-Венгрии в печати, общественных собраниях, школах и т. д.

2) Изменить всю учебную систему воспитания в низших, средних и высших учебных заведениях и уничтожить все учебники, не угодные австрийскому правительству.

3) Принести в самой унизительной форме извинение австро-венгерским властям, об'явить об этом в правительственной газете и приказать прочесть текст извинения во всех полках, ротах, эскадронах и т. д.

4) Допустить австрийских чиновников в Сербию для производства следствия по делу об убийстве Франца-Фердинанда.

Чтобы не затруднять сербских министров составлением ответа на ультиматум, австрийские дипломаты предупредительно составили их сами; сербским министрам нужно было только поставить свои подписи.

Тон и характер ультиматума были рассчитаны на то, чтобы вызвать войну во что бы то ни стало.

К моменту пред'явления ультиматума общественное мнение в

Германии и Австро-Венгрии было подготовлено в желательном их империалистским правительствам духе, были соответствующим образом подогреты националистические страсти. Социал-демократический «Форвертс» также присоединился к общему хору буржуазной шовинистической прессы, требуя «призвать сербских зачинщиков к порядку и благоразумию».

Британская дипломатия все еще ведет себя двумысленно: она маневрирует, чтобы нанести удар, когда в Берлине не будут его ожидать.

Отклики, вызванные ультиматумом, уже 23 июля в странах Антанты предвещали бурю, которая через несколько дней и разразилась. — Ред.

НАВСТРЕЧУ ВОЕННОМУ ВЗРЫВУ

1. Антанта совещается

«Это европейская война!»

Поденная запись царского министерства иностранных дел

ПЕТЕРБУРГ, 24 ИЮЛЯ

«К 10 часам утра приехал из Царского села С. Д. Сазонов (царский мининдел.—Ред.). Известие (об австрийском ультиматуме.—Ред.) произвело на министра весьма тяжелое впечатление, и он сразу сказал: «Это европейская война». Сазонов по телефону доложил лично государю императору о пред'явленном Австрией Сербии ультиматуме. Его величество воскликнул: «Это возмутительно!»

...Французский посол собрал у себя за завтраком для обмена мнений С. Д. Сазонова, английского посла и румынского посланника. Министр при этом просил названных представителей передать их правительствам его просьбу немедленно выработать сообща с ними план действий».

(«М. О.»)

Грей почти одобряет австрийскую ноту...

Австро-венгерский посол в Лондоне—министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 24 ИЮЛЯ

«...Только что передал сэру Эдуарду Грею циркулярную ноту, которую он внимательно прочитал... Он назвал нашу ноту самым страшным документом, какой когда-либо направляло одно государство другому. Он, однако, признал, справедливость того, что сказано о соучастии в сараевском преступлении, а также некоторых наших требований...

Он несколько раз повторил, что сильно опасается нарушения мира между великими державами. Менсдорф».

(«Д. А.-в. К.»)

...Но считает ее неприемлемой

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

ЛОНДОН, 24 ИЮЛЯ

«Сэр Эдуард Грей вызвал меня к себе... Он заявил, что государство, которое примет такие требования, перестало бы рассматриваться как самостоятельная страна (пометка Вильгельма: «Это было бы весьма желательно. Это не государство в европейском смысле, а банда разбойников!»). Ему, Грею, трудно в настоящий момент давать в Петербурге какие-либо советы...

Если Австрия вступит на сербскую территорию, то, по его мнению, возникнет опасность европейской войны (пометка Вильгельма: «Это без сомнения будет»). Невозможно даже представить себе следствия подобной войны четырех, — он подчеркнул слово «четыре», — имея в виду Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию (пометка Вильгельма: «Он забывает Италию»). Лихновский».

(«Г. Д.»)

2. Вена действует

Миссия готова к от'езду

Царский поверенный в делах в Вене — министру иностранных дел.

ВЕНА, 24 ИЮЛЯ

«...На мой вопрос, что случится, если Сербия не успеет ответить в назначенный срок, министр (Австро-Венгрии. — Ред.) ответил: всей миссии приказано выехать из Белграда. Австро-венгерское правительство... готово идти на риск вооруженного столкновения. Кудашев».

(«М. О.»)

Мониторы идут к Белграду

Царский консул в Будапеште — министерству иностранных дел.

БУДАПЕШТ, 24 ИЮЛЯ

«Ночью все мониторы прошли через Будапешт на юг. Воинские поезда следуют на Базиаш, Панчева, Землин. Приклонский».

(«М. О.»)

Кайзер против дипломатических тонкостей

Германский посол в Вене — министерству иностранных дел.

ВЕНА, 24 ИЮЛЯ

«...Для того, чтобы демонстрировать свои хорошие намерения по отношению к России, граф Берхтольд вызвал к себе сегодня русского поверенного в делах, чтобы с ним подробно поговорить об отношении Австро-Венгрии к Сербии...

Он заявил, что Австрия отнюдь не претендует на сербскую территорию (пометка Вильгельма: «Осел! Санджак Австрия должна взять, иначе сербы подойдут к Адриатическому морю»)...

Берхтольд далее заявил, что он не помышляет об изменении существующего соотношения сил на Балканах и в Европе (пометка Вильгельма: «Это изменение придет и должно придти само собой. Австрия должна получить на Балканах господствующее положение по отношению к другим меньшим странам за счет России, иначе не будет покоя»). Чиршский».

(«Г. Д.»)

Берлин «не был осведомлен»

Германский мининдел — послу в Риме.

БЕРЛИН, 24 ИЮЛЯ

«Рекомендую сказать маркизу Сан-Джулиано (итальянский мининдел.—Ред.), что мы не были подробно осведомлены об австрийской ноте. Ягов».

(«Г. Д.»)

3. Петербург готовит мобилизацию

4 округа и весь флот

Особый журнал царского совета министров

ПЕТЕРБУРГ, 24 ИЮЛЯ

«... Предвидя, что Сербия обратится к нам за советом, а может быть и за помощью, настоит надобность ныне же подготовиться...

Совет министров положил: ...предоставить военному и морскому министрам по принадлежности испросить высочайшее вашего императорского величества соизволение на об'явление, в зависимости от хода дел, мобилизации четырех военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского, Балтийского и Черноморского флотов».

(«М. О.»)

БОЙ-ПОХОД В ЕВРОПЕЙСКИХ СТОЛИЦАХ

1. Вена разрывает дипломатические отношения с Белградом.

Напролом!

Царский поверенный в делах в Белграде— министру иностранных дел.

БЕЛГРАД, 25 ИЮЛЯ

«...Несмотря на крайнюю примирительность сербского ответа на ультиматум, австрийский посланник только что, в 6½ вечера, уведомил сербское правительство нотою, что он, не получив в установленный срок удовлетворительного ответа, со всем составом миссии покидает Белград. Штрандтман».

(«М. О.»)

Ответ Сербии на австрийский ультиматум был составлен очень умело. Сербское правительство, будучи не уверено в том, придут ли ему на помощь державы Антанты, пыталось в своем ответе разрешить две задачи. С одной стороны, принимая почти все требования ультиматума, оно выбивало почву из-под ног австрийских поджигателей войны и, вместе с тем, показывало всему миру свою смиренность. С другой стороны, сербский ответ давал державам Антанты великолепное политическое оружие против Австрии. Даже сам Вильгельм был вынужден при ознакомлении с сербским ответом признать, что такой унизительной капитуляции нельзя себе было даже и представить. Но венценосный вождь германского империализма из этого обстоятельства сделал совсем другой вывод: взять Белград! Антанта широко использовала сербский ответ для мобилизации общественного мнения своих стран против Тройственного союза.

Сербское правительство, приняв почти весь ультиматум Австро-Венгрии, отказалось удовлетворить только два его требования: во-первых, об учреждении в Сербии специального австро-венгерского бюро для борьбы с югославским национальным движением и, во-вторых, об участии австро-венгерских чиновников в расследовании на сербской территории причин сараевского покушения. Австро-венгерские империалисты, для которых ответ Сербии явился полной неожиданностью, ибо он лишал их повода для войны, тем не менее объявили ответ неудовлетворительным, выставив себя в роли нападающей стороны. Это обстоятельство было очень широко использовано Антантой. — Ред.

Генштаб за работой

Царский поверенный в делах в Вене—министру иностранных дел.

ВЕНА, 25 ИЮЛЯ

«...В Чехии подготовительные меры для мобилизации уже приняты, готовят немецкие полки. В Праге установлена цензура телеграфа и телефона. Кудашев».

(«М. О.»)

2. Россия будет воевать

Заявление Сазонова германскому послу

Германский посол в Петербурге — министерству иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 25 ИЮЛЯ

«Только что имел продолжительную беседу с Сазоновым. Министр, находившийся в сильнейшем волнении, пред'являл Австро-Венгрии совершенно невероятные обвинения...

Во время разговора Сазонов воскликнул: «Если Австро-Венгрия поглотит Сербию, мы будем с ней воевать». (пометка Вильгельма: «Ну, что ж, валяйте»). Пурталес».

(«Г. Д.»)

Намечается общая мобилизация

Особый журнал совета министров.

ПЕТЕРБУРГ, 25 ИЮЛЯ

«... Ныне, в соответствии с современным оборотом дипломатических переговоров и в целях принятия всеми ведомствами потребных мер для подготовки и обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к границам возможных противников, совет министров признает своевременным привести в действие, начиная с (26) 13 сего июля, на всей территории империи положение о подготовительном к войне периоде».

(«М. О.»)

Франция безоговорочно поддержит Россию

АНГЛИЯ РАЗЫГРЫВАЕТ РОЛЬ «ДРУГА ГЕРМАНИИ»

Английский посол в Петербурге Бьюкенен—мининделу Эдуарду Грею.

ПЕТЕРБУРГ, 25. ИЮЛЯ

«Французский посол заявил (на совещании Сазонова с французским и английским послами. — Ред.), что он получил ряд телеграмм от вице-министра иностранных дел. Ни одна из этих телеграмм не говорит о каких бы то ни было даже малейших колебаниях, и он, таким образом, в состоянии формально заверить его превосходительство (Сазонова. — Ред.), что Франция становится безоговорочно на сторону России.

После того, как я его поблагодарил, министр иностранных дел (Сазонов. — Ред.) обратился ко мне с вопросом: «А ваше правительство?» Я ответил, что вы еще не считаете все потерянным, и главное теперь — это выиграть время. Я повторил то, что заявил императору во время аудиенции (см. мой секретный отчет № 100 от 3 апреля), что Англия могла бы с большей пользой играть в Берлине и Вене роль посредника, выступая в качестве друга, который в случае, если призывы к умеренности будут оставлены без внимания, мог бы в один прекрасный день превратиться в союзника (России и Франции. — Ред.), чем, если бы Англия сразу об'явила себя союзницей России...

Его превосходительство (Сазонов. — Ред.) заявил, что выступление Австрии в действительности направлено против России. Австрия намерена опрокинуть на Балканах существующее статус-кво и установить там свою гегемонию. Он не верит, что Германия действительно хочет войны, но ее позиция определяется нашей позицией (т. е. позицией Англии. — Ред.). Если бы мы решительно стали на сторону Франции и России, то не было бы войны, а если мы их теперь оставим на произвол, то прольются потоки крови, и, в конце концов, мы, по его мнению, все же будем втянуты в войну.

Французский посол заметил, что французское правительство хотело бы уже теперь знать, готов ли наш флот играть роль, присвоенную ему англо-французской морской конвенцией. Он не может допустить, что Англия откажется помочь своим обоим друзьям, об'единившимся в этом вопросе. Бьюкенен».

(«Б. Д.»)

3. Англия уточняет свою позицию

Нейтралитет исключен

Царский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 25 ИЮЛЯ

«... Я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определенному впечатлению обратного порядка. Бенкендорф». («М. О.»)

Ставка на выдержку

Замечания Эйр. Кроу, одного из помощников Грея, к телеграмме английского посла в Петербурге Бьюкенена.

ЛОНДОН, 25 ИЮЛЯ

«Прошел момент, когда еще, может быть, можно было добиться французской поддержки в попытке удержать Россию.

Ясно, что Франция и Россия решили поднять брошенную им перчатку. Какого бы мнения мы ни были о правовой стороне австрийских обвинений против Сербии, Франция и Россия считают, что это предлоги и что окончательно встал более крупный вопрос о борьбе Тройственного союза против Тройственного согласия.

Я считаю, что было бы неразумно, — если не сказать опасно, — если бы Англия пыталась выступить против этого мнения или затуманить это ясное положение представлениями в Петербурге и Париже.

Важно лишь, абсолютно ли решила Германия вести эту войну или нет?

Имеется еще возможность пошатнуть решимость Германии, внушив ей опасение, что в случае войны Англия будет на стороне Франции и России.

Я могу предложить лишь одно действительное средство для того, чтобы это дать ясно понять германскому правительству, не связывая себя абсолютно и окончательно в этой стадии. Если правительство его величества в момент, когда Австрия или Россия начнут мобилизацию, даст приказ привести весь наш флот

немедленно в состояние боевой готовности, то это должно открыть глаза Германии на серьезность опасности, которой она бы подвергалась, если бы Англия приняла участие в войне.

Если предположить, что это решение могло бы быть теперь принято, то было бы правильно осведомить об этом французское и русское правительства, и это было бы самое лучшее, что мы могли бы сделать, чтобы не допустить создания серьезного положения между Англией и Россией.

Трудно не согласиться с господином Сазоновым, что Англия раньше или позже будет втянута в войну, если последняя вспыхнет. Мы ничего не выиграем, если мы не решимся насчет того, что мы можем сделать в условиях, которые, может быть, уже завтра наступят.

Если война вспыхнет и Англия не примет в ней участия, то может произойти следующее:

а) Если победят Германия и Австрия, то они задавят Францию и унизят Россию. Французский флот исчезнет, Германия овладеет каналом при добровольном или невольном сотрудничестве Голландии и Бельгии: каково будет тогда положение Англии, лишенной друзей?

б) Победят Франция и Россия. Как они тогда отнесутся к Англии? Что будет с Индией и Средиземным морем?

В этой борьбе, которая ведется не за овладение Сербией и в которой дело идет о цели Германии установить свое политическое господство в Европе и желании держав сохранить свою индивидуальную свободу, — в этой борьбе наши интересы связаны с интересами Франции и России. Если мы можем способствовать предотвращению конфликта, показав, что наши морские силы готовы в любой момент выступить, то было бы ошибочно отказаться от этой попытки.

Какое бы решение мы в конце концов ни вынесли, я думаю, что должны уже теперь решить мобилизовать флот, как только какая-либо великая держава об'явит мобилизацию, и мы должны это решение немедленно довести до сведения французского и русского правительств. — Э. А. К. 25 июля».

Пометки Артура Никольсона, помощника Грея.

«Пункты, указанные сэром Э. Кроу, заслуживают серьезного внимания, и кабинет, без сомнения, взвесит положение. Россия будет рассматривать нашу позицию в этом кризисе, как пробный камень, и мы должны быть крайне осторожными, чтобы ее от себя не оттолкнуть. — *А. Н.*».

Пометки Эдуарда Грея.

«Черчиль мне сегодня заявил, что флот можно мобилизовать в течение 24 часов. Но я думаю, что было бы преждевременно уже теперь сделать заявление России и Франции. — Э. *Г.*».

(«Б. Д.»)

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ЗАГОВОРЯТ ПУШКИ

1. Для обмана современников и грядущих поколений

Воплощенная кротость Берхтольда

Мининдел Австро-Венгрии — послу в Берлине.

ВЕНА, 26 ИЮЛЯ

«Германскому правительству хорошо известно, что нам чужды агрессивные тенденции и что мы совершаем акт самообороны, решившись, наконец, после долголетнего терпения положить мечом конец великосербским интригам...

Мы надеемся, что наша предстоящая борьба с Сербией не приведет к дальнейшим осложнениям; если это, однако, случится, то мы с благодарностью констатируем, что Германия, не раз доказавшая свою преданность, будет помнить о своих союзных обязательствах и поможет нам в навязанной нам борьбе с другим противником. Берхтольд».

(«Д. А.-в. К.»)

Взаимное лицемерие поджигателей

Германский рейхсканцлер — послу в Петербурге.

БЕРЛИН, 26 ИЮЛЯ

«После того, как граф Берхтольд (мининдел Австро-Венгрии. — Ред.) заявил России, что Австрия не стремится к территориальным приобретениям в Сербии и хочет лишь установить покой, сохранение европейского мира зависит исключительно от России.

Мы верим в миролюбие России и в наши испытанные хорошие отношения и надеемся, что Россия не предпримет никаких шагов, которые создали бы серьезную опасность для европейского мира. Бетман-Гольвег».

(«Г. Д.»)

Глухие намеки Грея

Царский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 26 ИЮЛЯ

«... Грей продолжает мне говорить, что характер его разговоров с Берлином никоим образом не позволяет ему сделать заключение об английском нейтралитете в случае войны... Он прячется за надеждами на переговоры.

Англия целиком едва пробуждается. Со вчерашнего дня она знает, что предвидится война, со вчерашнего дня она обеспокоена этим...

Я еще не теряю надежды заставить Грея приподнять маску в ближайшие дни...

Англию страшит не столько австрийская гегемония на Балканах, сколько мировая гегемония Германии... Бенкендорф».

(«М. О.»)

Берлин пытается перехитрить Лондон

Сэр Никольсон — сэру Эдуарду Грею.

КАДОГАН ГАРДЕНС, 25 ИЮЛЯ

«Берлин играет нами. Ягов не принял на деле вашего предложения вмешаться в Вене, опираясь на нашу поддержку и поддержку Франции. Он ваше предложение лишь «передал дальше» и предложил своему послу об этом поговорить. Это не то, к чему стремились и чего желали. А. Никольсон».

(«Б. Д.»)

2. Заготовка пушечного мяса

Русские войска возвращаются из лагерей

Австро-венгерский посол в Петербурге — министру иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 26 ИЮЛЯ

«Военный атташе просит меня довести до сведения начальника генерального штаба следующее:

Усиливаются слухи о том, что военные округа Киевский, Варшавский, Одесский и Московский получили приказ о мобилизации при одновременной мобилизации запасных; в Петербургском, Виленском и, вероятно, Казанском округах имеется приказ о подготовке мобилизации, но без запасных.

Войска во всей Европейской России получили приказ вернуться из лагерей в свои гарнизоны...

Вчера совершенно неожиданно юнкера были произведены преждевременно в офицеры. По всей вероятности, это сделано во всех школах. Сапари».

(«Д. А.-в. К.»)

Ждут «повеления» о всеобщей мобилизации

Начальник мобилизационного отдела Главного управления генштаба—начальнику генерального штаба Янушкевичу.

ПЕТЕРБУРГ, 26 ИЮЛЯ

«Представляю при сем вашему превосходительству для вашего предварительного ознакомления проект всеподданнейшего доклада на случай воспоследования высочайшего повеления о производстве общей мобилизации. Генерал-майор Добророльский».

(«М. О.»)

Идут австрийские эшелоны

Царский военный агент в Австро-Венгрии — в Главное управление генерального штаба.

ВЕНА, 26 ИЮЛЯ

«Официально об'явлены частная (частичная? — Ред.) мобилизация, частный призыв ополчения. Дунайская флотилия сосредоточивается Землину. Будапешта отправляются воинские поезда к юго-западу, юго-востоку, кажется, северо-восток... Винекен».

(«М. О.»)

Концентрация германского флота

Донесение Финдлея — сэру Эдуарду Грею.

ХРИСТИАНИЯ, 26 ИЮЛЯ

«...Утренние газеты сообщают, что германский флот — 28 крупных кораблей — получил приказ собраться минувшей ночью в заранее установленном пункте у норвежского побережья».

(«Б. Д.»)

3. А социал-демократия?

За неделю до предательства

БЕРЛИН, 26 июля. «... Положение необычайно серьезное. Пролетариат больше, чем когда-либо, должен быть в настоящий момент на посту и не ожидать событий сложа руки...

Для сохранения мира и во избежание самого ужасного и рокового столкновения народов пролетариат должен бросить на весы всю свою политическую зрелость и всю свою организационную мощь».

(«ФОРВЕРТС»)

ПУТИ К ОТСТУПЛЕНИЮ ОТРЕЗАНЫ

1. Нота об об'явлении войны Сербии утверждена

«Высочайшая» виза

Доклад австро-венгерского министра иностранных дел Берхтольда—императору Францу-Иосифу.

ВЕНА, 27 ИЮЛЯ

«Я беру на себя смелость приложить проект телеграммы сербскому министерству иностранных дел с об'явлением войны Сербии...

Позволю себе еще заметить, что его высочество главнокомандующий балканских войск эрцгерцог Фридрих, равно как и начальник генерального штаба, не возражают против того, чтобы об'явление войны было передано завтра утром. Берхтольд».

«Одобряю приложенный проект телеграммы сербскому министерству иностранных дел, содержащей об'явление войны Сербии, и даю вам просимые полномочия. Ишль. 28 июля 1914 г. Франц-Иосиф».

(«Д. А.-в. К.»)

Берлин проявляет нетерпение

Австро-венгерский посол в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 27 ИЮЛЯ

«...Как сообщает министр (повидимому, фон-Ягов. — Ред.), Чиршкий (германский посол в Вене. — Ред.) телеграфирует, что генерал Конрад фон-Гетцендорф (начальник австро-венгерского генштаба. — Ред.) ему секретным образом заявил, что наша мобилизация сможет быть окончательно закончена лишь 12 августа для того, чтобы можно было произвести соответствующий военный нажим на Сербию.

Статс-секретарь (фон-Ягов. — Ред.) мне одновременно заявил, что он сожалеет по поводу этой отсрочки начала нашего военного вмешательства. Сегени».

(«Д. А.-в. К.»)

Мобилизация начинается завтра...

Царский посол в Вене — министру иностранных дел.

ВЕНА, 27 ИЮЛЯ

«... Первым днем мобилизации считается здесь завтра. Шебеко».

(«М. О.»)

Войска идут к границам

Управляющий царским консульством в Праге — начальнику канцелярии министерства иностранных дел.

ПРАГА, 27 ИЮЛЯ

«... Войска отсюда отправляются в Галицию. Сюда идут немецкие полки из Нижней Австрии. Казанский».

(«М. О.»)

«Россия не останется равнодушной...»

Николай II—королевичу Александру Сербскому.

ПЕТЕРБУРГ, 27 ИЮЛЯ

«Ваше высочество может быть уверены в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии. Николай».

(«М. О.»)

«Честное слово» Сухомлинова

Германский посол в Петербурге — министерству иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 27 ИЮЛЯ

«Военный атташе передает о своей беседе с военным министром (Сухомлиновым. — Ред.): военный министр дал мне (военному атташе. — Ред.) честное слово, что не издано никаких приказов о мобилизации... Пурталес».

(«Г. Д.»)

2. Взоры устремлены на Лондон

Англия будет воевать

Царский посол в Лондоне—министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 27 ИЮЛЯ

«Тон речи Грея с сегодняшнего дня значительно более ясен, гораздо более тверд, чем до сих пор.

Во всяком случае уверенность Берлина и Вены в нейтралитете Англии не имеет более почвы. Бенкендорф».

(«М. О.»)

Лихновский подтверждает

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

ЛОНДОН, 27 ИЮЛЯ

«Здесь все больше усиливается впечатление, и я это ясно видел из разговора с сэром Эдуардом Греем, что весь сербский вопрос заостряется в пробу сил между Тройственным союзом и Тройственным согласием. Если таким образом будет становиться все более явным намерение Австрии использовать теперешний повод для того, чтобы сокрушить Сербию (как выразился Грей), то я не сомневаюсь, что Англия встанет на сторону Франции и России, чтобы показать, что она не намерена допустить морального, а тем более военного поражения своей группы. Лихновский».

(«Г. Д.»)

«Толстые» намеки «Таймс»

«ТАЙМС», 27 июля. «Англия, как и другие державы согласия, сделает все возможное для сохранения мира. Однако всякий план, основанный на предположении, что политика какой-либо из держав Тройственного согласия изменилась и может измениться, заранее может привести к разочарованию и неудаче. Наша дружба так же крепка, как наше стремление... Если же будет попытка испытать нашу дружбу, на которой основано соотношение сил в Европе, то нас найдут вполне готовыми всеми силами нашей империи отстоять наши принципы».

Представляет большой интерес для выяснения роли империалистической печати в развязывании войны сравнение языка дипломатов и языка передовицы «Таймс» в те дни! — Ред.

Ювелирная дипломатия

Эдуард Грей — английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

ЛОНДОН, 27 ИЮЛЯ

«Русский посол мне заявил, что в германских и австрийских кругах царит мнение, что мы останемся непричастными, и он высказал сожаление по поводу влияния, которое производит это мнение.

Я подчеркнул, что это впечатление должен устранить приказ нашей первой эскадре, случайно собравшейся в Портланде, не давать отпусков... Русский посол, однако, не должен это понять в том смысле, что мы обещаем нечто большее, чем дипломатическую акцию.

Я далее заметил, что мы слышали от немцев и австрийцев, что там верят в невмешательство России, пока Австрия будет воздерживаться от присоединения сербской территории. Я добавил, что было бы смешно, если бы мы проявили себя в Берлине и Вене большими сербофилами, чем русские. Грей».

(«Г. Д.»)

Дуэль мошенников

Австро-венгерский посол в Берлине — министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 27 ИЮЛЯ

«Статс-секретарь (германский мининдел Ягов. — Ред.) мне секретным образом и весьма решительно заявил, что в ближайшее время германское правительство, может быть, доведет до сведения вашего превосходительства английские предложения о посредничестве. Германское правительство категорически заявляет, что оно ни в какой мере не поддерживает эти предложения и даже решительно высказывается против их принятия и передает их, лишь желая исполнить просьбу Англии.

Германское правительство исходит при этом из той точки зрения, что было бы чрезвычайно важно, чтобы Англия не выступила сейчас совместно с Россией и Францией. Сегени».

(«Д. А.-в. К.»)

ВОЙНА ОБ'ЯВЛЕНА!

1. Австрийская нота Сербии

«Вынуждены прибегнуть к оружию»

Австрийский министр иностранных дел — сербскому министерству иностранных дел.

ВЕНА, 28 ИЮЛЯ

«Так как королевское правительство Сербии не ответило удовлетворительным образом на ноту, переданную ему 23 июля 1914 года австро-венгерским посланником в Белграде, то правительство его величества вынуждено само озаботиться о защите своих прав и интересов и прибегнуть для этой цели к оружию.

С этого момента Австро-Венгрия считает, что она находится в состоянии войны с Сербией. Австро-венгерский министр иностранных дел граф Берхтольд».

(«Д. А.-в. К.»)

Венский генштаб просит инструкций у Берлина

Австрийский套 мининдел—австрийскому послу в Берлине.

ВЕНА, 28 ИЮЛЯ

«Прошу немедленно отправиться к рейхсканцлеру или министру иностранных дел и сообщить от моего имени следующее:

Согласно сообщениям, полученным из Петербурга, Киева, Варшавы, Москвы и Одессы, Россия принимает широкие военные подготовительные мероприятия...

Начальник генерального штаба считает поэтому настоятельно необходимым немедленно выяснить, можем ли мы выступить с крупными силами против Сербии или нам придется бросить наши главные силы против России. Берхтольд».

(«Д. А.-в. К.»)

«Ради всевышнего»—воюйте за компанию!

Австрийский мининдел — австрийским послам в Риме и Берлине.

ВЕНА, 28 ИЮЛЯ

«Германский посол сделал у меня сегодня, по личному поручению императора Вильгельма, рейхсканцлера и министра иностранных дел, срочное представление и просил «ради всевышнего» ввиду серьезности положения и угрожающих опасностей выяснить с Италией вопрос о толковании статьи 7-й договора Тройственного союза. Берхтольд».

(«Д. А.-в. К.»)

Поздно...

Австрийский мининдел—австрийскому послу в Лондоне.

ВЕНА, 28 ИЮЛЯ

«Сегодня меня посетил английский посол и изложил точку зрения сэра Эдуарда Грея на наш конфликт с Сербией...

Министр хотел бы, если возможно, предотвратить в последний момент враждебные действия между Австро-Венгрией и Сербией...

Я ответил, что если сэр Эдуард Грей говорит о возможности предотвратить враждебные действия, то эта идея опоздала, так как уже вчера с сербской стороны стреляли в наших пограничных солдат, а сегодня мы об'явили войну Сербии. Берхтольд».

(«Д. А.-в. К.»)

2. Чуть было не сорвалось

Сербия—на коленях, но Белград надо оккупировать

Германский император — министру иностранных дел.

НОВЫЙ ДВОРЕЦ, 28 ИЮЛЯ

«Прочитав сербский ответ, который я сегодня получил, я пришел к убеждению, что желания Дунайской монархии в общем выполнены. Вопрос о паре оговорок, сделанных Сербией по поводу отдельных пунктов, можно, по-моему, урегулировать путем переговоров. Но в этом ответе заключена капитуляция самого уни-

зительного характера перед всем миром, и тем самым отпадает какое бы то ни было основание для войны... Для того, чтобы эти красивые обещания претворились в жизнь, нужно применить легкое насилие. Это можно сделать таким образом, чтобы Австрия получила залог (Белград)... и держала его в своих руках до тех пор, пока все требования будут действительно выполнены...

Если вы разделяете мое мнение, то я предложил бы сказать Австрии: достигнуто отступление Сербии, носящее чрезвычайно унизительный для страны характер, с чем можно поздравить Австро-Венгрию. Повод для войны таким образом, естественно, уже не существует. Однако нужна гарантия того, что обещания будут выполнены. Этого можно добиться временной военной оккупацией части Сербии. Подобно тому, как мы оставили в 1871 году во Франции войска, пока не были уплочены миллиарды. На этой основе я готов посредничать в целях установления мира. Вильгельм».

(«Г. Д.»)

Непременно хотят войны

Германский посол в Лондоне — германскому министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 28 ИЮЛЯ

«Члены местного австрийского посольства, включая графа Менсдорфа, в своих беседах с членами посольства и со мной никогда не скрывали, что Австрии важно разбить Сербию и что нота нарочно так составлена, чтобы ее пришлось отклонить.

Когда в субботу вечером «Сентраль ньюс» распространила сообщение, что Сербия уступила, эти господа были буквально подавлены. Граф Менсдорф мне еще вчера сказал секретным образом, что в Вене непременно хотят войны, так как Сербия должна быть «сломлена». Эти же господа говорили, что часть Сербии предполагается подарить Болгарии (и, возможно, Албании). Лихновский».

Пометка рейхсканцлера: «Эта двойственность Австрии невыносима. Нам они не говорят о своей программе, заявляют, что высказывания графа Гойоша, в которых проглядывало намерение расчленить Сербию, носили частный характер, в Петербурге они себя ведут, как овечки, не помышляющие о чем-либо дурном, а в Лондоне их посольство толкует о намерении подарить часть сербской территории Болгарии и Албании».

(«Г. Д.»)

3. Антанта лихорадочно готовится

Петербург мобилизует армию и распинается в миролюбии

Царский министр иностранных дел — поверенному в делах в Берлине.

Сообщается в Вену, Париж, Лондон, Рим.

ПЕТЕРБУРГ, 28 ИЮЛЯ

«Вследствие об'явления Австрией войны Сербии, нами завтра будет об'явлена мобилизация в Одесском, Киевском, Московском и Казанском округах. Доводя об этом до сведения германского правительства, подтвердите об отсутствии у России каких-либо наступательных намерений против Германии.

Наш посол в Вене пока не отзывается со своего поста. Сазонов».

(«М. О.»)

Британский флот наготове

Царский военный агент в Англии — в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

ЛОНДОН, 28 ИЮЛЯ

«Английский флот готовится. Первые четыре боевые эскадры—двадцать девять броненосцев с крейсерами, миноносцами—собраны, готовы, берут уголь из Портланда. Остальные эскадры могут быть готовы через сутки. В армии мобилизации еще нет. Отпуска во флоте приостановлены. Ермолов».

(«М. О.»)

ПЕРВЫЕ СНАРЯДЫ—ПО БЕЛГРАДУ

1. Бомбардировка сербской столицы

«Последние надежды исчезли»

Царский поверенный в делах в Сербии — министру иностранных дел.

НИШ, 29 ИЮЛЯ

Очень срочная.

«Последние надежды исчезли, Белград бомбардирован, и мост на Саве взорван. Штрандтман».

(«М. О.»)

Царская Россия и Германия ощетинились друг против друга

Поденная запись царского министерства иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 29 ИЮЛЯ

«...В 3 часа германский посол вновь приехал к министру (Сазонову.— Ред.) и прочел ему телеграмму имперского канцлера, в которой говорилось, что если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизоваться, и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение.

На это сообщение С. Д. Сазонов резко ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости».

Граф Пурталес (германский посол.—Ред.) вскочил со своего места и так же резко воскликнул: «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения». Министр сухо возразил, что Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения. Собеседники расстались весьма холодно...

Его величество разрешил С. Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником генерального

штаба по вопросу о нашей мобилизации. К этому времени получено известие о начале бомбардировки Белграда австрийцами...

...Оба министра (военный и по иностранным делам.—Ред.) и начальник генерального штаба пришли к заключению, что, ввиду малого вероятия избежать войны с Германией, необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии путем выполнения ныне мобилизации частичной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону государю императору, который заявил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело...

Около 11 часов вечера военный министр сообщил по телефону министру иностранных дел, что им получено высочайшее повеление об отмене общей мобилизации».

(«М. О.»)

Берлин угрожает мобилизацией

Германский рейхсканцлер — германскому послу в Петербурге.

БЕРЛИН, 29 ИЮЛЯ

«Прошу чрезвычайно серьезно указать Сазонову на то, что дальнейшее развитие русских мобилизационных мероприятий может заставить нас об'явить мобилизацию, в результате чего вряд ли можно будет предотвратить европейскую войну. Бетман-Гольвег».

(«Г. Д.»)

Италию уже обделили!

Германский посол в Риме — министерству иностранных дел.

РИМ, 29 ИЮЛЯ

«Отвечая на дальнейшие упреки, маркиз Сан-Джулиано (итальянский мининдел.—Ред.) мне заявил сегодня в довольно серьезном тоне, что выступление Австрии направлено против интересов Италии... поскольку Австрия не дает компенсаций в случае овладения сербской территорией. Флотов».

(«Г. Д.»)

Как покупают союзников

Царский мининдел — посланнику в Бухаресте.

ПЕТЕРБУРГ, 29 ИЮЛЯ

«...Благоволите поставить... категорический вопрос об отношении, которое занято будет Румынией, причем можете дать по-

нять ему (румынскому мининделу.—Ред.), что нами не исключается возможность выгод для Румынии, если она примет участие в войне против Австрии вместе с нами... Сазонов».

(«М. О.»)

Франция — с Россией

Царский посол в Париже — министру иностранных дел.

ПАРИЖ, 29 ИЮЛЯ

«Сейчас Вивиани (французский премьер. — Ред.) подтвердил мне, что решимость правительства действовать в полном единении с нами встречает поддержку самых широких кругов и партий...

На сегодняшний вечер Вивиани воспретил предполагавшийся митинг революционеров против войны. Извольский».

(«М. О.»)

2. Германия пытается перекупить или припугнуть Бельгию

Пропустите войска — получите французские колонии

Германский министр иностранных дел — германскому посланнику в Брюсселе.

БЕРЛИН, 29 ИЮЛЯ

(«Приложенный при этом распоряжении документ прошу запереть в надежном месте и вскрыть только в том случае, если я вам предложу это сделать по телеграфу. Фон-Ягов»).

Секретно.

«Во избежание каких-либо неправильных толкований, правительство заявляет следующее:

1) Германия не намеревается предпринимать какие-либо враждебные действия против Бельгии. Если Бельгия готова в предстоящей войне соблюдать по отношению к Германии благожелательный нейтралитет, то германское правительство обязуется при заключении мира не только гарантировать целостность и независимость королевства в об'еме, но даже готово самым благожелательным образом пойти навстречу притязаниям королевства на территориальные компенсации за счет Франции...[1]).

3) ...Если Бельгия выступит враждебным образом против германских войск, то Германия вынуждена будет, к своему сожалению, рассматривать королевство, как своего врага. В этом слу-

---

[1]) См. приложения.

чае Германия не сможет взять на себя какие-либо обязательства по отношению к королевству, и вопрос о дальнейшем урегулировании отношений между обоими государствами будет разрешен в зависимости от исхода военных действий. Фон-Ягов».

(«Г. Д.»)

3. Активность британского империализма

Грей показывает когти

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

ЛОНДОН, 29 ИЮЛЯ

«Только что говорил с сэром Эдуардом Греем, по мнению которого положение является чрезвычайно серьезным. Самое неприятное впечатление произвела на него вчерашняя телеграмма сэра Мориса Бунзена (английский посол в Вене.—Ред.), согласно которой граф Берхтольд (австрийский мининдел.—Ред.) категорически отклонил предложение Сазонова уполномочить графа Сапари (австрийский посол в Петербурге.— Ред.) вступить с ним в переговоры о сербско-австрийском споре...

Из сегодняшнего заявления министра я вновь увидел, что здесь твердо убеждены, как я уже вам не раз сообщал, что если Австрия не согласится приступить к обсуждению сербского вопроса, мировая война должна неизбежно наступить.

Грей при этом полушутя заявил, что никогда нельзя знать, чьи дома уцелеют при подобном пожаре... Лихновский».

(«Г. Д.»)

Кайзер взбешен английскими предостережениями

Германский посол в Лондоне — министерству иностранных дел.

ЛОНДОН, 29 ИЮЛЯ

«Сэр Эдуард Грей вновь вызвал меня к себе. Министр был совершенно спокоен, но чрезвычайно серьезно настроен и встретил меня словами, что положение все больше обостряется. Сазонов ему заявил, что после об'явления войны он уже не в состоянии вести переговоры с Австрией, и передал сюда просьбу возобновить посредничество (пометка Вильгельма: «Совершенно неслыханный образчик английского лицемерия! С подобными жуликами я никогда не заключу морского соглашения!»)...

Грей далее заявил (пометка Вильгельма: «Гнусный обманщик»), что британское правительство попрежнему хочет поддерживать дружбу с нами и оно останется в стороне, поскольку конфликт ограничится Австрией и Россией (пометка Вильгельма: «Т. е., чтоб мы оставили Австрию на произвол судьбы, — какая мефистофельская гнусность! Чисто по-английски!»). Если же мы втянем и Францию, то положение немедленно изменится, и британское правительство, может быть, вынуждено будет принять немедленные решения (пометка Вильгельма: «Они уже приняты»). В этом случае нельзя будет долго стоять в стороне и выжидать, — «если война вспыхнет, то это будет величайшая катастрофа, какую когда-либо видел мир» (пометка Вильгельма: «Т. е. они на нас нападут»). Лихновский».

(«Г. Д.»)

---

30 ИЮЛЯ 1914 Г.

ВСЯ ЕВРОПА ПОД РУЖЬЕМ

1. Петербургская клика добилась общей мобилизации

«Теперь вы можете сломать телефон»

Поденная запись царского министерства иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 30 ИЮЛЯ

«В 10 ч. утра министр иностранных дел говорил по телефону с министром земледелия, причем оба они были весьма встревожены последовавшей отменой всеобщей мобилизации...

Около 11 час. утра министр иностранных дел вновь встретился с военным министром у начальника генерального штаба. Начальник штаба (генерал Янушкевич.—Ред.) горячо умолял С. Д. Сазонова непременно убедить государя на общую мобилизацию ввиду крайней опасности для нас оказаться неготовыми к войне с Германией... Генерал Янушкевич просил министра, чтобы, если ему удастся склонить государя, он тотчас бы об этом передал ему, Янушкевичу, по телефону из Петергофа для принятия немедленно надлежащих мер, так как необходимо будет прежде всего как можно скорее уже начатую частично мобилизацию превратить во всеобщую... «После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены всеобщей мобилизации...»

Наконец, государь дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации. С. Д. Сазонов испросил высочайшее соизволение немедленно передать об этом по телефону начальнику генерального штаба и, получив таковое, поспешил в нижний этаж дворца к телефону. Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением ген. Янушкевичу, министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: «Теперь вы можете сломать телефон».

(«М. О.»)

Германия заканчивает приготовления

Царский посол в Берлине—министерству иностранных дел.

БЕРЛИН, 30 ИЮЛЯ

«...Сейчас отдан приказ о мобилизации германских армий и флота. Свербеев». («М. О.»)

Кайзер гарцует перед строем

Германский посол в Петербурге — министерству иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 30 ИЮЛЯ

«Только что имел полуторачасовую беседу с вызвавшим меня в полночь Сазоновым. Министр хотел меня уговорить, чтобы я посоветовал своему правительству принять участие в совещании четырех держав для того, чтобы найти средство дружеским образом заставить Австрию отказаться от требований, затрагивающих суверенитет Сербии.

(Пометка Вильгельма: «А русская мобилизация — это дружеский путь?»).

Я чрезвычайно серьезно добавил, что весь австро-сербский спор отходит теперь на задний план ввиду появления опасности европейского столкновения... Сазонов упорно стоял на том, что Россия не может оставить Сербию на произвол судьбы. Ни одно правительство не могло бы, по его словам, проводить подобную политику, не создавая серьезных опасностей для монархии.

(Пометка Вильгельма: «Глупости. Подобного рода политика таит в себе серьезнейшие опасности для царя»). Пурталес». («Г. Д.»)

Германский генштаб предписывает Вене мобилизацию

Австро-венгерский посол в Берлине—министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 30 ИЮЛЯ

«Австро-венгерский военный атташе только что отправил барону Конраду (начальник австрийского генштаба. — Ред.) телеграмму о чрезвычайно важной беседе с начальником германского генерального штаба.

Согласно этой телеграмме, граф Мольтке нам настоятельно советует об'явить немедленно всеобщую мобилизацию. Сегени». (Д. А.-в. К.»)

2. Грей становится все откровеннее

Английский флот вмешается

Австро-венгерский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 30 ИЮЛЯ

«Мой германский коллега очень обеспокоен и взволнован. Он мне заявил... что на этот раз просчитались и в Берлине и в Вене, полагая, что Россия не вмешается...

Сэр Эдуард Грей дал ему ясно понять в самом дружеском тоне, что если Франция будет втянута в войну, то английский флот немедленно вмешается. Менсдорф».

(«Д. А.-в. К.»)

Ответ, достойный вопроса

Царский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 30 ИЮЛЯ

«Французский посол сказал мне, что германский посол спросил Грея, почему Англия принимает военные меры, как сухопутные, так и морские.

Грей ему ответил, что эти меры не имеют никакого агрессивного характера, но что положение таково, что каждая держава должна приготовляться. Бенкендорф».

(«М. О.»)

«При помощи оружия»

ЛОНДОН, 30 июля. «...Английское правительство и английский народ, разумеется, оставляют за собой полную свободу действий... Если опасность будет угрожать Франции или бельгийской границе... то мы будем знать, как действовать.

Мы в такой же мере не можем допустить разгрома Франции или изменения соотношения сил во вред Франции, в какой Германия не может допустить разгрома Австро-Венгрии Россией и изменение соотношения сил в ущерб интересам Австро-Венгрии.

В этом вопросе, если придется его разрешить при помощи оружия, наши друзья и наши враги убедятся, что наши действия соответствуют нашим словам».

(«ТАЙМС»)

3. А социал-демократия?..

«Опасаться не приходится»

Протокол совещания прусского министерства.

БЕРЛИН, 30 ИЮЛЯ

«...Общее настроение в Германии хорошее (что все подтверждают).

Не приходится ничего особенного опасаться со стороны социал-демократии и социал-демократического партийного руководства. Думаю, что могу сделать этот вывод на основании переговоров с депутатом рейхстага Зюдекумом.

Не может быть и речи о всеобщей или частичной забастовке или саботаже» (из речи рейхсканцлера Бетман-Гольвега).

(«Г. Д.»)

ЕВРОПА ПОДОЖЖЕНА СО ВСЕХ КОНЦОВ

1. Венценосные очковтиратели

Вильгельм заклинает Николая...

БЕРЛИН, 31 ИЮЛЯ

«Сейчас я получил достоверные известия о серьезных военных приготовлениях на моей восточной границе. Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предупредительные меры защиты.

В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до крайних пределов. Ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня...

Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если Россия согласится приостановить военные мероприятия, угрожающие Германии и Австро-Венгрии. Вилли».

(«М. О.»)

...и предлагает Австрии ударить на Россию

Вильгельм II — Францу-Иосифу.
БЕРЛИН, 31 ИЮЛЯ

«...Я рассчитываю, что 2 августа будет первым днем мобилизации, и готов во исполнение своих союзных обязательств немедленно начать войну против России и Франции.

В этой трудной борьбе чрезвычайно важно, чтобы Австрия бросила свои основные силы против России и не распыляла войска в результате одновременного наступления на Сербию. Вильгельм».

(«Д. А.-в. К.»)

Николай благодарит Вильгельма...

ПЕТЕРБУРГ, 31 ИЮЛЯ

«Сердечно благодарен тебе за твое посредничество, которое начинает все же подавать надежду на мирный исход кризиса. По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления...

Пока будут длиться переговоры с Австрией... мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Я торжественно даю тебе в этом мое слово. Я уповаю на милость божью... Ники».

(«М. О.»)

... и мобилизует всю армию

Начальник морского генерального штаба— командующему морскими силами Балтийского моря Эссену.

ПЕТЕРБУРГ, 31 ИЮЛЯ

Срочно. Секретно.

«Об'явлена секретно общая мобилизация, и главнокомандующий великий князь Николай Николаевич вступил в должность. Вице-адмирал Русин».

(«М. О.»)

А Белград третий день под орудийным обстрелом...

Памятная записка сербской миссии в Петербурге — царскому министру иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 31 ИЮЛЯ

«Последняя телеграмма г. Пашича (председатель сербского совета министров. — Ред.) о бомбардировке Белграда гласит: «Бомбардировка продолжается непрерывно. Артиллерия бомбардирует город осадными орудиями с намерением его разрушить. Город разделен на секторы. Число человеческих жертв значительно, материальные потери громадны».

(«М. О.»)

Вена пытается околпачить Лондон

Доклад австро-венгерского мининдела графа Берхтольда — императору Францу-Иосифу.

ВЕНА, 31 ИЮЛЯ

«На состоявшейся сегодня об'единенной министерской конференции постановлено ответить в самой вежливой форме на переданное здесь вчера германским послом английское предложение о посредничестве, что мы хотя не возражаем против обсуждения английского предложения, но наши военные действия против Сербии не должны из-за этого задержаться, и, кроме того, мы должны поставить условием для рассмотрения предложения Грея, чтобы Россия немедленно приостановила все свои мобилизационные мероприятия и распустила свои резервы».

(«Д. А.-в. К.»)

2. Германский ультиматум Франции

Ответ — до 4 часов завтрашнего дня

Германский рейхсканцлер — германскому послу в Париже.

БЕРЛИН, 31 ИЮЛЯ

Секретно.

«Если, — хотя этого и не следует ожидать, — французское правительство об'явит о своем нейтралитете, благоволите заявить французскому правительству, что в качестве залога, обеспечивающего этот нейтралитет, мы должны требовать передачи нам крепостей Туль и Верден, которые мы должны будем занять и вернуть по окончании войны с Россией.

Ответ на этот вопрос должен быть здесь получен до 4 часов завтрашнего дня. Бетман-Гольвег».

(«Г. Д.»)

Париж еще раньше решил воевать

Царский посол в Париже — министру иностранных дел.

ПАРИЖ, 31 ИЮЛЯ

«От военного агента — военному министру. «Час ночи. Военный министр, об'явив мне в приподнятом сердечном тоне о твердом решении правительства на войну, просил меня подтвердить надежду французского генерального штаба, что все наши усилия будут направлены против Германии. Извольский».

(«М. О.»)

Грей уповает на всеобщую войну

Царский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 31 ИЮЛЯ

«Грей сказал мне, как он только что перед тем сказал Камбону, что германский посол настаивал перед ним на об'явлении английского нейтралитета, в чем он категорически отказал.

Кроме того, Грей сказал германскому послу, что если война станет более общей и Франция будет в нее вовлечена, Англия не сможет оставаться незаинтересованной... Бенкендорф».

(«М. О.»)

Британский флот идет на Восток

Царский военный агент в Англии—в отдел генерала-квартирмейстера генерального штаба.

ЛОНДОН, 31 ИЮЛЯ

«Ночью призваны 25 тыс. резервистов флота. Эскадры вышли из Портланда к восточным берегам. На суше принимаются некоторые меры по обороне берегов и усилению гарнизонов восточного берега. Ермолов».

(«М. О.»)

Россия дарит Румынии Трансильванию...

Царский growth

ПЕТЕРБУРГ, 31 ИЮЛЯ

Лично, весьма доверительно.

«Имеем положительные данные, указывающие на возможность даже вооруженного выступления Румынии вместе с Австрией против нас...

По некоторым признакам, повидимому, есть еще возможность обеспечить нам невмешательство, а может быть даже открытый переход Румынии на нашу сторону путем обещания с нашей стороны соответствующего вознаграждения.

В качестве последнего мы были бы согласны обещать нашу поддержку в приобретении Румынией Трансильвании. Благоволите осторожно выяснить этот вопрос. Сазонов».

(«М. О.»)

...а Германия обещает ей Бессарабию

Германский мининдел — германскому поверенному в делах в Бухаресте.

БЕРЛИН, 31 ИЮЛЯ

«Прошу немедленно сообщить королю Карлу и г-ну Братиану следующее:

Если война с Россией станет неизбежной, то при благоприятном исходе германское правительство постарается, чтобы Румыния получила Бессарабию за выполнение своих союзных обязанностей и активное участие в войне на нашей стороне. Ягов».

(«Г. Д.»)

ВОСТОК ПЫЛАЕТ!

1. Германия об'являет войну России

Комедия — пролог к трагедии

Поденная запись царского министерства иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 1 АВГУСТА

«В пятом часу граф Пурталес, вызвав по телефону барона Шиллинга, сказал, что ему необходимо безотлагательно видеть министра. Барон Шиллинг ответил, что С. Д. Сазонов в настоящую минуту находится в совете министров на Елагином острове, и обещал тотчас уведомить посла, как только министр вернется. Это и было сделано в начале седьмого часа, и граф Пурталес вскоре приехал в министерство. Предупрежденный об этом С. Д. Сазонов не обольщал себя никакими надеждами и сказал барону Шиллингу: «Он, вероятно, привезет мне об'явление войны».

Войдя в кабинет министра, германский посол спросил, согласно ли императорское правительство дать на вчерашнюю его ноту (об отмене общей мобилизации в России. — Ред.) благоприятный ответ.

Министр ответил отрицательно, прибавив, что, хотя об'явленная общая мобилизация не может быть отменена, Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения.

Граф Пурталес, уже приехавший весьма озабоченным, стал выказывать признаки возрастающего волнения. Вынув из кармана сложенную бумагу, он еще раз поставил министру тот же вопрос, подчеркнув тяжелые последствия, к которым должен повести отказ России согласиться на требование Германии об отмене мобилизации.

С. Д. Сазонов твердо и спокойно подтвердил еще раз только что данный им ответ.

Все больше волнуясь, посол поставил в третий раз тот же вопрос, и министр еще раз сказал ему, что у него нет другого ответа: «Je n'ai pas d'autre réponse à vous donner» [1]).

---

[1]) «У меня нет другого ответа для вас».

Посол, глубоко растроганный, задыхаясь, с трудом выговорил: «En ce cas, Monsieur le ministre, je suis chargé par mon gouvernement de vous remettre cette note» [1]).

И дрожащими руками он передал С. Д. Сазонову ноту с об'явлением войны...

Разговор между послом и министром происходил стоя в большом кабинете, и после вручения ноты граф Пурталес, потерявший всякое самообладание, отошел к окну (первому от угла) и, взявшись за голову, заплакал, говоря: «Je n'aurais jamais cru que je quitterai Petersbourg dans ces conditions» [2]). При этом он обнял министра и ушел, прося сообщить в посольство о распоряжениях, которые будут отданы в отношении его от'езда, так как сам он в эту минуту был более неспособен ни о чем говорить.

Вызвав к себе немедленно А. А. Нератова и барона Шиллинга, министр сообщил о только что состоявшемся разговоре и поручил тотчас оповестить об этом кого следует, в то время как он сам по телефону доложил обо всем государю императору».

(«М. О.»)

«В состоянии войны с Россией»

Нота германского посольства в Петербурге — царскому министру иностранных дел.

ПЕТЕРБУРГ, 1 АВГУСТА

«...Имею честь, по приказанию моего правительства, сообщить вашему превосходительству нижеследующее:

Его величество император, мой августейший повелитель, от имени империи принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией. Ф. Пурталес».

(«М. О.»)

2. Англо-германская игра приходит к финишу

Берлин ставит условия Лондону

Германский рейхсканцлер — германскому послу в Лондоне.

БЕРЛИН, 1 АВГУСТА

«Германия готова принять английское предложение (об уважении нейтралитета Бельгии. — Ред.), если Англия гарантирует

---

[1]) «В таком случае, г-н министр, мне поручено моим правительством передать вам эту ноту».

[2]) «Я никогда не думал, что покину Петербург при подобных обстоятельствах».

всеми своими вооруженными силами безусловный нейтралитет Франции в германско-русском конфликте — нейтралитет до полного окончания конфликта.

Только Германия будет решать вопрос о том, когда признать конфликт законченным. Бетман-Гольвег».

(«Г. Д.»)

Два повода к войне

Германский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 2 АВГУСТА

«Асквит ответил, что при теперешнем настроении война между Англией и Германией была бы здесь весьма непопулярной, но что, с другой стороны, две вещи чрезвычайно затруднили бы нейтральную позицию правительства, а именно:

1) нарушение нейтралитета Бельгии, который гарантирован и Англией;

2) возможное нападение германских военных судов на совершенно не защищенное северное побережье Франции, которое французы в интересах своего средиземноморского флота обнажили, надеясь на британскую помощь.

Я только что беседовал с сэром Эдуардом Греем... Министр повторил, что он не может мне дать никаких определенных заверений. Лихновский».

(«Г. Д.»)

Общая мобилизация во Франции

Царский посол в Париже — министерству иностранных дел.

ПАРИЖ, 1 АВГУСТА

«Вследствие полученной здесь телеграммы от Палеолога (французский посол в Петербурге. — Ред.), что германский посол сообщил вам о решении Германии об'явить сегодня общую мобилизацию, президент республики подписал мобилизационный декрет. На улицах расклеиваются афиши о призыве запасных. Извольский».

(«М. О.»)

Турция — на стороне центральных держав

Германский посол в Константинополе — министерству иностранных дел.

ТЕРАПИЯ, 2 АВГУСТА

ТЕКСТ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА

«В случае, если Россия вмешается, предпримет активные военные мероприятия и создаст таким образом для Германии casus foederis (обязательство, вытекающее из союзного договора) по отношению к Австро-Венгрии, то этот (casus foederis) вступит в силу и для Турции. Вангенгейм, Саид-Халим».

(«Г. Д.»)

ЗАПАД — В ОГНЕ!

1. Германия об'являет войну Франции

Предлог придуман

Германский рейхсканцлер — германскому послу в Париже.

БЕРЛИН, 3 АВГУСТА

«Вчера французские летчики сбросили бомбы на поезда вблизи Карлсруэ и Нюренберга.

Франция таким образом поставила нас в положение воюющей страны. Прошу ваше превосходительство передать это в 6 часов вечера тамошнему правительству, потребовать свои паспорта и уехать, передав дела американскому посольству. Бетман-Гольвег».

(«Г. Д.»)

Сообщение о французском воздушном налете, послужившее Германии предлогом для об'явления войны Франции, оказалось вымышленным. Это впоследствии признал Бетман-Гольвег. — Ред.

Захват Люксембурга

Царский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 3 АВГУСТА

«После известия об об'явлении войны России и занятия германской армией Люксембурга общественное настроение внезапно совершенно изменилось. Возбуждение в Лондоне возрастает с часу на час. Бенкендорф».

(«М. О.»)

Вторжение в Бельгию

Начальник германского генерального штаба — министерству иностранных дел.

БЕРЛИН, 3 АВГУСТА

«4 августа в 6 часов утра нужно сообщить бельгийскому правительству, что в результате отрицательного отношения бель-

гийского правительства к нашим благожелательным предложениям мы, к сожалению, вынуждены будем провести в жизнь, если окажется необходимым, с помощью вооруженной силы, предохранительные меры против французской угрозы.

Это сообщение необходимо, так как наши войска уже завтра утром вступят на бельгийскую территорию... Об'явление войны я считаю нежелательным. Фон-Мольтке».

(«Г. Д.»)

Италия выжидает

Германский посол в Вене — германскому министерству иностранных дел

ВЕНА, 3 АВГУСТА

«Король Италии ответил следующим образом на телеграмму императора Франца-Иосифа:

«Мне нет нужды уверять ваше величество в том, что Италия, которая приложила все усилия к тому, чтобы сохранить мир (пометка Вильгельма: «Ничего!»), и сделает все, что в ее силах, для того, чтобы его как можно скорее восстановить, будет занимать вполне дружескую позицию по отношению к своим союзникам в соответствии с договором о Тройственном союзе».

(Пометка Вильгельма: «Мошенник! Несмотря на письменный пакт!»). Чиршский».

(«Г. Д.»)

2. Очередь за Англией

Заключительный аккорд Грея

Царский посол в Лондоне — министру иностранных дел.

ЛОНДОН, 3 АВГУСТА

«В чрезвычайно ясной и обоснованной речи Грей сказал, что два весьма важных вопроса в кризисе затрагивают непосредственно достоинство и жизненные интересы Англии и что он ограничится рассмотрением этих двух вопросов:

1) На Англии лежит долг чести защищать с оружием в руках французское побережье ввиду того, что Франция, считая свое побережье со времени соглашения с Англией в совершенной безопасности, перебросила весь свой флот в Средиземное море, вследствие чего французские берега остались без всякой защиты; Англия не может позволить и не позволит напасть на них. Он раз'яснил, что вследствие этого решения, (принятого) во имя прямых интересов Англии, гарантия средиземноморского торгового

пути осталась без прямой английской защиты. Грей прочитал декларацию, сделанную им вчера французскому послу, и просил одобрения палаты. Это одобрение было выражено единодушными возгласами.

2). Нейтралитет является вторым пунктом, непосредственно затрагивающим достоинство и жизненные интересы Англии. Он изложил историю трактатов и комментировал их значение. Он сказал, что допустить нарушение нейтралитета Бельгии—значит скомпрометировать ее независимость. За Бельгией последовали бы Нидерланды и Дания. Он сказал, что не желает идти в своих нынешних заключениях так далеко, как его обязывали бы сведения, только что им полученные, но еще не получившие подтверждения...

Он сообщил палате, что английское правительство запросило французское и германское, будут ли они уважать бельгийский нейтралитет; он категорически заявил о благоприятном отношении Франции и об отказе Германии дать какой-либо прямой ответ. Он прочитал палате телеграмму на имя короля Англии от бельгийского короля, умоляющего о дипломатической поддержке английского правительства, и остановился на опасности, которой подвергается Бельгия.

Обращаясь к палате, Грей сказал: «Какую пользу при таких условиях можно ожидать от дипломатической поддержки?» Он сказал, что английский флот полностью мобилизован и что армия мобилизуется.

По его словам, в последний момент ему были сделаны предложения, имевшие целью купить английский нейтралитет за компенсации. Он сказал, что отверг это предложение, как не допускающее обсуждения.

Он сказал, что, несмотря на неудобство лишать территорию Англии войск, правительство должно будет иметь в виду,—и, быть может, очень скоро,—посылку английских военных сил на континент. Он указал палате, что нейтралитет Англии будет равносилен ее политическому отречению, покушению на ее достоинство и окажется роковым для ее самых непосредственных интересов.

В заключение он просил разрешения на предоставление правительству неограниченных полномочий на предмет использования всех сухопутных и морских сил, как оно сочтет необходимым во имя достоинства и интересов Англии. Эта речь была встречена с почти единодушным энтузиазмом... Бенкендорф».

(«М. О.»)

АНГЛИЯ НАНОСИТ УДАР

1. Разрыв с Германией

Британское посольство покидает Берлин

Английский посол в Берлине — германскому министру иностранных дел.

БЕРЛИН, 4 АВГУСТА

«Ваше превосходительство! Имею честь сообщить вашему превосходительству, что так как имперское правительство не нашло возможным дать удовлетворительный ответ британскому правительству на запрос, который мне поручено было сделать по поводу нейтралитета Бельгии, я получил инструкции от статс-секретаря министерства иностранных дел отозвать как можно скорее посольство и консульства его величества и потребовать, чтобы мне и моему персоналу, согласно приложенному списку, выдали паспорта, равно как и британскому генеральному консулу в Берлине и различным британским консульским чиновникам в Германии, которые обратятся к местным властям с просьбой о выдаче им их паспортов. В. Гошен».

(«Г. Д.»)

Япония готова к... захвату Киао-Чао

Царский посол в Токио — министру иностранных дел.

ТОКИО, 4 АВГУСТА

«Министр иностранных дел ответил английскому послу на его вчерашнее заявление, что Япония определяет свое отношение к настоящей войне, сообразуясь с Англией.

По первому обращению к ней Англии Япония выполнит свои обязательства, вытекающие из союзного договора. Малевский».

(«М. О.»)

Италия предлагает свои услуги Антанте

Царский министр иностранных дел — послу в Париже Извольскому.

ПЕТЕРБУРГ, 4 АВГУСТА

«Итальянский посол возобновил со мною сегодня разговор об условиях, на которых Италия решилась бы примкнуть к нам и к Франции в борьбе против Австрии.

Он указал, что сверх приобретения Трентино Италия желала бы обеспечить себе преобладающее положение в Адриатическом море и с этой целью хотела бы получить Валлону. Сазонов».

(«М. О.»)

Такова вкратце извлеченная из многих тысяч документов сумма фактов, которая позволяет более или менее ясно представить себе, как работала дипломатическая кухня империализма двадцать лет назад. «Июльский кризис» начался с «сербского повода», а завершился он международной бойней. Приведенные факты показывают, что австро-сербский конфликт был только затравкой для мировой империалистической схватки за передел мира. Об аппетитах империалистов можно судить по приводимым в приложениях документам о том, как германские империалисты представляли себе передел мира в случае своей победы. Здесь именно находятся истинные цели войны, которую господствующие классы капиталистических стран развязали 20 лет назад под предлогом «защиты» Сербии и Бельгии (Антанта) и «борьбы с русским варварством» (Германия). Эти документы говорят красноречивее всяких слов. — Ред.

КАК ВИДОИЗМЕНЯЛИСЬ АППЕТИТЫ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА *)

1914 г.

Главный удар на Запад!

I

Меморандум прусского министра внутренних дел фон-Лебеля от 29 октября 1914 г.

„О целях войны

Некоторые соображения о целях, которых Германия может добиться при помощи победоносной войны, а также о целях, которых не стоит добиваться.

При заключении мира для нас играет роль только следующее:

«Что нам нужно и что могло бы нам пригодиться в интересах нашего великого национального будущего?» На этот вопрос необходимо ответить двояким образом:

---

[1]) Приводимые документы об аппетитах германского империализма во время войны необычайно ярко показывают, чего стоили красивые фразы о «цивилизации» и «прогрессе», во имя которых Германия Вильгельма II вела войну. Речь шла на самом деле об установлении господства германского империализма в Европе и во всем мире.

Эти документы показывают также, как видоизменялись завоевательные планы германских империалистов: результаты совещаний в Крейцнахе в 1917 г. представляют также большой интерес и потому, что они являются источником, откуда германские фашисты черпают свое завоевательное вдохновение. Эти документы достаточно выпукло рассказывают, во имя каких империалистских интересов германский империализм содействовал в меру своих сил, наряду с державами Антанты, возникновению войны. В комментариях они не нуждаются!— Ред.

1) Мы должны отказаться от того, что нам хотя и пригодилось бы, но чего мы не могли бы переварить.

2) Мы должны взять все, что нам хотя непосредственно не нужно, но должно быть отобрано у противника для того, чтобы он в будущем был слабее по сравнению с нами.

Нам могут пригодиться лучшие порты и более широкое побережье с более свободным выходом в мировой океан, более сильная континентальная позиция по отношению к английскому сопернику: мы нуждаемся в безусловной свободе морей, в колониях с удобными гаванями, которые можно защитить,—в колониях, снабжающих нас сырьем и способных стать рынками для сбыта, в колониях, способных жить своей собственной экономикой и отличающихся по сравнению с английской колониальной империей сплоченностью и свободой передвижения. Нам ненужны потерянные в мире позиции, которые нельзя удержать. Мы можем это все завоевать, идя по тому мировому политическому пути, на который вступил наш император и за который мы в первую очередь боремся. Нам нужна на западе граница, которая дала бы нам по возможности ключ к Франции. Нам могут пригодиться районы угля и руды, прилегающие непосредственно к нашей границе. С военной точки зрения желательно улучшить восточно-прусскую границу. Наконец, нам нужна военная контрибуция, которая связала бы на долгое время Францию в экономическом отношении и лишила бы ее возможности развить в других частях света финансовую деятельность во вред нам.

Это значит, что удовлетворение наших потребностей должно пойти в первую очередь за счет Франции, что необходимо фундаментальное изменение бельгийских условий, для чего необходимо добиться по меньшей мере сильных частичных успехов в борьбе с Англией, и что от России мы можем взять мало, или даже вовсе ничего не взять.

В политическом отношении Великобритания стала теперь тем врагом, который противопоставил свои жизненные интересы нашим и с которым мы раньше или позже должны покончить, так как Англия не хочет терпеть рядом с собой сильной, дееспособной Германии, играющей роль в мировой политике. Эта враждебность является картой в нашей будущей мировой исторической игре, и мы не можем и не должны никогда надеяться, что удастся придти на основе половинчатого компромисса к соглашению, которое носило бы длительный характер...

Франция является историческим врагом Германии, и мы должны были с этим веками считаться. Францию можно найти в любой враждебной нам комбинации. Если мы хотим это изменить в будущем, мы должны настолько ослабить Францию в отношении ее силы, территориальной мощи и в экономическом отношении и ослабить на долгое время для того, чтобы она не имела ни сил, ни средств вновь составлять заговоры, заостренные против нас. Покой на западе является вопросом нашей жизни и уже по одному этому мы должны заключить мир, главным образом за счет Франции. Этого тем легче добиться, что Франция имеет возможность предложить нам гораздо больше других государств. Что Франция является из всех наших противников самым храбрым, взявшимся за оружие по относительно благородным мотивам,— является фактом, не лишенным исторического трагизма. Но нам нечего заботиться о соображениях и воззрениях противника, и мы должны думать лишь о наших германских интересах и потребностях. В этой войне не разрешаются моральные вопросы...

Теперешняя война России с Германией основана на временных, а вовсе не на принципиальных противоречиях. Однако в первую очередь Россия хочет нас поразить как союзника Австро-Венгрии, поскольку она вообще сохранила контроль над своей политической волей в результате неопределенной политики последнего десятилетия, руководившейся не столько интересами страны, сколько инстинктом...

Говорят, что в результате этой войны мы должны будем разрешить польский вопрос. Это неверно. Собственно польский вопрос для нас существует лишь во внутренней политике. Исторически этот вопрос нельзя полностью разрешить, разве только против нас. Поскольку он мог быть разрешен в наших интересах, он был разрешен польскими разделами и венским конгрессом. И как раз разрешение вопроса, найденное с 1818 г., всегда приносило пользу князю Бисмарку в самых трудных положениях, когда нужно было обеспечить Пруссии—Германии надежное и решающее положение наряду с Россией и Австрией и между ними...

Нам неудобна самостоятельная сильная Польша, ввиду той притягательной силы, которую она может иметь на наши земли, заселенные поляками, без которых мы никогда не сможем обойтись. Но самое главное—это то, что силь-

ная Польша будет относиться с симпатиями ко всем странам — к России, Австрии, Франции, Англии, но только не к нам...

Мы ни в коем случае не должны, благодаря успехам нашего оружия, сделать Австрию настолько сильной и установить такие границы с нею, что мы в будущем вынуждены будем добиваться ее дружбы даже в том случае, когда наши жизненные интересы указывали бы нам другие пути и мы должны были бы сохранить свободу действий...

Не так уже ошибаются люди, утверждающие, что война России с нами рождена не столько русско-французским союзом, сколько германско-австрийским. Дело в том, что Россия отнюдь не была для нас невыносимым соседом, напротив, она была максимально удобным соседом в самые трудные наши времена...

Горнопромышленные районы, прилегающие к Верхней Силезии, представляли бы для нас экономическую ценность, но они нам не необходимы, зато кажется необходимой лучшая защита восточно-прусской границы на Немане и Нареве. Так тяжело пострадавшая теперь прусская провинция будет по праву требовать обеспечения, при котором она не боялась бы, что ее будущая работа по восстановлению всего разрушенного не станет вновь жертвой неприятельских нападений. Россия тем легче и безболезненней откажется от этих земель, не имеющих большого экономического значения, что в ее руках останутся ее польские земли...

Само собой разумеется, что вначале надо будет гораздо больше требовать от России для того, чтобы получить то, что мы желаем, и для того, чтобы она могла с большей легкостью примириться перед лицом всего мира с территориальной жертвой на границе.

Мир с Францией мы можем заключить лишь одновременно заключив его и с Англией. Ибо колониальные завоевания, которые мы должны сделать за счет Франции и Бельгии, будут носить иллюзорный характер, пока мировые морские пути не будут вновь свободны и мы не овладеем вновь своими старыми колониями. Закончив победоносно войну с Францией, мы не сможем оспаривать победу у Англии, поддерживаемой Россией...

Судьба Бельгии стоит в центре политических споров и представляет собой тяжелую проблему. Бельгийское побережье до Кале является конечно таким же заманчивым и даже желанным, как и прекрасный торговый порт Антверпен. Это означало бы однако полную аннексию Бельгии, с другой стороны, это была бы такая добыча, что Англия вела бы и должна была бы вести

войну до конца ради того, чтобы вырвать ее из наших рук. Оккупация побережья Немецкого моря является пригодным средством для того, чтобы заставить Англию заключить выгодный для нас мир, если нам не удастся добиться решающих успехов на море. Если Англия будет долго отказываться от подобного мира, то оккупация неизбежно превратится постепенно в аннексию. Мы должны будем поэтому считаться с тем, что нам, может быть, придется отказаться от своих наиболее смелых бельгийских надежд ради заключения подходящего мира с Англией. Этот выигрыш не следует недооценивать в случае, если мы не пойдем дальше частичных успехов в борьбе с Англией. Само собой разумеется, что подходящий мир с Англией должен был бы предусмотреть передачу бельгийского Конго в руки Германии.

Мы боремся за свое мировое политическое будущее. Для его обеспечения необходимо в первую очередь обладать достаточной территориальной и союзно-политической гарантией на континенте против нападений на метрополию — гарантией, которая по своей ценности была бы равна той, которую Англия имеет на морях. Эта гарантия нашей безопасности должна основываться на длительном ослаблении Франции и усилении нашей западной границы. Эта гарантия требует ликвидации бельгийских условий[1]), оказавшихся невыносимыми. Она (гарантия.— Ред.) должна предотвратить слишком далеко идущую славянизацию и колонизацию Австро-Венгрии. Она, наконец, не должна допустить, чтобы вновь поднялся сосед, мечтающий о реванше... Она, наконец, заставляет желать, чтобы Англия и Япония находились под постоянным давлением, исходящим от покоренной нами России, ибо так как Россия является мощной политической реальностью, от которой нельзя отмахнуться и мы не ощущаем потребности обогатиться за ее счет, то мы должны заботиться о том, чтобы использовать ее в наших всемирно-политических интересах.

Фон-Лебель».

Берлин, 29 октября 1914 г.

(ЭРИХ ФОЛЬКМАН «ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ В 1918 Г. ВОПРОСЫ АННЕКСИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ»).

---

[1]) Т. е. бельгийской независимости! — Ред.

II

Закабалить Бельгию!

Заключение министерств внутренних и иностранных дел по поводу бельгийского вопроса

БЕРЛИН, 31. ДЕКАБРЯ 1914 Г.

Совершенно секретно.

«Имеем честь передать вашему превосходительству прилагаемую записку о судьбе Бельгии в случае решающей германской победы.

Министерство внутренних дел Дельбрюк.

Министерство иностранных дел Циммерман.

Его превосходительству г-ну рейхсканцлеру в Главную квартиру.

Если теперешняя война закончится решающей победой германского оружия, надо будет обсудить вопрос о таком восстановлении Бельгии, как вассального государства, при котором она находилась бы в военном и экономическом отношении в распоряжении Германской империи, причем по форме (!) она должна была бы остаться по возможности свободной, и на нас не лежали бы обязанности, связанные с политической исполнительной властью.

I. Военное обеспечение Бельгии.

В военном отношении мы должны так обеспечить для себя Бельгию, чтобы при новой войне она уже не могла служить врагу в качестве опорного пункта для его операций.

1. Для этого необходимо, чтобы Германия установила свое фактическое господство над крепостями, побережьем и путями сообщения.

Для того, чтобы во всех случаях была обеспечена надежная связь германских оккупационных войск с родиной, необходимо, чтобы бельгийские пути сообщения, поскольку они обслуживают эту связь, находились в распоряжении германских войск.

Германские войска должны иметь всегда возможность пользоваться бельгийскими железными дорогами.

Необходимо также обеспечить, чтобы и другие пути сообщения находились в распоряжении германских оккупационных войск.

2. Обеспечение Бельгии в военном отношении возможно, однако, лишь в том случае, если Бельгии будет запрещено содержать свою собственную армию со своим военным командованием. Здесь возможны два пути:

а) Можно было бы обязать Бельгию распустить свою армию и сохранить лишь местную полицию для поддержания общественного порядка... Бельгия должна была бы взять на себя платежные обязательства по отношению к Германской империи. Подобное обязательство могло бы заключаться:

аа) в уплате раз навсегда установленной суммы. Эта форма носила бы неприятный характер контрибуции.

бб) Или же переложить на бельгийский бюджет все оккупационные расходы, включая расходы по содержанию и строительству укреплений.

3. Установленное в Бельгии военное положение оккупации приводит с железной необходимостью к другим ограничениям бельгийского суверенитета.

а) Поэтому германские гарнизонные войска должны подлежать своей юрисдикции. Это обязательно необходимо в той области, где действуют военно-полевые законы. Здесь даже придется потребовать, чтобы виновных в нападении на представителей германской армии судили по германским законам. Точно так же нельзя будет предоставить исключительно бельгийским властям право разрешать вопрос о возмещении за мирные работы для армии, за конфискации и порчу полей. Но даже и в области гражданского судопроизводства рекомендуется ввиду ожидаемого пристрастия бельгийских судов подчинить все дела лиц, принадлежащих германским оккупационным войскам, поскольку они являются ответчиками, германской юрисдикции.

б) Прочное военное господство над Бельгией немыслимо, пока бельгийское правительство сможет проводить свою собственную внешнюю политику.

аа) Таким образом, Бельгия должна была бы передать германскому правительству представительство своих интересов в международном масштабе.

бб) Она не должна будет иметь право содержать собственных посланников в других странах.

сс) Бельгии нельзя будет даже оставить право иметь своих консульских представителей, так как можно ожидать, что бельгийское правительство, помышляющее об освобождении от германского влияния, использует этих консулов в качестве дипломатических представителей. Поэтому, пока Бельгия будет иметь свой самостоятельный торговый флаг, его будут защищать наши консульские представители.

с) При этих условиях Бельгия не могла бы вести свою соб-

ственную колониальную политику. Внутренняя и внешняя защита государства Конго также перешла бы к Германии.

д) В области внутреннего управления Бельгии Германская империя должна была бы оставить за собой право вето [1]) против всех законов и административных мероприятий. В чрезвычайных случаях император должен иметь право ввести осадное положение во всей Бельгии или в той или в другой области страны.

II. Экономическое проникновение в Бельгию.

Германия сможет приобрести решающее экономическое влияние в Бельгии лишь в том случае, если она максимально включит эту страну в германскую хозяйственную систему.

1. Для этого нужно в первую очередь принять Бельгию в германский таможенный союз... Дело идет, таким образом, о полном таможенном союзе...

с) Присоединение к германской таможенной территории должно произойти так, чтобы Бельгия не получила никакого права голоса в вопросах, касающихся таможенного союза. Напротив, она должна образовать не самостоятельную область таможенного союза, как это сейчас имеет место в Люксембурге. Бельгия была бы обязана немедленно ввести у себя все германские законы и распоряжения, касающиеся взыскания пошлин. Само взыскание пошлин должно быть поставлено под германский контроль.

2. В области транспорта нужно будет стремиться к установлению максимально тесной связи между Бельгией и Германией.

а) В железнодорожной области надо будет увеличить число железнодорожных линий, связанных друг с другом, добиться единообразия в порядке железнодорожной службы и принятия бельгийских жел. дорог в германский железнодорожный союз.

б) Надо будет тесно связать систему бельгийских водных путей с германской и ввести по возможности одни и те же правила движения.

с) Германская империя должна будет обеспечить за собой право голоса в выработке железнодорожных и водных тарифов.

3. Было бы целесообразно привести денежную систему Бельгии в соответствие с германской системой. Для этой цели Бельгия должна была бы

а) выступить из латинской монетной унии;

---

[1]) Наложение запрета.—Ред.

б) ввести марку в качестве денежной единицы и заключить с Германией монетный договор.

4. Кроме того, для защиты германской промышленности от бельгийского бросового экспорта необходимо было бы максимально уравнять условия в области социального и налогового законодательства.

а) Пришлось бы обязать Бельгию ввести у себя принципы германских законов в области рабочего страхования, защиты труда и германских законов о выдаче пособий...

б) Бельгия должна была бы обложить налогами доходы и продукцию так же, как в Германии...

с) И в законодательстве, касающемся синдикатов и картелей, Бельгия должна быть связана соответствующими германскими мероприятиями.

Эти требования уже по тому одному необходимо пред'явить, что в противном случае производственный капитал начнет уходить из Германии и Бельгии, что принесло бы вред германскому хозяйству.

III. Окончательные выводы.

Приведенные выше необходимые ограничения бельгийского суверенитета настолько серьезны, что, судя по психологическим законам, действие которых подтверждено историей, бельгийское правительство и бельгийский народ почувствуют непобедимое стремление во что бы то ни стало от них освободиться. Безусловно ожидаемые попытки бельгийского правительства освободиться от своих оков путем сговора с враждебными нам странами, равно как и более или менее опасные повстанческие движения бельгийского народа, которых также можно будет с уверенностью ожидать, привели бы к насильственному вмешательству германской оккупационной армии, к вмешательству заграницы и пересмотру правового положения Бельгии».

(ЭРИХ ФОЛЬКМАН «ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ В 1918 Г. ВОПРОСЫ АННЕКСИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ»).

1917 г.

На Западе неудачи. Главный удар на Восток!

I

Соглашение между Бетман-Гольвегом и Черниным о „минимальной программе“

Резюме

27 МАРТА 1917 Г.

«В совещаниях, происходивших за последние недели между венским и берлинским кабинетами, обсуждался также вопрос о мирных условиях Австро-венгерской монархии и Германской империи. Сошлись пока на минимальной программе, согласно которой обе державы рассчитывают поставить эвакуацию оккупированных их армиями областей в России (включая Польшу), в Черногории, Сербии, Албании и Румынии в первую очередь в зависимость от восстановления территориального довоенного статус кво обеих держав на Востоке и Западе.

При этих переговорах учитывался и такой случай, когда война закончится более благоприятно для нашей группы и что центральные державы смогут думать помимо своей территориальной целостности о длительном присоединении неприятельских областей. В этом случае пришли единогласно к мнению, что территориальное увеличение обеих держав должно будет соответствовать достижениям каждой из них. Для Германии речь шла бы главным образом о Востоке, для Австро-Венгрии — о Румынии.

Чернин. Бетман-Гольвег».

(«РАБОТА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ РЕЙХСТАГА», ПРИЛОЖЕНИЕ 13-Е)

II

Запись о переговорах в Крейцнахе между германским рейхсканцлером и военным командованием

23 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА

«Восток.

1. Курляндия и Литва должны быть присоединены к Германской империи, до линии, указанной верховным командованием армии. Если можно будет добиться присоединения частей остальных остзейских провинций, включая острова у входа в Рижский залив, то нужно будет к этому стремиться...

2. Проведение германско-польской границы зависит от будущего отношения Польши к Германской империи... Если нам удастся обеспечить свое военное, политическое и экономическое господство в Польше, то верховное командование армии готово отчасти отказаться от границы, которой оно до сих пор требовало. Во всяком случае, необходима будет линия по Нареву, линия Остроленка — Млава, область вокруг Торна, кусок земли к северу от Калиша и гарантийная область для Верхне-Силезского промышленного района. Во время мирных переговоров нужно будет также стремиться к германизации пограничной полосы.

При установлении восточной польской границы нужно будет исходить из принципа, согласно которому Польское государство должно получить возможность экспансии на восток.

3. ...Австро-Венгрия может получить новую территорию в Молдавии до Серета и кроме того Западной Валахии и Сербии.

В Западной Валахии Австро-Венгрия должна получить область до Краевы для того, чтобы держать в военном отношении Румынию в своих руках. Поскольку Сербия не была бы отдана Болгарии, она могла бы быть присоединена к Австро-Венгрии вместе с Черногорией и Албанией в качестве Югославского государства...

Нужно будет обеспечить германские нефтяные интересы в Румынии.

Запад.

1. Бельгия остается и переходит под германский военный контроль до тех пор, пока она не созре-

вает политически и экономически для того момента, когда она могла бы заключить тесный оборонительный союз с Германией. Германия в свое время определит момент, когда этому переходному периоду надо будет положить конец. Однако, по военно-стратегическим соображениям останутся навсегда во владении Германии (или в аренде на 99 лет): Льеж и побережье Фландрии с Брюгге. Эти территориальные уступки являются обязательным условием мира с Англией. Вместе с Льежем должны быть переданы Германии Тонжерен и железная дорога Льеж—Ставеле—Мальмеди.

Германский контроль должен включать также права, связанные с оккупацией, контроль над транспортом (включая и железные дороги).

При помощи оккупации нужно обеспечить возможность выступления германской армии против Франции на бельгийско-французской границе...

2. Верховное командование армии требует уступки юго-восточной оконечности Бельгии (область Арлон), исходя из военно-экономических соображений, так как предполагается, что там находится руда...

Люксембург не должен граничить с Францией, и он должен стать союзным германским государством. Пока об этом однако не следует сообщать Люксембургу.

3. Германия должна получить район при Э.-Лонгри, где находятся уголь и руда...

4. ...Император заявил, что в возмещение областей, передаваемых Францией Германии, следует предложить Франции бельгийскую область Мариенбург к юго-западу от Живе, которую Наполеон III хотел присоединить уже в мае 1870 года.

Общее.

Перемирие действительно лишь для сухопутной войны, морская война продолжается. Дальнейшие вопросы, касающиеся Балкан и Малой Азии, вопрос об опорных пунктах, которых требует меморандум адмиральского штаба, равно как и вопрос о колониях должны еще быть урегулированы между заинтересованными сторонами.

Бетман-Гольвег. Гинденбург.

Циммерман. Людендорф».

Гетцендорф.

(ЭРИХ ФОЛЬКМАН. «ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ В 1918 Г. ВОПРОСЫ АННЕКСИЙ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ»).

III

Требования морской клики

Предложение начальника адмиральского штаба о приобретении стратегических опорных пунктов.

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА, 18 МАЯ 1917 Г.

Совершенно секретно.

«Если, как мы надеемся, во время заключения мира удастся осуществить идею средне-африканской колониальной империи, то мы должны будем одновременно приобрести опорные пункты, необходимые для того, чтобы удержать в позднейшей войне колониальную империю и быть готовыми к торговой войне и защите торговли...

1. На Атлантическом океане Азорские острова или часть их и Дакар с достаточным хинтерландом...[1]).

2. На Средиземном море... дело идет в первую очередь о Валоне, которая должна стать либо германской, либо должна быть сдана в аренду дружественной державе и могла бы потом стать собственностью этой державы...

Если окажется невозможным получить Валону, то мы должны будем удовлетвориться тем, что союзники нам предоставят право постоянного пользования Катарро и Александреттой...

3. Вопрос об опорных пунктах на Индейском океане... Наряду с восточно-африканскими портами для ведения морской войны нужно иметь радиобазу в восточной части Индейского океана. Для этой цели подошла бы португальская часть Тимора...

4. Колониальный департамент рекомендует также приобрести Новую Каледонию для получения находящихся там месторождений никеля и кобальта... В качестве радиобазы можно было бы использовать в западной части кроме Новой Гвинеи остров Яп, а в восточной части Таити.

В Китае можно совершенно отказаться от военных опорных пунктов... Желательными местами были бы Циндао, Уху на Янцзы и пункт в Южном Китае, который должен быть выбран исключительно с точки зрения торговых интересов.

5. ...Верноподданнически прошу ваше величество принципиально разрешить действовать согласно этому плану при подготовительных работах к заключению мира».

(«РАБОТА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ РЕЙХСТАГА». ПРИЛОЖЕНИЕ 18-Е)

---

[1]) Т. е. окрестной территорией. — Ред.

IV

Прибрать к рукам Украину!

Результат совещания между рейхсканцлером и верховным командованием армии

КРЕЙЦНАХ, 9 АВГУСТА 1917 ГОДА

«12. Украина.

Нужно постараться выяснить стремления Украины. Следует использовать движение для молчаливого, дружественного присоединения. Нужно условиться с Австрией, можно ли предложить украинцам украинскую Восточную Галицию».

(«РАБОТА СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ РЕЙХСТАГА». ПРИЛОЖЕНИЕ 16-Е)

Здесь четыре года лилась кровь рабочих и крестьян

Цена 1 р. 75 коп.

